

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 4 (24)

2022

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Технический секретарь

А. Е. Жукова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Редакционная коллегия

- А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
- О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
- Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
- С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
- В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
- С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
- К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
- Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
- Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
- М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
- Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
- Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИ № ФС77-68612,
March 04, 2016
The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the list of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Technical secretary

A. E. Zhukova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia
S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- В. Н. Шайдуров** [10]
Цыгане на Северо-Западе: вторая половина XVIII – начало XX в.
- А. А. Перевозников** [30]
Британская община в Москве и ее роль в развитии спорта в конце XIX – начале XX в.
- А. И. Лойко** [40]
Полигlossия и особенности формирования национального менталитета белорусов в условиях мультинациональной империи
- С. И. Ковальская, А. Хизат** [50]
Возвращение казахов-репатриантов из Монголии на историческую родину

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Д. А. Мельникова** [65]
Коневодство киргизов Тургайской области во второй половине XIX в.
- В. А. Ломанов** [82]
Хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг. (на примере совхоза «Средняя Рогатка»)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- А. О. Победоносцева-Кая** [99]
От поддержки христиан к мировой революции: ассирийский вопрос в политике Российской империи и СССР
- Н. А. Осипов** [118]
Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере Юго-Востока Украины

А. В. Дусин

[138]

Операция по изгнанию из Красной армии командиров
несоветских национальностей в 1938 г.
(на примере репрессий в Северо-Кавказском
военном округе, 1937–1938 гг.)

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В. С. Мильбах, В. М. Курмышов

[154]

Судьба комкора Я. П. Гайлита (к вопросу
о существовании в Красной армии в 1930-х гг.
антисоветских националистических организаций)

Сведения об авторах

[169]

CONTENTS

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Vladimir N. Shaidurov** [10]
Gypsies in the North-West: the second half of the 18th – early 20th Century
- Aleksandr A. Perevoznikov** [30]
British community in Moscow and its role in the sport development at the end of 19th – beginning of the 20th centuries
- Aleksandr I. Loiko** [40]
Polyglottism and the peculiarities of formation of Belarusians national mentality in the conditions of multinational empire
- Svetlana I. Kovalskaya, Akerke Khizat** [50]
Return of Kazakh repatriates from Mongolia to their historical homeland

ECONOMIC EVERYDAY LIFE

- Dar'ya A. Mel'nikova** [65]
Horse breeding of the Kyrgyz of Turgay region in the second half of the 19th century
- Vladislav A. Lomanov** [82]
Economic activity of the Germans of the North-West in the 1920s (on the example of the state farm "Srednyaya Rogatka")

GOVERNMENT AND SOCIETY

- Angelika O. Pobedonostseva-Kaya** [99]
From support of Christians to the world revolution: the Assyrian question in the politics of Russian Empire and USSR

Nikita A. Osipov [118]
The policy of Ukrainization in the 1920s–1930s
on the example of the South-East of Ukraine

Aleksey V. Dusin [138]
The operation of banishment of the Red Army commanders
of non-Soviet nationalities in 1938 (on the example
of repressions in the North Caucasian military
district, 1937–1938)

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Vladimir S. Milbach, Vasily M. Kurmyshov [154]
The fate of komkor Ya.P. Gailit. (On the question
of the existence of anti-Soviet nationalist organizations
in the Red Army in the 1930s)

About Authors [169]

Статьи, представленные в № 4 за 2022 г., опубликованы на основе докладов, подготовленных для участия в Третьей международной научной конференции «**Этнические меньшинства в истории России**», посвященной 260-летию начала иностранной колонизации в России (Санкт-Петербург, г. Пушкин 28 октября 2022 г.)

Цыгане на Северо-Западе: вторая половина XVIII – начало XX в.*

В. Н. Шайдуров

На протяжении столетий Россия является многонациональным государством. Включение различных этносов и этнических групп в состав населения имело свою историю: одни входили в состав страны в результате присоединения новых территорий (восточно-европейские и бухарские евреи, татары, поляки, народы Кавказа и пр.), другие – вследствие межгосударственных миграционных процессов (немцы, корейцы, китайцы и пр.). Цыгане занимают особое положение, так как одни группы со второй половины XVIII в. оказались русскими подданными в результате разделов Речи Посполитой и присоединения Крыма, а другие уже во второй половине XIX в. переселились из европейских стран (кэлдэра-ры, ловари). Северо-Западный регион стал одним из центров цыганского мира России.

В данной статье дана общая характеристика разным группам цыган, проживавшим здесь в имперский период. Особое внимание уделено реакции цыган на предпринимаемые в их отношении мероприятия со стороны государства на разных исторических этапах, взаимоотношению с окружающим их миром (городскими мещанскими и крестьянскими обществами). Отдельно рассмотрена повседневная жизнь популярных в XIX – начале XX в. цыганских хоров в Санкт-Петербурге. Основой для рассмотрения перечисленных вопросов стали многочисленные источники из центральных и региональных архивов.

Ключевые слова: цыгане, Северо-Запад, Санкт-Петербург, цыганский хор, кочевой образ жизни.

Для цитирования: Шайдуров В. Н. Цыгане на Северо-Западе: вторая половина XVIII – начало XX в. // История повседневности. 2022. № 4. С. 10–29. DOI 10.35231/25422375_2022_4_10

Введение

Северо-Запад на протяжении нескольких столетий является своеобразным «плавильным котлом», в котором смешались разные национальности. Близость к Европе способствовала формированию немецкой, финской, шведской, польской общин, сыгравших важную роль в экономическом и социокультурном развитии Санкт-Петербурга и близлежащих регионов. Одновременно с этим в столице уже в XVIII в. начали свою историю армянская, татарская и иные общины, прочно занявшие свои «ниши».

Неотъемлемой частью историко-культурного ландшафта Северо-Запада с середины XVIII в. стали цыгане. Не являясь единой этнической общностью, они включали различные по своему происхождению группы. Будучи лично свободными, цыгане в XIX – начале XX в. были представлены двумя противоположными мирами: кочевым, который власти на протяжении почти ста лет (1770–1850) пытались гомогенизировать, и оседлым, который стал обязательным элементом культурной жизни столицы.

Современное российское цыгановедение развивается крайне неравномерно. На фоне активного изучения цыганского мира России с позиций филологии, лингвистики, этнологии, юриспруденции историческая составляющая представлена крайне слабо.

Следует отметить, что изучение исторического прошлого цыганского сообщества в России идет традиционным путем. Немногочисленные исследователи занимаются анализом истории отдельных аспектов [1; 2], либо групп цыган [3; 4]. В то же время практически не изученными остаются цыганские сообщества с точки зрения региональной истории [5; 6].

Особенностью современной историографии является первоначальное накопление материала об отдельных сюжетах исторического прошлого цыган в России. Вышедшие коллективные монографии лишь подтверждают этот тезис [7; 8].

Некоторые аспекты исторического прошлого цыган Северо-Запада нашли свое отражение в работах публицистического характера. Так, достаточно пространственные сведения о цыганских хорах в столице в середине XIX в. приведены в работе М. И. Пыляева «Старый Петербург», выдержавшей несколько

изданий [9]. Уникальные сведения о цыганских выступлениях в ресторане на даче «Самарканд» привел в своей публикации на страницах журнала «Столица и усадьбы» петербургский бытописатель под псевдонимом Дон Жуир [10]. Отдельные упоминания о цыганах, связанных с культурной жизнью столицы, можно встретить в некоторых современных научных статьях [11].

В целом история цыган на Северо-Западе является своего рода *tabula rasa*, которая требует глубокого изучения. В данной статье анализируется положение цыган в Северо-Западном регионе во второй половине XVIII – начале XX в.

Имперский период истории России характеризуется многообразием исторических источников, которые можно привлечь при изучении той или иной темы. История цыганского сообщества в России имеет свою специфику: сами цыгане не оставили письменных источников применительно к XVIII – началу XX в. Причиной тому была неграмотность и отсутствие письменности. Поэтому мы можем опираться в первую очередь на корпус так называемых «внешних» источников, которые были созданы вне цыганского мира.

Опубликованные источники представлены преимущественно нормативно-правовыми актами, в которых законодатель заявил собственную позицию применительно к цыганскому населению империи. Эти манифесты и указы носили регламентирующий характер и определяли принципы проживания цыган в России. Общий анализ законодательных актов второй половины XVIII – первой половины XIX в. позволяет нам говорить об отсутствии в государственной политике антицыганских мотивов и в целом согласиться с высказыванием одного из видных правоведов России 1820-х гг. И. Даниловичем¹: «Законодательство российское будет навсегда знаменито тем, что никогда не угнетало цыган преследованием, но с самого начала стремилось к соделанию их полезными государству гражданами» [12, с. 186].

Важную часть корпуса исторических источников составили неопубликованные документы, хранящиеся в фондах

¹Данилович Игнатий (польск. Ignacy Daniłowicz) (1788–1843), правовед, историк, профессор Виленского (1822–1824), Харьковского (1825–1830), Московского (1839–1842) университетов, профессор и декан юридического факультета Императорского университета Св. Владимира в Киеве (1835–1839), один из первых исследователей памятников законодательства и летописания Великого княжества Литовского.

центральных и региональных архивов. Так, нами были использованы материалы фондов дирекции императорских театров (ф. 497), Первого Сибирского комитета (ф. 1264), Департамента государственного хозяйства МВД (ф. 1285), Департамента полиции исполнительной МВД (ф. 1286) Российского государственного исторического архива. Богатый источниковый материал представлен в фондах канцелярии петроградского губернатора (ф. 253), новолодожского городничего (ф. 697), Петергофского уездного полицейского управления (ф. 960), Санкт-Петербургского нижнего надворного суда (ф. 1716), Ямбургского уездного суда (ф. 1727) Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Отдельные документы о цыганах Северо-Запада отложились в фонде западносибирского генерал-губернатора (ф. 3) исторического архива Омской области. Преимущественно из перечисленных архивохранилищ были извлечены делопроизводственные материалы. Поиск документов в центральных и региональных архивах позволил нам представить более рельефную картину исторического прошлого цыганского населения региона. Уникальным источником являются воспоминания Екатерины Александровны Сорокиной¹ под названием «Записки цыганской певицы», записанные и литературно обработанные Р. Волковыской, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Во время исследовательской работы нами были использованы различные общенаучные и специальные методы исторической науки (историко-сравнительный, историко-описательный, проблемно-хронологический и пр.).

Применение различных методов в совокупности с богатым корпусом исторических источников позволило достичь поставленную исследовательскую цель.

Результаты

Включение в состав России по итогам Ништадтского мирного договора новых территорий (Ингерманландии и др.) привело к некоторым изменениям в национальном составе

¹ Сорокина Екатерина Александровна (Катюша) (1898–1979) – цыганская певица, представительница династии хоровых цыган Санкт-Петербурга.

Северо-Запада. Новой этнической группой стали ингерманландские цыгане, которые в XVII в. были вытеснены шведскими властями на восточные окраины королевства. Их правовое положение было определено сенатским указом от 13 сентября 1733 г., согласно которому они были не только признаны «местными уроженцами», но и получили право разводиться лошадей и заниматься торгом. Об оседлом характере жизни свидетельствует их запись в подушный оклад по месту жительства [13].

В 1740–1750-х гг. на Северо-Западе стали появляться цыганские таборы, вышедшие с территории современной Белоруссии. Это явление можно объяснить рядом причин. С одной стороны, обострились отношения между польскими властями и цыганским миром Речи Посполитой, который с конца XVII в. пользовался определенной автономией и покровительством Радзивиллов. С другой стороны, Польша с конца XVII в. стала ареной частых военных конфликтов, как связанных с внутренними противоречиями, так и внешнеполитической борьбой в центрально-восточной Европе. Именно под воздействием этих и иных факторов начался «исход» цыган из района Гродно – Мира. Одним из направлений миграций белорусских цыган стали приграничные российские губернии. Это подтверждает и статистика. Например, в Смоленской губернии отмечается резкий рост числа цыган: если по данным IV ревизии (1782) числилось 55 цыган об. пола, то уже по V ревизии (1795) их было 248 [14, л. 117–118].

В Северо-Западный регион белорусские цыгане проникают через Псковскую губернию. Результатом стало формирование новой цыганской общности русских цыган (русска ромá) – псковских цыган (псковска ромá), которые проживают в современной Псковской области до настоящего времени и ведут преимущественно оседлый образ жизни. Из Псковской губернии они расселялись дальше. Так, в своем донесении в Правительствующий сенат от 17 июля 1803 г. вологодский гражданский губернатор А. А. Горяинов отмечал, что на территории губернии проживало 83 цыгана, переселившихся в свое время из Псковской губернии [14, л. 28].

Однако с конца 1750-х гг. цыганское население столкнулось с первыми запретительными мерами со стороны властей.

Императрица Елизавета Петровна проявляла нетерпимость не только к евреям, но и цыганам, запретив им не только проживать, но и появляться в столице и ее окрестностях [15]. Этот указ стал одним из первых шагов правительственных властей, направленных на борьбу с цыганским бродяжничеством.

Тем не менее уже в 1760-х гг. в Псковской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях встречались упоминания о цыганских таборах. Именно в это время широкое распространение получила практика записи цыган за местными помещиками в качестве дворовых. Достоверно известно, что подобным образом они были записаны за видным государственным деятелем царствования Екатерины Второй А. П. Мельгуновым [16], Санкт-Петербургским обер-полицмейстером, а впоследствии председателем Комитета министров П. В. Лопухиным [17], инженер-прапорщиком С. С. Чайковским [18].

Отношения оформлялись особым срочным двусторонним договором. Цыгане в данном случае не были наделены по договоренности с помещиком землей, не имели собственного хозяйства и проживали по выданным помещиком паспортам. И этим они отличались от прочих групп дворовых крестьян [19].

Надо сказать, это явление было крайне выгодно обеим сторонам. Цыгане получали от помещика столь необходимые для перемещения по империи паспорта. Их отсутствие в случае задержания полицией могло привести к тяжким последствиям, вплоть до ссылки в Сибирь как бродяг. За это они брали на себя обязательство «бездоимочно» и в срок уплачивать все подати и повинности [20]. Помещик же, записав дворовых за себя в подушный оклад, мог значительно улучшить свое материальное положение и повысить статус в обществе. Он становился своего рода предтечей гоголевского Петра Ивановича Чичикова.

На рубеже XVIII–XIX в. численность цыган в Северо-Западном регионе возросла за счет присоединения новых территорий и межрегиональных миграций. В первую очередь следует отметить увеличение числа ингерманландских цыган, часть которых проживала на территории Выборгской (Финляндской) губернии. На начало 1800-х гг. здесь числилось 82 цыга-

на [14, л. 6–7]. В Санкт-Петербургской губернии в это же время, по данным губернской казенной палаты, в Ямбургском уезде были учтены по ревизии 1795 г. 35 цыган м. п. [14, л. 34]. К сожалению, статистический учет разных групп цыганского населения в регионе несколько затруднен характером их жизни. Большая часть продолжала вести кочевой образ жизни, а потому не была учтена в проводимых ревизиях.

Неоднородность цыганского населения региона дополнялась пестротой социального состава. В условиях проводимой многолетней кампании по борьбе с цыганским бродяжничеством большинство вынуждено было приписаться к сельским и мещанским обществам, пополнив таким образом ряды государственных крестьян и мещан. Правда, это причисление зачастую оставалось на бумаге и носило исключительно формальный характер.

В качестве примера можно указать семью Юрия Юрьева из ямбургских цыган. По материалам Новолодожской градской думы видно, что она в 1828 г. была причислена к мещанскому обществу Новой Ладogi. Однако с момента причисления и до 1840 г. в городе она не объявилась. Не были доставлены в думу и посемейные ревизские сказки, например за 1833 г. (VIII ревизия) [21, л. 24 об.].

Подобная ситуация порождала негативное отношение к цыганам как в городах, так и в деревнях. Приписанные к местным обществам, последние включались в раскладку податей и повинностей. Однако их отсутствие приводило к тому, что на плечи однообщественников ложилась обязанность выплачивать дополнительные деньги. В редких случаях задержанные беспаспортные цыгане под караулом внутренней стражи отправлялись к месту приписки. Но общества отказывались их принимать. Местные власти в этой ситуации принимали решение о водворении «отказников» в казенные селения.

В то же время некоторые из состоятельных цыган предпочли записаться в гильдейское купечество уездных городов. На Северо-Западе, например, подобные случаи имели место в Гдове, Луге и других городах. Так, в 1796 г. на имя лужского городничего поступило прошение от цыгана Никифора Вербицкого, в котором последний заявил о своем желании «записаться в Лужское купечество» [22, л. 1]. Упрощенная про-

цедура причисления в гильдейское купечество того времени требовала «объявления по совести» определенного капитала. Для причисления к третьей гильдии Вербицкий объявил о наличии у него 2025 р., что было на 25 р. больше минимального порога [22, л. 1].

Запись в гильдейское купечество давала определенные преференции. Так, купец получал от общества паспорт, который давал ему возможность беспрепятственно разъезжать по всей губернии. Разумеется, с таким документом на руках цыгане нередко выезжали и за ее пределы. Очень часто этого требовали торговые дела.

Занимаясь преимущественно торговлей лошадьми, тот же Вербицкий выезжал в пограничные уезды Новгородской и Псковской губерний, где приобретал скот для дальнейшей перепродажи. Кроме того, в соответствии с действовавшим паспортным регламентом, в документ вписывались все члены семьи. Это давало возможность и им, как членам купеческой фамилии, перемещаться на большие расстояния.

Кочевой образ жизни цыган Северо-Запада в 1810–1820-е гг. нередко вызывал раздражение со стороны властей. Так, в 1819 г. император Александр I встретил близ Феофиловой пустыни в Новгородской губернии цыганский табор, вышедший из Херсонской губернии. Через генерал-адъютанта А. А. Аракчеева было дано указание цыган задержать и под конвоем препроводить к месту их водворения [24, л. 1 об.].

В 1824–1825 гг. в столичных присутственных местах решалась судьба цыган, приписанных в разряд казенных поселян Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. Причиной стало их бедственное положение. Как отмечалось в записке на имя Аракчеева, они «с давнего времени не платят податей и по совершенной бедности своей внести оных не в состоянии» [24, л. 3]. Их долг перед казной с момента их включения в податной расклад 1805 г. составлял 2103 р. 95 к.

Веда полуоседлый образ жизни, они не имели собственных домов и хозяйства. Традиционно в летний период цыгане занимались пасти скот, а зимой занимались меной лошадей. При водворении в казенных поселениях Санкт-Петербургской губернии им были выделены земельные наделы. Но цыгане отказались их принять, объясняя это в первую очередь отсут-

ствием средств для ведения хозяйства и неспособностью заниматься сельским хозяйством.

Санкт-Петербургский гражданский губернатор С. А. Щербинин оказался перед непростым выбором. В соответствии с положениями манифеста от 16 мая 1811 г. цыган мужского пола в возрасте от 19 до 50 лет следовало направить в рабочий дом для покрытия недоимок по казенным и земским платежам. Но в этом случае положение членов семей, оставшихся без кормильцев, оказалось бы катастрофическим. Исходя из этого, власти вынуждены были искать другие варианты решения проблемы.

Казалось, цыган можно было бы использовать в соответствии с их специфическими знаниями лошадей и приписать к одному из казенных конных заводов. Однако шталмейстер князь В. В. Долгоруков не поддержал эту инициативу. Причиной тому была нехватка земли для коннозаводских крестьян. Приписать же новых не было возможности.

Также не нашла одобрения в чиновной среде идея приписать цыганские семьи к казенным заведениям, находившимся в ведении Министерства финансов. Общая позиция ведомства под руководством министра Е. Ф. Канкринна сводилась к тому, что «приписка [к горным заводам – В. III.] людей сверх надобности и в особенности цыган, мало или совсем неспособных к мастерствам, нерадивых к хозяйству и почти всегда развратного поведения, не только не принесла бы никакой пользы заводам, но обременила бы напрасными на содержание и водворение их расходами» [24, л. 5].

Выходом из сложившейся ситуации виделось переселение цыган в Сибирь со сложением с них недоимки по податям и предоставлении им казенной ссуды. При этом следует сделать важную оговорку: переселение за Урал не рассматривалось как ссылка, а на цыган не распространялись нормы недавно принятого устава о ссыльных (1822). Дальнейшее обсуждение судьбы ямбургских цыган шло в недрах бюрократической машины: Министерства внутренних дел и Сибирского комитета.

Именно управляющему министерством В. С. Ланскому принадлежала инициатива о «переселении их в Сибирь и прочному там водворению», изложенная графу Аракчееву

от 19 сентября 1824 г. [25, л. 6 об.]. Но окончательное решение о переселении и условиях водворения в Сибири были изложены в решении Сибирского комитета от 5 апреля 1826 г. Его основой стало мнение западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича, изложенное последним в донесении от 19 августа 1825 г.

В нем высказывалось крайне негативное отношение к цыганам, которое заключалось в следующем: «... присылаемые доселе цыгане, не смотря ни на какой надзор, домоводством и хлебопашеством не занимаются, поведения развратного; а побегам своими и бродяжничеством причиняют местному начальству большие неприятности» [24, л. 15]. На этом основании Сибирский комитет отказался признать цыган «полезными поселенцами» в Сибири и не поддержал позицию Ланского.

Министерство внутренних дел вынуждено было изыскивать иные возможности устройства цыганских семей. В 1826 г. Департамент полиции исполнительной заявил о необходимости оштрафовать селения, из которых цыгане вышли без паспортов, и об их причислении к Ямбургу или иному городу губернии [26, л. 1–1 об.]. К 1828 г., по данным Санкт-Петербургской казенной палаты, к столичному мещанскому обществу была приписана одна семья из пяти ревизских душ¹, к царско-сельскому – одна семья из трех душ, новолодожскому – одна семья из трех душ, шлиссельбургскому – одна семья из двух душ, ябургскому – одна семья из одной души, кронштадтскому – одна семья из двух душ, ораниенбаумскому – одна семья из одной души, и одно семейство из одной ревизской души было приписано к лужскому обществу [26, л. 32–32 об.].

Городским ратушам и старостам было предписано записать цыган в сословие ремесленников с предоставлением им освобождения от рекрутской повинности на шесть лет с года приписки. Разделение цыганских семей и водворение их в разных городах, по мнению полицейских властей, должно было положить конец бродяжничеству.

До 1840-х гг. цыганское население Северо-Запада представляется преимущественно люмпенизированным. Начавшиеся с 1770-х гг. мероприятия по гомогенизации цыган не увен-

¹Ревизская душа – душа мужского пола, единица ревизского (налогового) учета, входившая в состав податного сословия.

чались успехом. Репрессивные законы конца XVIII – начала XIX в., направленные на лишение цыган легитимных возможностей перемещаться по России, также не реализовывались на практике.

Отношение властей к цыганам в период царствования императора Николая I было противоречивым. С одной стороны, это отразилось в новой попытке покончить с цыганским бродяжничеством, а с другой – в некоторой степени покровительстве цыганам. Последнее проявилось, например, в популяризации цыганской культуры сначала в Москве, а затем и Санкт-Петербурге. Не последнюю роль в этом сыграла императрица Александра Федоровна, которой очень нравились цыганские песни.

С конца 1840-х гг. в столичных салонах как в городе, так и на пригородных дачах стали выступать цыганские хоры. Первоначально это были хоры московских цыган. Большой популярностью у столичной публики пользовались концерты хора под руководством Григория Соколова. Соколовский хор выступал как в Санкт-Петербургском благородном собрании, так и во дворцах столичной аристократии [27]. В 1850-е гг. частыми гостями северной столицы были хоры Ивана Васильева и Петра Соколова [9, с. 404].

Московские цыганские хоры пользовались огромной популярностью. Но и в Санкт-Петербурге в это время появились свои первые коллективы. Одним из них был упомянутый выше хор Григория Соколова. После его смерти хор возглавил бывший в нем же гитаристом и певцом Николай Шишкин, руководивший им до смерти в 1911 г. Как отмечали современники, в этом коллективе было много талантливых исполнителей. Каждый из них имел собственный репертуар и своих поклонников.

Вот как описывает коллектив М. И. Пыляев: «В его (Шишкина – В. Ш.) хоре пользовался громадным успехом тенор Дмитрий, прозванный цыганским Рубини¹. В женском персонале выделяется сестра Дмитрия, Ольга Андреевна, затем Маня по прозвищу “Цыпочка” и молодая певица “Леночка”, исполняющая необыкновенно своеобразно, с гибкими переливами молодого свежего голоса, очень грациозную по мелодии вен-

¹ Рубини Джованни Батиста (1794–1954) – итальянский оперный певец-тенор XIX в. В 1844 г. выступал в Санкт-Петербурге.

герку «Соцо Гриша» ... Сам Н. И. Шишкин известен также как виртуоз на гитаре» [9, с. 404].

В своих историко-культурных очерках о Санкт-Петербурге М. И. Пыляев оставил интересное высказывание о цыганах: «Цыгане, живущие в Москве и Петербурге, представляют отдельное, исключительное явление в цыганском мире, они давно уже приобрели себе место в гражданском обществе; это уже не бродяги, не отчужденные люди, неспособные понимать удобства оседлой жизни» [9, с. 397].

Во второй половине XIX – начале XX в. цыганский мир Северо-Запада разительно изменился. Это было обусловлено как внутривосточными мероприятиями (крестьянская реформа 1861 г., либерализация паспортной системы и пр.), так и внешнеполитическими событиями этого периода. В 1860–1870-х гг. в регионе были замечены первые таборы иностранных цыган (кэлдэраров и ловарей), которые вышли из Австро-Венгрии и через Краков и Привислинский край кочевали далее на восток [8, с. 74].

В это же время активизировались цыгане Закавказья. В конце XIX в. столичные полицейские приставы неоднократно задерживали уроженцев, например, Эриванской губернии. Так, в 1906 г. в Троицкой слободе Петергофского уезда было задержано несколько цыганских семей, уроженцев селения Гасану Эриванского уезда, общим количеством 14 чел. (Телла Шакусарова, Байрим Хатем с дочерьми Заниглафарой и Соной, Нарханема Ялиш, Имся Ялиш, Нянагеса Сульфинею с сыном Каринном, Паяса Чембар с сыном Амедом и дочерью Айня, Асмара Ахмед с дочерью Зейнон, Смира Алас) [28, л. 7]. Как видим, импровизированный табор состоял из женщин с малолетними детьми, которые отправились в столичную губернию на заработки.

Именно кочевой образ жизни (отсутствие определенных занятий, постоянного жилья и средств к существованию) стал основанием для их задержания. Уже имея богатый опыт общения с кочующими цыганами, полицейское начальство приняло в течение двухнедельного разбирательства единственное возможное для того времени решение: «отправить с первым этапом в Эриванское полицейское управление для удостове-

рения личностей и водворения к обществу, к коему они приписаны» [28, л. 7].

Иностранные цыгане с 1860-х гг. стали неотъемлемой частью цыганского мира региона. На рубеже XIX–XX вв. полицейские власти, например Санкт-Петербургской губернии, регулярно задерживали и доставляли в участок цыган из числа подданных Австро-Венгрии, Дании, Сербии и иных европейских государств. Наибольшей популярностью у последних пользовались Царскосельский и Петергофские уезды губернии. В первую очередь привлекала состоятельная публика дачных поселков и усадеб.

Скарб кочующих цыган начала XX в. был крайне скудным. Но в то же время он состоял из вещей первой необходимости и был примерно одинаков для разных групп цыган (см. табл.).

Таблица

Опись имущества цыган, задержанных в разное время приставами Петергофского уездного полицейского управления [29, л. 7; 28, л. 18–18 об.]

Список вещей крестьянина Гатчинской волости Ильи Андреева Тиннуне	Опись имущества, принадлежащего цыганке, австрийской подданной Цезарии Андреевне Бурнанской	Опись имущества, принадлежащего датскому подданному Карлу Янсону
Лошадь вороной масти; 4-колесная на железном ходу телега; две подушки; четыре ватных одеяла; самовар; занавески красного цвета; два мешка с драными тряпками; две тарелки; трубка с серебряной оправой; один ящик с чайными чашками; четыре рваных пиджака; один мешок с рваными уздечками; один топор; один чугун;	Фургон с дышлом 4-колесный с упряжью на две лошади; две перины перовые; четыре подушки перовые; одно одеяло красное; один сундук соломенный с мелочью; одна бурка женская; один узелок со старыми вещами; один узел с 10 кусками в отрезках ситца разного размера; три теплые рубашки; шесть юбок; одна женская рубашка; один пиджак мужской теплый;	Лошадь мерин светло-вороной; телега без рессор на 4-колесном ходу, старая; перина полупуховая; серьги серебряные с камнями, брошь простая, два женских кольца; серьги серебряные без камней; презент бумажный старый; чугун, жестяное маленькое ведерко, кофейник эмалированный, битый молочник, глиняная чашка, кухонный нож, два стакана и два блюдца; женская кофта старая;

Продолжение таблицы

<p>одна железная сковорода.</p>	<p>одна шуба мужская старая; три мешка с ветошью; посуда старая (шесть предметов); самовар никелированный; кошель с деньгами (75 р. 50 к.); сундук с вещами: шесть шелковых платков, две юбки, зеленая завесь, штаны военные, четыре полотенца, две мужских рубашки, двое мужских кальсон, одеяло, теплая рубашка, шелковый лиф и юбка, отрезок шелка, разливательная ложка, две чайные серебряные ложки с буквами «АМ», серебряная столовая ложка с буквами «АМ», серебряная ложка для соли, кошелек с пятью золотыми колечками и серебряной брошью с китайскими иероглифами</p>	<p>юбка женская старая; две мужские рубашки и кальсоны; полотенце, два обрывка красного ситца, рукавицы и варежки, женская грудная вставка; треножник железный для варки пицци; сбруя;</p>
---------------------------------	---	--

Представленное в описях имущество в некоторой степени отражает специфику повседневной жизни цыган из разных регионов Европы. Общим для всех был не только кочевой образ жизни, но и использование для этого единственного доступного на тот момент времени вида транспорта – гужевого. В повозке всегда было все необходимое для починки упряжи.

Цыгане быстро перенимали бытовые обычаи народов, рядом с которыми они жили. Для цыган России и Австро-Венгрии повседневным напитком стал чай, а традиционным предметом кухонной утвари – самовар. В то же время цыгане стран Северной Европы пристрастились к кофе, о чем свидетельствуют изъятые при задержании у Карла Янсона кофейник и молочник.

В некоторых случаях опись имущества задержанных позволяет сделать вывод о профессиональной деятельности цыган. Так, у сербского подданного цыгана Андрея Дмитриева среди прочего были найдены старое железо и кузнечный маленький мех, что не оставляет сомнений в его связи с обработкой металла [28, л. 19].

Судьба задержанных полицией цыган из числа иностранных подданных зачастую была однообразна. С момента доставления их приставом в полицейское управление они находились под арестом. Одной из наиболее сложных проблем, с которыми сталкивались и власти, и цыгане, был прокорм лошадей. Но они не имели большой ценности, а потому местные крестьяне с неохотой брали их на прокорм и содержание. Нередкими были случаи отказа, так как «содержание и прокормление означенных лошадей превышает их стоимость» [28, л. 23]. В таких случаях лошади продавались на местном аукционе.

Одновременно с этим в С.-Петербурге процветали цыганские хоры. Как отмечали современники, в столице цыгане проживали преимущественно на Черной Речке и в Новой Деревне [29, л. 5]. Именно в Новой Деревне располагалась дача с рестораном «Самарканд», где в течение многих лет выступал местный хор [11, с. 270]. По воспоминаниям Екатерины Сорокиной постоянных выступлений в ресторане не было. Чтобы услышать хор, нужно было заранее известить об этом дирижера, который являлся полномочным распорядителем художественного коллектива [29, л. 8].

В «Самарканде» цыган слушали и столичные кутилы, и «серьезная» публика. Один из петербургских журналистов, писавших под псевдонимом Дон Жуир, на страницах журнала «красивой жизни» «Столица и усадьбы» вспоминал, что во время одного из визитов известный купец прокутил с цыганами целое состояние [10, с. 17].

Но наибольшей популярностью столичной богемы в начале XX в. пользовались солисты. В это время произошла настоящая революция в вопросе цыганских выступлений. Если раньше цыганские коллективы выступали в салонах, а затем немногочисленных ресторанах типа «Самарканда», то теперь они вышли на подмостки концертных залов. По воспоминаниям Е. Сорокиной, «открыв новый вокальный жанр, широкая публика захотела поближе познакомиться с ним, слушать его не в ресторане и не в “Самарканде”, куда не все могли пойти, а в привычной для многих любителей пения концертной обстановке» [29, л. 10].

К началу XX в. на Северо-Западе проживало немногим более 1,5 тыс. цыган, перешедших к оседлому образу жизни (ок. 10 %

от общего числа учтенных переписью населения 1897 г.) [30]. При этом доля столичного региона составляла лишь 1/3 от общего числа. Больше 1/3 (44 из 111) самозанятых цыган Санкт-Петербургской губернии традиционно были связаны с торговлей скотом. В Псковской губернии этот показатель был еще выше и составлял более 70 % [30]. Несмотря на все попытки правительства превратить из аграриев, сельским хозяйством было занято менее 1 % семей.

Начавшаяся Первая мировая война стала серьезным испытанием для цыган в России. В первый год войны все увеселительные мероприятия, в том числе концерты, были запрещены. Некоторые известные солистки, например Е. Сорокина, прервав концертную карьеру, работали волонтерами в солдатских госпиталях [29, л. 20]. Некоторое послабление было сделано в конце 1915 г. В столице вновь начали выступать цыганские артисты, перечисляя часть сборов на содержание госпиталей.

Затянувшееся военное противостояние негативно отразилось и на иностранных цыганах, оказавшихся в это время в России. Выходцы из Сербии, Австро-Венгрии и других стран, находившиеся в предвоенные годы в России, были отрезаны от родины и не имели возможности вернуться к родным.

Выводы

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Цыганское население Северо-Запада изначально отличалось неоднородностью. Во второй половине XVIII в. проживавшие на этой территории ингерманландские (финские) цыгане, которые вели преимущественно оседлый или полuosедлый образ жизни, были разбавлены цыганами, вышедшими с территории современной Беларуси и ставшими базисом при формировании новой общности – русских цыган.

В условиях, предпринятых властями в 1770–1820-х гг. попыток гомогенизировать цыган и покончить с бродяжничеством, они предпочли занять конформистскую позицию, записываясь в дворовые на основе срочных договоров за сильных мира сего либо формально становились купцами, мещанами, государственными крестьянами. При этом сохранялись все элементы традиционного кочевого образа жизни.

Во второй половине XIX в. цыганский мир Северо-Запада стал более пестрым. С одной стороны, в рамках внутрироссийских миграций сюда пришли таборы из Бессарабии, Закавказья, других регионов. С другой стороны, здесь стали появляться цыгане – выходцы из государств Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы (Австро-Венгрия, Сербия, Дания и пр.), которые стали объектом пристального внимания со стороны полиции. Действуя в рамках закона, полицейские приставы доставляли их в участки для последующего выдворения за границы империи.

У подавляющего большинства цыган на протяжении столетий отсутствовал стабильный источник заработка. Мена лошадей для них носила, как правило, сезонный характер. Даже те немногочисленные цыгане, которые занимались обработкой металла, вели кочевой образ жизни и зависели от случайных заказов.

Полной противоположностью им с 1840-х гг. стали хоровые цыгане столицы. Проживая вместе с другими в Новой Деревне или на Черной Речке, они держались обособленно. Концертная деятельность для хористов, солистов, музыкантов стала профессией и относительно стабильным источником дохода.

Первая мировая война и разразившаяся Великая Русская революция 1917–1922 гг., сопровождавшаяся Гражданской войной и экономической разрухой, способствовали маргинализации цыганского сообщества. Многие из его представителей стали частью уголовного мира Советской России [31, с. 120].

Список литературы

1. Шкунов В. Н. Цыгане и торговля в Российской империи // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 10 (6-1). – С. 11–18.

2. Ларюшкин О. В. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII – начале XIX в. // Российская история. – 2018. – № 4. – С. 121–127. DOI: 10.31857/S086956870000137-1.

3. Смирнова-Славинская М. В. Миграции цыганских групп и формирование цыганского населения Российской империи в XVII – начале XX в. // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 83–99. DOI: 10.31857/S086954150000408-8.

4. Chernykh A. V. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s – 1930s. *Social Inclusion*. – 2020. – № 8(2) – С. 358–366. DOI: 10.17645/si.v8i2.2765

5. Sanarov V. I. The Siberian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society*. – 1970. – № 3, 49 (3-4). – С. 126–137.

6. Денисов Д. Н. Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX веков // Цыгане в оренбургском социуме: материалы круглого стола, посвященного Международному дню цыган. Оренбург: Университет, 2013. С. 44–49.

7. Деметер Н. Г., Бессонов Н. В., Кутенков В. К. История цыган. Новый взгляд. Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая, 2000. 334 с.

8. Деметер Н. Г., Черных А. В. Цыгане. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2018. 614 с.

9. Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. [4], 6, [2], 471, [4] с.

10. Дон Жуир. Как мы веселились (Из воспоминаний) // Столица и усадьбы. – 1915. – № 35. – С. 16–17.

11. Шкуропат С. Г. Рестораны в системе увеселительных заведений Санкт-Петербурга XIX – начала XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 210. – С. 267–274.

12. Данилович И. Историческое и этнографическое исследование о цыганах // Северный архив. – 1826. – Т. 20. – Ч. 6. – С. 184.

13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. Второе. Т. IX. 1832. № 6481.

14. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1285. Оп. 3. Д. 41.

15. ПСЗ. Собр. Второе. Т. XV. 1840. № 10981.

16. Шайдуров В. Н., Сапронова Н. А., Гончаров Ю. М., Новгородский Т. А. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 2. – С. 60–72. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-2-60-72.

17. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 1716. Оп. 2. Д. 19.

18. Shaidurov V. Gypsies in the Russian Empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century // *Romanian Studies*. – 2018. – Vol. 28. – Is. 2. – С. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.3828/rs.2018.8>

19. Черкашина О. Н. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 19 (138). – Вып. 24. – С. 85.

20. ЦГИА СПб. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 754.

21. ЦГИА СПб. Ф. 697. Оп. 1. Д. 489.

22. ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 94.

23. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1819 г. Д. 214.

24. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 496.

25. Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410.

26. ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 112.

27. РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 14818.

28. ЦГИА СПб. 960. Оп. 3. Д. 79.

29. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ). Ф. 717. Оп. 2. Д. 248.

30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение самозанятого населения по 65 группам занятий и народностям [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru> (дата обращения: 13.04.2022).

31. Шайдуrow В. Н., Сапронова Н. А. Цыганская преступность в России: история и современное состояние // Вопросы истории. – 2021. – № 10 (2). – С. 110–128. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi57

Gypsies in the North-West: the second half of the 18th – early 20th Century

Vladimir N. Shaidurov

Russia has been a multinational state for centuries. Inclusion of various ethnos and ethnic groups in the population had the history of their' own, which was either the result of new territories annexation (Eastern European and Bukharan Jews, Tatars, the Poles, Caucasian peoples, etc.) or the consequence of the interstate migration processes (Germans, Koreans, Chinese, etc.). Gypsies are the centrepiece, as some groups became Russian nationals from the second half of the 18th century due to separation of the Polish-Lithuanian Commonwealth and annexation of the Crimea, while others moved from European countries (Caldarars, Lovari) in the second half of the 19th century already. The North-Western region become one of the centers of the Gypsy world of Russia. This article provides a general description of different groups of Gypsies, residing there during the imperial period. Particular attention is paid to the reaction of Gypsies to measures the state undertook against them at different historical stages, their relationship with the outside world (urban petty bourgeois and peasant societies). The daily life of the Roma choirs, popular in the 19th – early 20th centuries in St. Petersburg, is reviewed separately. Numerous sources deposited in central and regional archives became the blueprint for addressing these issues.

Key words: Gypsies, North-West, St. Petersburg, gypsy choir, nomadic lifestyle

For citation: Shaidurov, V. N. (2022). *Cygane na Severo-Zapade: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v. [Gypsies in the North-West: the second half of the 18th – early 20th Century]. Istorija povsednevnosti – History of everyday life. No. 4. Pp. 10–29. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_10*

References

1. Shkunov V. N. *Cygane i trgovlya v Rossijskoj imperii* [Gypsies and trade in the Russian Empire] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. № 10 (6–1). Pp. 11–18. (In Russ.)
2. Laryushkin O. V. *Moskovskie kupcy cyganskogo proiskhozhdeniya v konce XVIII – nachale XIX v.* [Moscow merchants of Gypsy origin in the late XVIII – early XIX century] // *Rossijskaya istoriya* [Russian History]. 2018. № 4. Pp. 121–127. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086956870000137-1
3. Smirnova-Seslavinskaya M. V. *Migracii cyganskih grupp i formirovanie cyganskogo naseleniya Rossijskoj imperii v XVII – nachale XX v.* [Migration of Gypsy groups and the formation of the Gypsy population of the Russian

- Empire in the XVII – early XX century // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2018. № 4. Pp. 83–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086954150000408-8
4. Chernykh A. V. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s – 1930s. // *Social Inclusion*. 2020. № 8(2). Pp. 358–366. (In Russ.) DOI: 10.17645/si.v8i2.2765
5. Sanarov V. I. The Siberian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society*. 1970. № 3. 49 (3-4). Pp. 126–137. (In Russ.)
6. Denisov D. N. *Orenburgskie cygane v 60-e gody XVIII – nachale XX vekov*. [Orenburg Gypsies in the 60s of the XVIII – early XX centuries] // *Cygane u orenburgskom sociume. Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo Mezhdunarodnomu dnyu cygan*. [Gypsies in Orenburg society. Materials of the round table dedicated to the International Gypsy Day]. Orenburg: Universitet, 2013. Pp. 44–49. (In Russ.)
7. Demeter N. G., Bessonov N. V., Kutenkov V. K. *Istoriya cygan. Novyy vzglyad*. [The history of the Gypsies. A new look]. Voronezh: Institut etnologii i antropologii RAS imeni N. N. Mikluho-Maklaya, 2000. (In Russ.)
8. Demeter N. G., Chernykh A. V. *Cygane. (Seriya «Narody i kul'tury»)* [Gypsies. (Series "Peoples and Cultures")]. M.: Nauka, 2018. (In Russ.)
9. Pylaev M. I. *Staryy Peterburg* [Old Petersburg]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1887. (In Russ.)
10. Don Zhuir. *Kak my veselilis' (Iz vospominaniy)* [How we had fun (From memories)] // *Stolica i usad'by* [Capital and estates.]. 1915. № 35. Pp. 16–17. (In Russ.)
11. Shkuropat S. G. *Restorany v sisteme uveselitel'nykh zavedeniy Sankt-Peterburga XIX – nachala XX veka* [Restaurants in the system of entertainment establishments of St. Petersburg of the XIX – early XX century] // *Trudy Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Works of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2015. Vol. 210. Pp. 267–274. (In Russ.)
12. Danilovich I. *Istoricheskoe i etnograficheskoe issledovanie o cyganah* [Historical and ethnographic research on Gypsies] // *Severnyy arkhiv* [Northern Archive]. 1826. Vol. 20. Ch. 6. P. 184. (In Russ.)
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii (PSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. Vtoroe. Vol. IX. 1832. № 6481. (In Russ.)
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskij arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1285. Op. 3. D. 41.
15. *PSZ. Sobr. Vtoroe*. Vol. XV. 1840. № 10981.
16. Shajdurov V. N., Sapronova N. A., Goncharov YU. M., Novogrodskij T. A. *Cygane v Sibiri (konec XVIII v. – XX v.)* [Gypsies in Siberia (late XVIII century – XX century)] // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Journal of the Belarusian State University. History]. 2022. № 2. Pp. 60–72. (In Russ.) DOI: 10.33581/2520-6338-2022-2-60-72
17. *Central'nyy gosudarstvennyy istoricheskij arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (dalee – CGIA SPb). F. 1716. Op. 2. D. 19.
18. Shaidurov V. *Gypsies in the Russian Empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century* // *Romani Studies*. 2018. Vol. 28. Is. 2. Pp. 195–217. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.3828/rs.2018.8>
19. Cherkashina O. N. *Opredeleniye ponyatiya «dvorovyye lyudi» v pravovykh aktah i memuarnykh istochnikakh XIX v. [Definition of the concept of "yard people" in legal acts and memoir sources of the XIX century]* // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science]. 2012. № 19 (138). V. 24. Pp. 85–89. (In Russ.)
20. CGIA SPb. F. 1727. Op. 1. D. 754.
21. CGIA SPb. F. 697. Op. 1. D. 489.
22. CGIA SPb. F. 881. Op. 1. D. 94.
23. RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819 g. D. 214.
24. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 496.
25. *Istoricheskij arkhiv Omskoj oblasti* [Historical Archive of the Omsk region]. F. 3. Op. 1. D. 410.
26. CGIA SPb. F. 253. Op. 1. D. 112.
27. RGIA. F. 497. Op. 2. D. 14818.
28. CGIA SPb. 960. Op. 3. D. 79.
29. *Central'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (CGALI)* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. 717. Op. 2. D. 248.
30. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoy imperii 1897 g. Raspredeleniye samozanyatogo naseleniya po 65 gruppam zanyatij i narodnostyam [Elektronnyy resurs]* [The first general Population Census of the Russian Empire in 1897. Distribution of the self-employed population by 65 groups of occupations and nationalities]. – Available at: <http://stat1897.histcensus.asu.ru> (accessed 13 April 2022). (In Russ.)
31. Shaidurov V. N., Sapronova N. A. *Cyganskaya prestupnost' v Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyaniye* [Gypsy crime in Russia: history and current state] // *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2021. № 10 (2). Pp. 110–28. (In Russ.) DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202110Staty157

Статья поступила в редакцию 11.08.2022;
Одобрена после рецензирования 27.09.2022;
Принята к публикации 12.10.2022.

Британская община в Москве и ее роль в развитии спорта в конце XIX – начале XX в.

А. А. Перевозников

В статье на основе широкого круга источников рассматривается вклад британской общины в Москве в конце XIX – начале XX в. в развитие отечественного спорта. Выделяются два этапа влияния «московских англичан» на спорт в России.

На первом этапе, до революционных событий 1905–1907 гг., отмечается активность англичан в развитии велосипедного и теннисного спорта. Анализируется деятельность британских предпринимателей, имевших коммерческий интерес, заинтересованных в развитии спорта и принимавших участие в создании спортивных организаций.

Для второго этапа характерно преодоление «замкнутости», отмечается частичная интеграция в спортивную жизнь. Особое внимание уделено анализу деятельности Британского клуба спорта, в котором были объединены лучшие английские спортсмены Москвы.

В статье приводятся имена крупнейших британских меценатов, спортивных функционеров и собственно спортсменов, отмечается их роль в образовании и деятельности городских лиг по видам спорта. Представлены выводы о роли представителей британской общины в Москве в развитии отечественного спорта.

Ключевые слова: британская община, Британский клуб спорта, диалог культур, спорт, спортивные общества, спортивные организации.

Для цитирования: Перевозников А. А. Британская община в Москве и ее роль в развитии спорта в конце XIX – начале XX века // История повседневности. 2022. № 4. С. 30–39.
DOI 10.35231/25422375_2022_4_30

Введение

В начале XX в. Москва, второй по величине город Российской империи, являлась одним из крупнейших мест проживания представителей иностранных «колоний». На фоне крупных национальных общин, таких как немецкая и французская, британская община не отличалась численностью и открытостью, ее интеграция в российскую жизнь была достаточно условной.

Отношения между Российской и Британской империями в начале XX в. можно считать сложными, многогранными и противоречивыми. С одной стороны, заключение военно-политического союза в 1907 г. (Антанта), с другой стороны, Англия являлась, пожалуй, одним из главных политических соперников России на мировой арене. Тем не менее для начала XX в. характерно тесное культурно-экономическое сотрудничество между странами.

Численность британской общины в Москве на протяжении второй половины XIX – начала XX в. была достаточно скромной. Если в 1881 г. в Москве проживало 660 британцев, то в 1901 г. – 650. Размер общины был достаточно стабильным вплоть до 1914 г. [1, с. 55–56].

Широко распространено мнение о том, что англичане «импортировали» в Россию «национальную любовь к спорту» [2]. Однако незначительная численность и замкнутость общины, с одной стороны, и определяющая роль англичан в развитии спорта, с другой стороны, требуют как минимум уточнений.

Историография по данной теме достаточно скудна. Это объясняется прежде всего тем, что отдельных исследований, посвященных роли британцев в истории отечественного спорта, нет.

Если в советской историографии преобладало мнение о том, что иностранцы вообще и англичане в частности не оказали существенного влияния на развитие спорта, то в современной историографии этот вопрос рассматривается с прямо противоположных позиций. Роли англичан в развитии отечественного футбола посвящены отдельные фрагменты в книгах Л. Б. Горянова, В. С. Лизунова, М. Д. Ромма [3–5].

Наиболее обстоятельно, с опорой на многочисленные факты, роль англичан в истории московского футбола описана

в отдельных главах книг Г. Н. Калянова и А. В. Савина [6; 7]. Тем не менее даже в работах А. Б. Суника, крупнейшего историка дореволюционного спорта, московские англичане и Британский клуб спорта практически не упоминаются [8].

Источниковая база исследования представлена неопубликованными и опубликованными документами. К неопубликованным – относятся материалы фондов 16 (Канцелярия московского генерал-губернатора) и 2305 (Невское стеариновое товарищество в Москве) Центрального государственного архива Москвы (ЦГА Москвы). Из опубликованных источников можно отметить справочные издания и спортивную прессу начала XX в.

Целью исследования являлось определение роли представителей британской общины в развитии спорта в Москве в конце XIX – начале XX в.

Результаты

Спорт, как социокультурный феномен и как составляющая культуры буржуазного общества, безусловно зародился и получил широкое распространение в странах Западной Европы. Важно отметить, что знакомство со спортом в России произошло благодаря тесным экономическим и культурным связям между Российской и Британской империями.

Анализ роли англичан в популяризации и распространении спорта в России (в частности, в Москве) позволяет выделить два периода: до революционных событий 1905–1907 гг. и после них. Для каждого периода характерно особое отношение британцев именно к отечественному спорту.

Первый период условно можно назвать последней третью XIX в. В это время представители британской общины в Москве проявляют активность в деятельности спортивных организаций и даже выступают в качестве их учредителей. «Импортировали» британцы в Россию в основном игровые виды спорта, а также велосипедный спорт, что напрямую было связано с их коммерческой деятельностью. В данный период «англичан» интересуют велосипедные и теннисные общества.

Создателями первой велосипедной организации Москвы – Московского общества велосипедистов-любителей – были подданные Великобритании Юлий Блок и Жан Блок, владелец

торгового дома по продаже велосипедов, а также гражданин Северо-Американских Штатов И. Лерс. Дело в том, что британскую общину составляли не только подданные Великобритании, но и граждане США [9, л. 4].

Торговлю велосипедами успешно вел и торговый дом «Мюр и Мерилиз», образовавший в конце XIX в. собственный велосипедный кружок [10, л. 1], а среди учредителей велосипедного клуба «Москва» были владельцы магазина велосипедной продукции и аксессуаров, подданные Великобритании Георгий и Михаил Андреевичи Пикерсгиль [11, л. 1–1 об.].

Помимо торговли, британских подданных интересовало и производство спортивной продукции. Так, в 1896 г. в Москве открылась фабрика велосипедов, торговавшая под фирмой «Гумбер и Ко», одним из соучредителей которой был великобританский подданный Самуил Гумбер [12, л. 1].

На рубеже веков, в связи с распространением лаун-тенниса, торговый дом «Мюр и Мерилиз» приступил к продаже теннисного оборудования и экипировки, а в 1901 г. был утвержден устав Московского общества любителей лаун-тенниса. Среди девяти членов-учредителей семеро являлись подданными Великобритании: Ф. А. Стивенс, Ф. Ф. Гартунг, Ф. Л. Казалет, Ф. Д. и Д. Г. Белл, А. Я. Торнтон и Г. В. Мерилиз [13, л. 13].

Стоит отметить, что Московское общество любителей лаун-тенниса, наряду с Сокольническим клубом спорта, на протяжении всего дореволюционного периода являлось ведущей теннисной организацией Москвы.

Интересно, что братья Белл, как и Ф. Казалет, были хорошими спортсменами и увлекались теннисом, однако у Ф. Казалета и Г. Мерилиза был и коммерческий интерес, связанный с продажей теннисного инвентаря и оборудования.

Дополняет общую картину ситуация, связанная с возникновением футбола в Москве. Ряд исследователей истории футбола отмечают, что первые игры в мяч были зафиксированы в 1895 г. около завода Михельсона, основанного британцами Хоппером и Ригли, а в футбол играли английские служащие данного предприятия [6, с. 9]. Есть предположение, что это были служащие Невского стеаринового товарищества в Москве, владельцы которого и управляющий персонал были англичанами [7].

Можно сделать вывод, что установить точное время и место первых футбольных баталий в Москве невозможно, однако можно предположить, что британские служащие многих московских предприятий проводили свободное время за игрой в футбол для удовольствия, не стремясь к его распространению среди москвичей. Как отмечает А. В. Савин, играли англичане, как правило, за заборами своих предприятий [7].

Только в 1907 г. в Москве появились в продаже (правда, только в магазине «Мюр и Мерилиз») английские футбольные мячи, бутсы, фланелевые футболки различных цветов, гетры и щитки. До этого футбольные мячи выписывались из Англии [7].

Таким образом, первый период влияния британцев на московский спорт ограничивался развлечениями и коммерцией. Игры в футбол и лаун-теннис не могли быть не замечены москвичами, особенно молодежью, однако обучать и тем более соревноваться с москвичами британцы не спешили. Более деятельны были те, чьи спортивные интересы пересекались с коммерческими. Отсюда и активность британцев в образовании первых велосипедных и теннисных организаций Москвы.

Ситуация изменилась после революции 1905–1907 гг., когда встал вопрос о легализации спортивных организаций в соответствии с «Временными правилами об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. Стоит отметить, что официально зарегистрированных британских общественных организаций было крайне мало, и немногие из них подавали сведения о деятельности. Так, в справочных адрес-календарях «Вся Москва» за 1900–1914 гг. британских общественных организаций, в том числе и спортивных, не обнаружено [14].

Тем не менее иностранцы получили возможность иметь собственные клубы. В 1905 г. в Петербурге был основан новый Английский клуб во главе с послом Дж. Бьюкененом. В клубе подавали шотландский виски и английское пиво, члены клуба играли в футбол, крикет, гольф и бильярд, устраивались обеды в дни английских национальных праздников [15, с. 284].

В 1910 г. в Москве был основан Британский клуб, ставивший своей целью близкое общение проживающих в Москве и Московском регионе подданных Великобритании и граждан Се-

веро-Американских Штатов, а также «проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». Для достижения этой цели клуб получил право «иметь спортивные и гимнастические кабинеты» [16, с. 3].

К этому же времени относится и образование Британского клуба спорта, созданного при Невском стеариновом товариществе, который, по всей видимости, был отделением Британского клуба. Так, в документах Невского стеаринового товарищества хранятся кассовые книги о расходах на деятельность Британского клуба спорта с 1909 по 1914 гг. [17, л. 1, 31, 33, 48].

Анализ кассовых книг показывает, что в финансовом плане английские спортсмены не испытывали проблем. Помимо членских взносов для мужчин в размере 10 р. и для женщин в размере 5 р., в книгах указаны пожертвования и взносы в кассу клуба в размере 25 и 60 р., выделялись средства на организацию и проведение соревнований по игровым видам спорта [17, л. 1].

1910-е гг. можно считать вторым периодом, когда влияние англичан на московский спорт приняло немного другой характер. Спортивная жизнь британцев концентрировалась вокруг Британского клуба спорта. Первое общее собрание членов-учредителей состоялось 31 марта 1909 г. Клуб взял на себя развитие игровых видов спорта (футбола, хоккея с мячом, лаун-тенниса), а также преодоление «замкнутости» и интеграцию в московский спорт. Президентом клуба стал директор московского отделения «Невское стеариновое товарищество» Д. С. Годфрей, один из инициаторов создания Московской футбольной лиги в 1910 г. [6, с. 210].

Журнал «Русский спорт» писал в августе 1909 г.: «При Невском стеариновом заводе не так давно организовалось спортивное общество; играют больше в футбол, а также и лаун-теннис. ... Играют энергично, почти каждый день, насколько позволяет погода» [18, с. 11].

Однако не все из намеченного удалось реализовать. Так, Британский клуб спорта стоял у истоков организованного футбола в Москве, был среди клубов-основателей Московской футбольной лиги, но противоречия с московскими футбольными властями и стремление к «замкнутости» привели

к тому, что клуб не участвовал в московском футбольном первенстве в 1910 г., а в 1911 г. не состоял членом лиги [6, с. 17].

Тем не менее мастерство британских футболистов, которые в большинстве своем являлись любителями, было значительно выше отечественных футболистов, которые только знакомились с этой игрой. Британские футболисты в 1909–1912 гг. составляли основу сборной Москвы [6, с. 170–181].

В историю московского футбола вошли имена таких футболистов, как Е. Бейнс, Н. Гебхард, А. Паркер, С. Чарнок, Г. Уайтхэд, Д. Ланн, К. Нэш, Ф. Джонс, Г. Ньюман, Э. Томас и др. [6, с. 210].

Влияние британцев на развитие лаун-тенниса и хоккея с мячом ощущалось меньше, уровень московских спортсменов зачастую не уступал англичанам. Однако следует признать их роль в популяризации и продвижении хоккея с мячом и участие в образовании Московской хоккейной лиги: членом комитета лиги был избран Г. Ф. Ньюман, а председателем А. Я. Торнтон, представлявший Императорский Московский речной яхт-клуб, передал в дар лиги ценный переходящий приз для розыгрыша его в первенстве первых команд класса «А» в виде щита [19, с. 16].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в последней трети XIX – начале XX в. британская община в Москве была немногочисленной, большинство ее представителей сохраняли британское подданство, несмотря на устойчивую связь с Россией. Особенностью общины была ее «культурная замкнутость», что выражалось в настороженном отношении к общественной и культурной жизни Москвы.

Во-вторых, именно британцы стояли у истоков зарождения спорта в Москве, однако это касалось в основном игровых видов спорта, таких как футбол, хоккей с мячом и лаун-теннис. Спорт использовался для развлечения и приятного времяпрепровождения представителей британской «колонии», был исключительно любительским, знакомство со спортом москвичей носило в основном случайный и эпизодический характер.

В-третьих, во влиянии британцев на московский спорт можно выделить два периода. Первый период (последняя треть XIX в.) был связан с коммерческими интересами британцев (продажа велосипедной продукции и теннисного инвентаря), а также с интересами британской молодежи, желавшей использовать знакомые развлечения на российской земле.

Второй период (начало XX в.) связан с деятельностью Британского клуба спорта, пик деятельности которого приходится на 1909–1914 гг. Британцы интегрируются в московский спорт, являются членами московских лиг по видам спорта, а также лидерами спортивного движения.

Никаких данных о такой самостоятельной организации, как Британский клуб спорта, обнаружить не удалось, судя по всему, это было отделение Британского клуба в Москве, официально зарегистрированного в 1910 г. Данные о регистрации и содержании устава Британского клуба спорта, которые приводит А. В. Савин, полностью совпадают с данными и содержанием устава Британского клуба в Москве [7, 16].

Интересно, что в спортивной прессе начала XX в. данная организация обозначалась как Британский клуб или Британское общество [20, с. 11; 21, с. 15].

В-четвертых, влияние британцев на московский спорт достаточно противоречиво. С одной стороны, «московские англичане» познакомили и дали пример москвичам в игровых видах спорта, с другой стороны, замкнутость британской общины оказывала опосредованное влияние, в 1910-е гг. московские спортсмены начали на равных сражаться с представителями британской общины.

Список литературы

1. Романюк С. К. Британцы в Москве // Москва гостеприимная: Люди, памятники и традиции многонациональной Москвы: сб. трудов / под общ. ред. В. Ф. Козлова. М.: Изд. центр «Московедение», 2014. – С. 225–234.
2. Лурье С. Диаспоры в Петербурге. Англичане [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.Academy/materials/357> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Горянов Л. Б. «Колумбы» московского футбола. М.: Московский рабочий, 1983. 206 с.
4. Лизунов В. С. Морозовцы. Страницы истории отечественного футбола (2-е изд.). Орехово-Зуево: Б.и., 2008. 188 с.
5. Ромм М. Д. Я болею за «Спартак». Алма-Ата: Жазуши, 1965. 326 с.
6. Калянов Г. Н. Московская футбольная лига 1910–1922 (3-е изд. испр. и доп.). М.: Горячая линия – Телеком, 2019. 412 с.

7. Савин А. В. Москва футбольная. Полная история в лицах, событиях, цифрах и фактах. М.: Спорт, 2016. 345 с.
8. Суник А. Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков. 2-е изд. испр. и доп. М.: Советский спорт, 2004. 764 с.
9. Центральный Государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 27. Д. 47. Об учреждении Московского общества велосипедистов-любителей.
10. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 131. Д. 146. Об утверждении устава кружка циклистов «Мюр и Мерилиз».
11. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 130. Д. 186. Об утверждении устава клуба циклистов «Москва».
12. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 130. Д. 157. Об открытии фабрики для изготовления велосипедов С. Гумбера и Ф. Жемлички.
13. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 134. Д. 248. Об утверждении устава Московского общества любителей лаун-тенниса.
14. Вся Москва. Адресная и справочная книга (1900–1914 годы).
15. Розенталь И. С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общечественности. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.
16. Устав Британского клуба в г. Москве: утвержден 31 мая 1910 года. М.: Тип. С. П. Семенова, 1910.
17. ЦГА Москвы. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 33. Кассовые книги British Sports Club Moscow.
18. Русский спорт. – 1909. – № 6.
19. К Спорту! – 1912. – № 48.
20. Русский спорт. – 1909. – № 22.
21. Русский спорт. – 1909. – № 7.

British community in Moscow and its role in the sport development at the end of 19th – beginning of the 20th centuries

Aleksandr A. Perevoznikov

Based on a wide range of sources, this article makes attention on the role of Moscow British community in national sport developing at the end of 19th – beginning of 20th centuries. There are two stages of «Moscow Englishmen» influence on the national sport.

On a first stage, before 1905–1907 years' events, there was Englishmen's activity in developing cycling and tennis sports. Here, the activity of British businessmen, who were interested in commerce and sport developing and participated in sport societies creation, is analyzed.

The second stage is characterized by overcoming «isolation», there was a partial integration into sports life. Especial attention is given to the analysis of activity of «British sports club», which the best English sportsmen of Moscow were united in.

In the article, names of the biggest British patrons, functionaries and sportsmen and their role in education and activity of cities' leagues in different sports, are given. The conclusions about the role of Moscow British society's members in national sport developing are represented.

Key words: «British community», «British sports club», «dialogue of cultures», sport, sports societies, sports organizations.

For citation: Perevoznikov, A. A. (2022). Britanskaya obshchina v Moskve i ee rol' v razvitii sporta v konce XIX – nachale XX veka [British community in Moscow and its role in the sport development at the end of 19th – beginning of the 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 30–39. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_30

References

1. Romaniuk S. K. *Britantsy v Moskve* [British men in Moscow] // *Moskva gostepriimnaya: lyudi, pamyatniki i traditsii mnogonatsional'noj Moskvi: Sb. Trudov / Pod obsh. Red. V.F. Kozlova* [Hospitable Moscow: people, monuments and traditions of multinational Moscow: Collection of Works / Under a general redaction of V.F. Kozlova]. Moscow, 2014. (In Russ.)
2. Lurie S. *Diaspory v Peterburge. Anglichane – Electronnij resurs (data obracheniya: 15.01.2022)*. [Diasporas in Peterburg. Anglicans – Electronic resource]. – Available at: <https://arzamas.academy/materials/357> [accessed 15 January 2022]. (In Russ.)
3. Goryanov L. B. «Kolumby» moskovskovo futbola [«Columbs» of Moscow football]. Moscow: *Moskovskij rabochij*, 1983. (In Russ.)
4. Lizunov V. S. *Morozovtsy. Stranitsy istorii otechestvennogo futbola (2-e izd.)* [Morozovs. Pages of national football's history (2-nd publ.)]. Orekhovo-Zuyevo: B.i., 2008. (In Russ.)
5. Romm M. D. *Ya boleyu za «Spartak»* [I'm a «Spartak» fan]. Alma-Ata: Zhazushi, 1965. (In Russ.)
6. Kalyanov G. N. *Moskovskaya Futbolnaya Liga 1910–1922 – vtoroye izdanie, ispravlennoye i dopolnennoye* [Moscow Football League 1910–1922 – the second publication, corrected and augmented]. Moscow: Hot line – Telecom, 2014. (In Russ.)
7. Savin A. V. *Moskva Futbolnaya. Polnaya istoriya v litsah, sobytiyah, tsifrah I factah* [Football Moscow. Full history in persons, events, figures and facts]. Moscow: Sport, 2016. (In Russ.)
8. Sunik A. B. *Rossiyskiy sport I olimpijskoje dvizhenije na pubezhe XIX–XX vekov (2-e izd., isp. i dop.)* [Russian sport and Olympic process at the end of 19th – beginning of 20th centuries (2-nd publ., corr. and add.)]. M.: Soviet sport, 2004. (In Russ.)
9. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moscow (TsGA Moscow)* [Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow)]. F. 16. Op. 27. D. 47.
10. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moscow (TsGA Moscow)* [Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow)]. F. 16. Op. 131. D. 146.
11. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moscow (TsGA Moscow)* [Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow)]. F. 16. Op. 130. D. 186.
12. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moscow (TsGA Moscow)* [Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow)]. F. 16. Op. 130. D. 157.
13. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moscow (TsGA Moscow)* [Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow)]. F. 16. Op. 134. D. 248.
14. *Vsya Moskva. Adresnaya I spravochnaya kniga (1900–1914 gody)* [All over Moscow. Address and background book (1900–1914 years)]. (In Russ.)
15. Rosental' I. S. *I vot obchestvennoye mnen'e! Kluby v istorii rossiyskoj obchestvennosti. Konets XVIII – nachalo XX vekov* [And that's a social opinion! Clubs in history of Russian public. The end of 18 – beginning of 20 centuries]. Moscow: New Chronograph, 2007. (In Russ.)
16. *Ustav Britanskogo Kluba Sporta v g. Moskve: utverzden 31 maya 1910. Moskva, tip. S.P. Semenova, 1910* [British sports club's regulation in the city of Moscow: approved at 31 of May 1910]. (In Russ.)
17. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moscow (TsGA Moscow)* [Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow)]. F. 2305. Op. 1. D. 33. (In Russ.)
18. *Russkiy Sport* [Russian sport]. 1909. № 6 (In Russ.)
19. *K Sportu!* [To sport!]. 1912. № 48. (In Russ.)
20. *Russkiy Sport* [Russian sport]. 1909. № 22. (In Russ.)
21. *Russkiy Sport* [Russian sport]. 1909. № 7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.08.2022;
Одобрена после рецензирования 21.09.2022;
Принята к публикации 15.10.2022.

Полигlossия и особенности формирования национального менталитета белорусов в условиях мультинациональной империи

А. И. Лойко

Согласно исследованиям Е. Ф. Карского оригинальные черты белорусского языка впервые обнаруживаются в текстах договоров Полоцка и Витебска с Ганзой. Местная политическая элита сделала акцент на реализацию интересов через ресурсы многонациональных империй Центральной Европы. Этому статусу соответствовали Великое княжество Литовское и Русское, Российская империя, СССР. В результате в культурном пространстве Беларуси важную роль кроме белорусского языка играли церковнославянский, латинский, польский, русский. Белорусские представители Возрождения и Реформации владели и пользовались пятью-шестью языками. Полигlossия детерминировала особенности формирования белорусского языка. Влияние других языков в значительной степени определило и менталитет белорусов, в котором имеет место речевая толерантность.

Ключевые слова: полигlossия, белорусы, менталитет, Карский, Российская империя.

Для цитирования: Лойко А. И. Полигlossия и особенности формирования национального менталитета белорусов в условиях мультинациональной империи // История повседневности. 2022. № 4. С. 40–49. DOI 10.35231/25422375_2022_4_40

Введение

Территория любого государства включает в свои пределы множество этнических и религиозных групп. В таких условиях актуальными являются вопросы сопряжения национальных особенностей населения с мультикультурными различиями этнических и религиозных групп. Под национальными особенностями населения будем понимать территориально-экономическую общность в виде нации. Эта общность может базироваться на коммуникативных ресурсах полиглоссии и языке межкультурного общения. В качестве примера рассмотрим Беларусь.

Начиная со Средних веков страна территориально входила в состав разных государственных образований, включая Российскую империю, в пределах которой этнические белорусы активно мигрировали, пользуясь отсутствием внутренних границ и мотивацией столыпинских реформ. Участие в демократическом движении создало механизм ссылок белорусской студенческой молодежи в регионы Сибири и Дальнего Востока.

Из-за значительной потери коренного населения вследствие войн и трудовой миграции местные власти Беларуси были вынуждены восполнять людские ресурсы путем предоставления права на проживание в ее пределах различным этническим и религиозным группам населения. Подобная ситуация создала уникальную атмосферу полиглоссии. Практика миграции и восполнения людских ресурсов характерна и для современных государств, что делает тему исследования актуальной.

Системную реконструкцию феномена белорусского языка и его носителя осуществил известный славист Е. Ф. Карский в трехтомном исследовании под названием «Белорусы» [1]. Это подробное описание конкретной этнической группы с характерными для нее особенностями языка, быта, фольклора, границ расселения в Восточной Европе. Это исследование сыграло важную роль при рассмотрении В. И. Лениным вопроса о белорусской государственности в условиях распада Российской империи и политики права наций на самоопределение.

При этом бралось во внимание проживание в пределах Беларуси значительных по численности общин евреев, татар,

поляков и русских старообрядцев. Их языковая культура имела мультикультурный контекст. Межкультурную функцию общения выполняли польский и русский языки, поскольку Западная Беларусь по итогам Рижского мирного договора 1920 г. находилась в составе Польши до 1939 г. Восточная Беларусь входила в состав СССР на правах союзной республики с четырьмя государственными языками: белорусским, еврейским, польским и русским. Исследовательским центром этого периода был Институт белорусской культуры, созданный в 1922 г. Его деятельность неоднозначно оценивалась в тридцатых годах XX столетия, что видно по публикации Н. М. Никольского [2].

В девяностых годах XX столетия исследовательским центром этнических и религиозных групп Беларуси являлся Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы. Координатором исследовательских проектов стал В. К. Бондарчик. В начале XXI столетия эту деятельность координировали М. Ф. Пилипенко и А. И. Локотко. Результаты комплексного изучения феномена белорусской культуры изложены в многотомном издании «Белорусы». Так получила продолжение традиция системного изучения культуры, созданная Е. Ф. Карским. Мультикультурная тематика исследований белорусской культуры получила отражение в специальном издании [3].

В статье на основе метода сравнительного анализа использовались результаты лингвистических и этнографических исследований, представленные в академических изданиях периода Российской империи, СССР и Республики Беларусь. Используются результаты архивных исследований А. Мальдзиса, которые стали основой для включения в пространство белорусской культуры, исходя из ее полиязыковой основы, произведений искусства разных исторических эпох [4]. Исследованы феномены новолатинской белорусской поэзии, архитектуры, живописи и театра, белорусского барокко, романтизма и модерна.

Результаты

Полигlossия в национальной традиции Беларуси сформирована политикой одного из первых государственных образований на территории страны под названием Великое

княжество Литовское, Русское и Жемойцкое (далее ВКЛ). Это государство нуждалось в трудовых ресурсах, необходимых для развития городов и торговли. Одновременно через молодежь оно испытывало значительное влияние европейской культуры средневековья с характерным для нее континентальным латинским языком университетского образования.

В эпоху первого белорусского Возрождения XVI–XVII столетий сформировался феномен новолатинской поэзии. Одним из поэтов этой литературной традиции стал Н. Гусовский, который в поэме «Песня о зубре» дал описание традиций, верований, природы и быта белорусского населения [5]. К написанию поэмы его побудили итальянцы, которые во время корриды узнали от Н. Гусовского о том, что в его стране живут огромные лесные быки. Полигlossию в книгоиздательской деятельности на территории Беларуси реализовали Ф. Скорина, С. Будный, М. Смотрицкий. Они издавали тексты Библии на церковнославянском, старобелорусском, польском языках. Активно пользовались греческим, латинским и еврейским языками, на которых были написаны тексты Священного писания.

В период Реформации на территории Беларуси получили распространение религиозные диспуты между представителями различных христианских конфессий [6]. Они могли длиться несколько дней и в последующем переходили в письменную форму. Целью диспутов было отстаивание верования с позиций протестантизма и католицизма. За ходом дискуссий следили представители местного дворянства, которые по ним решали, чью сторону принять. В конечном итоге в этих дискуссиях победили представители второй схоластики.

За их победой последовала эпоха Контрреформации и барокко. В этот период усиление роли католической церкви на территории Беларуси сопровождалось переходом местного дворянства на повседневное пользование польским языком. Образование стало базироваться на латинском и польском языках. Сфера функционирования церковнославянского языка ограничилась православными общинами и их книгоиздательской деятельностью. Основным носителем старобелорусского языка стало крестьянство.

Сохранению полигlossии на территории Беларуси способствовала миграционная политика местных властей. В XIV в.

в пределах Великого княжества Литовского татарскому хану Тохтамышу было позволено поселиться с тридцатитысячным отрядом, состоящим из дружинников. В результате в большинстве белорусских городов возникли общины, которые впоследствии пополнялись крымскими татарами за счет их захвата в плен в результате боев. Эта часть этнических татар называлась тюрками. Они были компактно расселены в центральной части Беларуси [7].

На протяжении многих веков происходила ассимиляция основной части татарского населения и их полная интеграция в языковое пространство белорусского и польского языков как основных языков общения населения Беларуси до конца XVIII в. Поэтапная интеграция общин татар в белорусскую культуру достаточно подробно исследована [8].

Татары значительно усилили военные ресурсы ВКЛ, что проявилось в их роли во время Грюнвальдского сражения с Тевтонским орденом в 1410 г. В результате этого сражения была остановлена территориальная экспансия крестоносцев в Восточной Европе. Татары в пределах Беларуси закладывали аулы, строили мечети, исповедали ислам. Законы ВКЛ гарантировали их право на вероисповедание.

В XIV в. экономика ВКЛ требовала притока людских ресурсов. Особые надежды политической элиты в области экономического развития возлагались на еврейские общины Германии. В 1388 г. эти общины получили грамоту от Витовта, возглавлявшего ВКЛ, на поселение в пределах государства. Это было еврейское население, пришедшее из Пруссии, где оно подвергалось гонениям. На основе немецкого языка это население разработало модификацию еврейского языка в виде идиша. Еврейские общины селились в городах и торговых местах [9]. Их торговая деятельность значительно улучшила экономическое положение ВКЛ, улучшилась демографическая ситуация.

На территории Беларуси евреи жили общинами и строго сохраняли свой быт и традиции. Они проживали в пределах городов, строили синагоги, открывали учебные заведения. С местным населением евреи не смешивались. Перемены в их образе жизни стали происходить в XVIII столетии и были связаны с влиянием на них эпохи Просвещения. Еврейская

молодежь Европы выработала собственную модификацию Просвещения под названием Хаскала. Одним из ярких представителей этого культурного движения стал С. Маймон [10].

Евреи стали играть важную роль в культуре Беларуси с точки зрения их численного и экономического доминирования в городском пространстве. После разделов Речи Посполитой, бывшей конфедерацией королевства Польского и ВКЛ, территория Беларуси оказалась в пределах Российской империи. В отношении евреев был установлен ценз оседлости, который ограничивал их миграцию в центральную часть Российской империи.

В значительной степени это способствовало превращению городов Беларуси в творческие лаборатории еврейской молодежи. Это стало особенно заметным в XIX–XX вв. Достаточно вспомнить достижения витебской художественной школы (М. Шагал), а также Х. Сутина [11]. До 30-х гг. XX в. иврит наряду с белорусским, русским, польским языками был государственным языком БССР.

Холокост оказался трагическим по своим последствиям для еврейских общин Беларуси. Выжившие евреи мигрировали в центральную часть России и Израиль. Евреи, оставшиеся в белорусских городах, перешли на разговорный белорусский и русский языки.

Этнические поляки оказались в границах современной Беларуси после того, как Ягайло (ВКЛ) и Ядвига (Королевство Польское) на основе династического брака образовали в 1380 г. конфедерацию двух государств. Главным фактором распространения польского языка в белорусском обществе являлось стремление интегрироваться в европейское общество. Латинский и польский языки в университете Кракова способствовали многоязычию. Эти языки поддерживала католическая церковь, укрепившая свои позиции в Беларуси в период Контрреформации.

В итоге основными носителями польского языка стали этнические белорусы-католики. На этом языке развивалась поэзия. В белорусском и польском языках сформировалась контактная лингвистика, которую реализовал в своем творчестве А. Мицкевич [12]. Компактные поселения этнических поляков сохранились в современной Беларуси в приграничных

с Польшей районах, прежде всего в Гродненской области. Миграция этнических поляков на историческую родину в 1945 г. способствовала снижению роли польского языка в языковом пространстве Беларуси. Те поляки, что остались в Беларуси, говорят на белорусском и русском языках.

Компактное расселение русских этнических общин в пределах Беларуси произошло в XVI–XVII вв. Этим шансом воспользовались старообрядцы. Они предпочитали селиться в восточной части страны. Знаменитый центр старообрядческой культуры в Беларуси находится в городе Ветка. Усиление роли русского языка в социальном пространстве Беларуси произошло в советский период истории, когда в страну приехало много специалистов из Москвы, Ленинграда, Урала и Сибири. Они стали играть важную роль в энергетике, промышленности, образовании, науке, государственном управлении. В городах Беларуси после Великой Отечественной стал доминировать русский язык. Этот язык стал ассоциироваться местным населением с городской культурой.

Владение русским языком стало одним из условий интеграции в городскую среду. На него стали переходить и этнические белорусы. Сформировалась устойчивая тенденция снижения роли белорусского языка в основных сферах профессионального общения. В то же время этот язык не мог полностью исчезнуть, так как его носители были антропологически связаны с ним. В результате начался длительный процесс естественной синергии отдельных элементов белорусского языка в языковые структуры русского. Эта модификация естественного разговорного русского языка в Беларуси называется «тросянка».

Использование белорусского языка ограничилось национальной литературой, лингвистическими гуманитарными специальностями, в том числе журналистикой, фольклорной культурой. Конституция Республики Беларусь нормативно закрепляет государственный статус белорусского и русского языков. В естественной языковой среде страны происходит процесс слияния языковых конструкций славянских языков. В этот процесс все больше интегрируются терминологические понятия английского языка, что связано с особенностями профессиональной деятельности сотрудников банковских учреждений, развитием туризма.

Одним из факторов формирования многоязычия в Беларуси были смешанные браки. Особенно они характерны для представителей этнических групп белорусов и русских. До распада СССР дети от смешанных браков обычно записывались родителями по национальному признаку – русские. После распада СССР это направление потеряло свою актуальность. Родители учитывают признак гражданства [13].

Многоязычие в языковом пространстве Беларуси находится под сильным влиянием регионального рынка труда в Восточной Европе. Миграция трудовых ресурсов Беларуси развивалась по двум основным векторам. Одна – высококвалифицированных инженерных кадров. Основным заказчиком является промышленный сектор и энергетика. Второй вектор трудовой миграции в Беларуси сформировался в сторону Евросоюза.

Этому способствует отсутствие языковых барьеров между белорусами и жителями восточной Польши, где проживает много этнических белорусов, а также языковое многоязычие, характерное для регионов восточной Литвы, в том числе Вильнюса, и восточной Латвии, где исторически сложились компактные общины этнических белорусов. Русский язык смягчает языковые барьеры.

Возрастает роль китайского языка в профессиональной деятельности банков и компаний. Эта потребность создала образовательный компонент для изучения китайского языка в школах и университетах. Эту задачу реализует инфраструктура институтов Конфуция. Они есть в структурах ведущих белорусских вузов (БГУ, БНТУ). Опыт изучения русского и китайского двуязычия отражен в совместном исследовании белорусских и китайских специалистов-лингвистов [14]. Основоположником этих исследований в XIX в. был выходец из Беларуси А. И. Гошкевич, служивший в дипломатической миссии Российской империи. Он сыграл важную роль в изучении русскими специалистами особенностей языка китайцев и японцев.

Выводы

Таким образом, языковая среда общения внутри Беларуси формировалась мультикультурной политикой. Эта особен-

ность сыграла роль в формировании у населения Беларуси безбарьерной языковой среды и территориальной мобильности, которой население воспользовалось в пределах Российской империи и СССР. Важную роль сыграл фактор государственного языка. В настоящий момент этим статусом обладают белорусский и русский языки. Между ними происходят процессы синергии и взаимного влияния.

Список литературы

1. Карский Е. Ф. Беларусь: в 3 т. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.
2. Никольский Н. М. Установки и методы белорусской нацдемовской этнографии // Советская этнография – 1932 – № 4 – С. 3–25.
3. Кто живет в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2012. 799 с.
4. Мальдзіс А. Падарожжа у XIX стагоддзе. Мінск: Народная асвета, 1969. 206 с.
5. Гусоускі М. Песня пра зубра. Мінск: Мастацкая літаратура, 1981. 144 с.
6. Loiko A. I. Cross-cultural compositions for landscape contact zones of civilization connections // Sphere of Culture – 2021 – №2 (4) – Р. 38-47.
7. Loiko A. I. Dynamics of the Multicultural environment of Belarus: on the example of tatar // Ethos and Culture in globalization era. Krasnodar: KubSTU, 2021. P. 443–448.
8. Канапацкі І. В. Татарскі народ у гісторыі Беларусі // Роднае слова. – 2004. – № 2. – С. 92–95.
9. Иоффе Э. Г. По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси. Минск: Четыре четверти, 2001. 352 с.
10. Loiko A. I. Intercultural Component of German classical Philosophy in Eastern Europe // Socio Time. – 2021. – № 2 (26) – Р. 9–15.
11. Лойко А. И. Синестезия в методологии изобразительного искусства М. Шагала и К. Малевича // Искусство звука и света. – СПб.: Российский институт истории искусств, 2021. – С. 91–94.
12. Мальдзіс А. Традыцы польскага асветніцтва у беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. 47 с.
13. Каспяровіч Г., Церашковіч П. Рускія // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: Беларуская энциклапедыя, 1999. – С. 143–144.
14. Лойко А. И., Семенюк В. А., Лойко Л. Е., Юйхун В. Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге цивилизаций. Минск: БНТУ, 2012. 147 с.

Polyglottism and the peculiarities of formation of Belarusians national mentality in the conditions of multinational empire

Aleksandr I. Loiko

According to the research of E. F. Karsky, the original features of the Belarusian language are first found in the texts of agreements of Polotsk and Vitebsk with the Hansa. The local political elite focused on the realization of interests

through the resources of multinational empires of Central Europe. This status corresponded to the Grand Duchy of Lithuania and Russia, Russian Empire, USSR. As a result, in the cultural space of Belarus, apart from the Belarusian language, Church Slavonic, Latin, Polish, and Russian played an important role. Belarusian representatives of the Renaissance and Reformation knew and used five or six languages. Polyglottism determined the peculiarities of the Belarusian language formation. The influence of other languages has largely determined the mentality of Belarusians, in which speech tolerance takes place.

Key words: polyglottism, Belarusians, mentality, Karsky, Russian Empire.

For citation: Loiko, A. I. (2022). Poliglossiya i osobennosti formirovaniya nacional'nogo mentaliteta belorusov v usloviyah mult'nacional'noj imperii [Polyglottism and the peculiarities of formation of Belarusians national mentality in the conditions of multinational empire]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 40–49. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_40

References

1. Karski E.F. *Belorusy: W 3-h tomah. V. 1: Vvedenie v izuchenie jzyka i narodnoj slovesnosti* [The Belorussian: In 3 Volumes. V. 1. Introduction to the study of language and folk literature]. Warchawa: Tipografia Warchawskiego uczebnego okruha, 1903. (In Russ.)
2. Nikolski N.M. *Ustanovki i metody beloruskoj nacdemovskoj etnografii* [Attitudes and methods of the Belarusian National Democracy Ethnography] // *Sowetskaj etnografij*. 1932. №4. Pp. 3–25. (In Russ.)
3. *Kto zivet v Belarusi* [Who is live in Belarus]. Minsk: Belaruskaj navyka, 2012. (In Belar.)
4. Maldis A. *Padarozza y XIX stagoddze* [Voyage in XIX century]. Minsk: Narodnaj asveta, 1969. (In Belarus.)
5. Gusoyksi M. *Pesn'j pra zybra* [Song of Bison]. Minsk: Mastackaj liraratoryra, 1981. (In Belarus.)
6. Loiko A. I. Cross-cultural compositions for landscape contact zones of civilization connections // *Sphere of Culture*. 2021. № 2 (4). Pp. 38–47.
7. Loiko A.I. Dynamics of the Multicultural environment of Belarus: on the example of tatar // *Ethos and Culture in globalization era*. Krasnodar: KubSTU, 2021. Pp. 443–448.
8. Kanapazki I. B. *Tamarski napod y gismoryi Belarusi* [Tatar in history of Belarus] // *Rodnae slova*. 2004. № 2. Pp. 92–95. (In Belarus.)
9. Ioffe E. G. *Po dostovernym istochnikam. Evrei v istorii gorodov Belarusi* [According to reliable sources. Jews in the history of the cities of Belarus]. Minsk: Chetyre chetverti, 2001. (In Russ.)
10. Loiko A. I. Intercultural Component of German classical Philosophy in Eastern Europe // *Socio Time*. 2021. № 2 (26). Pp. 9–15.
11. Loiko A. I. *Sinestezij v metodologii izobrazitel'nogo iskusstva M. Chagala i K. Malevicha* [Synesthesia in the methodology of fine arts by M. Chagall and K. Malevich] // *Iskusstvo zvuka i sveta*. SPb: Rossijski institute istorii iskusstv, 2021. Pp. 91–94. (In Russ.)
12. Maldis A. *Tradicii polskogo asvetnictva y belaruskaj litaratury XIX stagoddzj* [Traditions of the Polish Enlightenment in Belarusian Literature of the 19th]. Minsk: Navuka i tehnika, 1972. (In Belarus.)
13. Kaspjrovich G., Cerachkovich P. *Ruskij* [Russian] // *Enzyklopedij gistoryi Belarusi*. Minsk: Belaruskaj encyklopedy, 1999. Pp. 143–144. (In Belarus.)
14. Loiko A. I., Semenyk V. A., Loiko L. E., Yichun V. *Filosofij mezkulturnych otnochenij: Belarus v dialoge zivilizacij* [Philosophy of intercultural relations: Belarus in the dialogue of civilizations]. Minsk: BNTU, 2012. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.07.2022;
Одобрена после рецензирования 17.08.2022;
Принята к публикации 12.09.2022.

Возвращение казахов-репатриантов из Монголии на историческую родину

С. И. Ковальская, А. Хизат

Исторически сложилось, что казахское население сконцентрировано в значительной степени на территориях сопредельных с Казахстаном государств: Китая, России, Узбекистана. В данной статье авторы попытаются проследить историческую динамику адаптации казахской диаспоры, изначально проживавшей на территории Китая, затем сформировавшейся в Монголии и за последние 30 лет вернувшихся в Республику Казахстан. История формирования и развития казахской диаспоры по-своему является уникальной, и мы хотим проанализировать, используя историко-ретроспективный подход, процесс возвращения казахской диаспоры из Монголии в Казахстан.

В данной работе авторы руководствуются транснациональным подходом для изучения процесса возвращения этнических казахов на историческую родину. Мы опираемся на тезис, предложенный Дж. Шеффером (G. Sheffer), что взаимоотношения между родиной, диаспорой и принимающей страной являются «комплексными трехсторонними отношениями».

В статье будут использованы также качественные методы исследования: глубинное интервью и метод включенного наблюдения. При подготовке статьи были использованы материалы полевых экспедиции среди этнических казахов в Западной Монголии (Баян-Улгий), а также в Астане и ближайших селах: с. Караоткел, с. Коянды.

Ключевые слова: миграция, диаспора, казахи, родина, репатриация, репатрианты, оралман, кандас.

Для цитирования: Ковальская С. И., Хизат А. Возвращение казахов-репатриантов из Монголии на историческую родину // История повседневности. 2022. № 4. С. 50–64. DOI 10.35231/25422375_2022_4_50

Введение

В настоящее время одним из самых обсуждаемых вопросов в мире является миграция, в том числе вопросы формирования диаспоры, история развития и её мобильность. Казахстан после распада Советского Союза начал активный процесс репатриации, другими словами, актуализировались вопросы возвращения казахской диаспоры на историческую родину. Республика Казахстан является инициатором мобилизации казахской диаспоры со всего мира. Политические рычаги притягивания диаспоры сыграли важную роль при формировании нового государства.

Цель данной статьи – проследить взаимосвязь репатриационной политики, осуществляющейся в современном Казахстане, с проблемой принадлежности диаспоры к исторической родине. Изучение вопроса в проблемно-хронологическом ключе позволит выявить причины формирования диаспоры и проанализировать, как на современном этапе осуществления репатриации проявляется вопрос о принадлежности диаспоры к исторической родине.

Гипотеза исследования сводится к утверждению, что этническая принадлежность и воображаемая историческая родина в сознании казахской диаспоры из Монголии сыграли ключевую роль в выборе страны возвращения Казахстана, а не в Китая, где столько лет они жили, считая своей родиной, с территории которого они, собственно, и переселились первоначально в Монголию. Однако реальная и воображаемая связь с утерянной и во многом воображаемой исторической родиной, ставшей национальным государством Республикой Казахстан, определило выбор, который можно определить как рациональный, основанный на транслируемой исторической памяти, политических изменениях, обретении независимости и построении национального государства, а также на социально-экономической стабильности.

Полновесное изучение истории формирования и судеб представителей казахской диаспоры стало возможным только в период независимости. Основателем диаспорологии как самостоятельного научного направления в Казахстане стала доктор исторических наук, профессор Г.М. Мендикулова [1]. Научная ценность её трудов в первую очередь определяется

архивными и иными источниками, впервые введенными ею в научный оборот [2]. Особенную важность приобретают собранные ею интервью среди казахов, проживающих за рубежом.

Среди других казахстанских авторов необходимо выделить известных демографов М. Татимова [3] и А. Н. Алексеенко [4]. В 2015 г. вышла коллективная монография «Казахская диаспора и репатриация (1991–2012)», в которой также уделено значительное внимание казахам из Монголии [5].

Отдельного внимания заслуживают труды известного российского ученого Н. Н. Аблажей, которая на протяжении многих лет занимается вопросами эмиграции, репатриационной политики в Российской Федерации и Республике Казахстан и другими смежными проблемами [6]. Изучением национальной политики в отношении казахов, проживающих за рубежом, занимается казахстанский исследователь Н. Б. Сейдин [7]. Основные факторы возвращения казахов на историческую родину, в первую очередь из Монголии, которые стали первыми репатриантами, трудности их переезда в страну и адаптация на местах представлены в работе Е. Ю. Садовской «Миграция в Казахстане на рубеже XXI в.: основные тенденции и перспективы» [8].

Краткий обзор миграционной политики Республики Казахстан, оценка положения социальной, экономической и культурной интеграции казахов-репатриантов описан в совместной статье Г. К. Абдигалиевой и А. А. Камалдиновой «Социально-политическое положение оралманов в Казахстане» [9].

Переселению казахов из Монголии посвящена книга Зардыхана Кинаятулы «Монғолиядағы қазақтар» [10], известного монгольского и казахстанского ученого, также прошедшего путь возвращения и обретения исторической родины и гражданства. Отдельно хотелось бы назвать совместные труды ученых-этнографов А. Калыша и Д. Касымовой «Пути интеграции оралманов в казахстанское общество: реалии и вызовы» [11] и «Поле и смысл социокультурной интеграции этнических репатриантов» [12]. Социальной адаптации репатриантов посвящен совместный труд М. С. Садырова и С. А. Амитовой, которые провели социологический анализ миграционных процессов в Казахстане [13].

Тема казахских беженцев достаточно подробно анализировалась в зарубежной науке, оставаясь довольно долго запретной темой в советской историографии. Среди авторов в первую очередь можно выделить книгу И. Сванберга «Казахские беженцы в Турции: исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен» [14]. Основное внимание в книге уделено казахам Китая, проживавшим в Синьцзяне и участвующим в восстании под руководством Осман Батыра, и их судьбам после подавления восстания, эмиграции в Индию, Пакистан и затем в Турцию. Основной акцент сделан на сохранении национальной идентичности несмотря на все катаклизмы и потрясения.

Американские исследователи Х. Баркус и С. Вернер (H. Barcus, C. Werner) [15] обосновали теоретические и методологические аспекты процесса репатриации, а также остановились на характеристике политических и культурных проблем казахов-репатриантов. Бхавна Дэви (Bhavna Dave) изучает проблему репатриантов в Казахстане через призму реализации современной национальной политики государства [16].

Петер Финке, профессор Цюрихского университета, уделяет особое внимание изучению культуры и традиций казахских репатриантов из Монголии, Китая, Турции. Например, в своём труде «Historical Nomelands and Transnational Ties: the Case of the Mongolian Kazaks» [17] автор приводит важные сведения о вернувшихся из Монголии казахам (кандасов), их адаптации в общественной среде и культурной жизни Казахстана. Совместно с турецким исследователем Мелтемом Сансаком Петер Финке издал работу «Migration and Risk Taking A Case Study from Kazakhstan» [18].

Безусловно, при анализе изучаемой темы очень важна монография С. Кэмерон «Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана», которая была переведена на русский и казахский языки и также объясняет причины массового исхода казахов за пределы степи, вызванные голодом 1930-х гг., в том числе на территорию современной Монголии [19].

В статье мы также опираемся на материалы, опубликованные монгольским ученым Ц. Баатаром о современном положении казахской общины в Монголии [20].

Исследование миграционных процессов, в том числе процессы возвращения диаспоры на родину, требует особенного подхода и инструментария гуманитарных наук. В данной работе авторы руководствуются методом социально-антропологического подхода в изучения истории диаспоры. Мы опираемся на тезис, предложенный Дж. Шеффером (G. Sheffer) в его работе «Политика диаспоры: дома за границей», что взаимоотношения между родиной, диаспорой и принимающей страной являются «комплексными трехсторонними отношениями» [21].

Как правило, диаспора существует как минимум в двух мирах: стране исхода и стране вселения. В нашем случае активно добавляется так называемый третий мир – некогда утраченная, воображаемая историческая родина, память и знания о которой были сосредоточены в легендах, преданиях, устном народом творчестве.

Авторы опирались на транснациональный подход для изучения процесса возвращения этнических казахов на историческую родину [22]. Безусловно, родина является фундаментом коллективной диаспоральной идентичности, поэтому связь с территорией родины, людьми с родины очень важна. Эти связи, а также мечта о возвращении, которая, впрочем, может никогда и не осуществиться, помогают диаспоре сохранять свою идентичность.

При изложении материала использованы качественные методы исследования, такие как глубинное интервью и метод включенного наблюдения. При подготовке статьи были использованы материалы полевых экспедиций, проведенных А. Хизат в 2014 и 2019 гг. в Западной Монголии в г. Баян-Улгий среди этнических казахов. Кроме того, интервью проводились как в самом г. Астане, так и в близлежащих селах: Караткел и Коянды.

Результаты

По данным казахского демографа М. Татимова, на момент обретения Казахстаном независимости насчитывалось около 3 273 тыс. казахов, проживавших за рубежом [23, с. 25]. В концепции по репатриации этнических казахов, принятой в 1998 г., численность казахов за рубежом была указана в 4,1 млн чел. [24].

Наша статья основывается на примере жизни казахской диаспоры в Монголии, изучая историю которой можно проследить изменения миграционных движений и в целом адаптацию диаспоры на исторической родине. После обретения независимости в Республику Казахстан стала возвращаться казахская диаспора из Монголии. Но воображаемая историческая родина оказалась не такой в реальности, как виделась издали, что привело к некоторому разочарованию и проблемам при адаптации и даже к возвратной миграции.

Казахская диаспора в Монголии образовалась в конце XIX – начале XX в. Причинами переселения казахов в Монголию стала нехватка пригодных земель для пастбищ и колониальная политика со стороны Цинской империи по отношению к казахам западной части Китая Синьзянского автономного округа. Казахи массово стали переселяться в Ховд аймак на Алтае, где просили подданства Монголии [20].

Вопрос формирования казахской диаспоры в Монголии является малоизученным. Если условно разделить на исторические этапы формирование и развитие казахской диаспоры в Монголии, они выглядят следующим образом. Середина XIX и начало XX в. ознаменовались миграционными движениями, регулируемые заключенными договорами между Российской и Цинской империями. Одним из первых договоров, определяющим границы, стал Пекинский договор от 2 ноября 1860 г. Заключительным договором между странами стал Чугучакский договор от 25 сентября 1864 г., где были прописаны отошедшие земли кочевков и народы, проживающие на территории той страны, куда отошли эти земли, и ей же стали управляться [1, с. 105].

Санкт-Петербургский договор, заключенный между сторонами в 1881 г., также предусматривал разрешение вопроса миграции казахов между странами. Опираясь на монографию Г. М. Мендикуловой, можно констатировать, что в XIX в. в районах Тарбагатай и р. Боратал кочевали казахи родов керей и найман, в том числе из рода керей, ветви байджигит – 8500 юрт, 42,5 тыс.чел. Казахи рода матай и кызай кочевали в горах Тарбагатай, Барлык-Майли, рядом с озером Эбинор и Боратал в составе 20 тыс. юрт или 90 тыс. чел. [1, с. 105]. Из этого можно

сделать вывод, что казахи исторически проживали на территории нынешнего Китая, считая эти земли своими.

Массовое переселение и откочевки приходится на время проведения Столыпинских реформ в 1905–1907 гг., а также на период 1912–1914 гг., когда имперское российское правительство проводило активную аграрную политику, и созданное переселенческое управление, обустривая российских крестьян из европейской России, изымало казахские земли в пользу переселенного крестьянства. В поисках пастбищ для скота и свободных угодий казахи были вынуждены мигрировать в сторону Китая [19, с. 108].

Эмиграция казахов в приграничные районы Китая усилилась во время национально-освободительного движения 1916 г. Численность казахов-переселенцев к этому времени насчитывала примерно 270 тыс. чел. [6, с. 49]. В период советской власти эмиграция казахов в Китай и другие сопредельные страны продолжалась и была усилена во время голода 1930-х гг., когда из Казахстана безвозвратно откочевали 350 тыс. чел. [6]. Причины бегства казахов коренятся в разрушении традиционного уклада жизни кочевников, принудительной коллективизации, сталинских репрессиях 1937–1938 гг.

К 1860 г. казахи, проживавшие в Ховдском аймаке Алтая, арендовали земли у монголов для свободного кочевья и выпаса скота. Монгольские казахи жили в двух странах без какого-либо ограничения до периода демаркации границы между Китаем и Монголией. На момент образования Монгольской Народной Республики в 1924 г. в ней проживало около 1870 семей казахов [20, р. 90]. К 1938 г. в Монголии казахов насчитывалось уже 4300 семей, что составило ок. 21 тыс. чел. [20, р. 91]. Вначале казахи жили в Чандманском, а затем Ховдском округе и только к 1940 г. они обрели отдельный округ Баян-Улгий.

Численность казахской диаспоры в западной Монголии к 1990 г. резко возросла за счёт естественного прироста до 120 тыс. чел. [20, р. 92]. Основным видом деятельности казахов оставалось скотоводство. После 1990 г. по инициативе Республики Казахстан на историческую родину из Баян-Улгийского региона стали возвращаться казахи, что стало одной

из причин сокращения их численности в Монголии до 82 тыс. чел. [20, р. 92].

Ключевым фактором переезда казахов на историческую родину является экономическая слабость Монголии и сокращение социальной поддержки государства. Основная масса переезжающих казахов на вопрос о причине выбора Казахстана для переселения называли его экономическую и социальную стабильность, а также то, что государство является современным и процветающим [17, р. 179].

Возникает вопрос о принадлежности диаспоры, понятии исторической родины, влиянии политических и идеологических факторов на сознание и поведение диаспоры. Началось активное возвращение казахов на историческую родину в Казахстан, а не на территорию Китая, где столько лет они жили и считали своим домом и родиной. Другими словами, этническая принадлежность и воображаемая родина сыграли ключевую роль в сознании диаспоры.

Есть другая сторона этой медали, когда репатрианты при адаптации в принимающем обществе стараются со временем стать местными жителями, не отличающимися от основной массы населения. Наряду с восстановлением традиций казахского народа, в Казахстане идет процесс русификации репатриантов. Об аккультурации репатриантов можно судить по тому, как они овладевают русским языком, активно добавляют в речь русские слова, чтобы не казаться репатриантами.

В этом ключе диаспора на родине продолжает сталкиваться с проблемой «свой – чужой», когда поневоле становишься чужим среди своих этнических собратьев и возникает вопрос адаптации казахской диаспоры на исторической родине. Важно понимать, как идет слияние или адаптация при разном понимании казахскости, казавшемся одинаковым, но по существу весьма отличным. Приводит ли это к созданию «новой диаспоры казахов» внутри казахского общества, также становится исследовательской проблемой.

Выбор жизненной стратегии зарубежных казахов, решение переезжать или же остаться напрямую зависели от ситуации в Казахстане и Монголии, политической, экономической, социально-культурной обстановки в этих странах.

Один респондент (репатриант из Монголии, 1965 г. р.) отмечал, что решение о переезде было принято после того, как его родные братья переселились в 1991 г. в Талдыкорганскую область. В отсутствии миграционной политики в Республике Казахстан на начальном этапе репатриации казахское население из Монголии переселялось по «трудовому договору». Репатриантам можно было переселяться в ту область, где была острая нехватка работников сельского хозяйства и в первую очередь животноводства.

В процессе адаптации репатрианты активно мигрировали внутри областей Казахстана, создавая репатриантский network. На втором этапе с 1997 по 2003 гг. все вопросы репатриации были законодательно урегулированы.

На третий этап (2003–2011) приходится пик этнической миграции в Казахстан, чему способствовала квотная система и поддержка репатриантов на всех этапах переезда, а также облегченная система получения гражданства. Однако проявились и проблемы: выросла безработица, усложнились процессы адаптации репатриантов к казахстанским реалиям и т. д.

Четвертый этап (2011–2014) характеризуется изменением в политике квотирования. Кроме того, ситуация с переселением была осложнена негативным информационным эхом событий в Жанаозене, что снизило мотивацию к переселению, о чем неоднократно говорили наши респонденты.

Реализация концепции миграционной политики 2017–2021 гг. определяет современную ситуацию с репатриацией казахов. Казахстан продолжает принимать этнических казахов, возвращающихся на свою историческую родину.

Почти все опрошенные жители г. Астана и ближайших сел Караоткел, Коянды по поводу казахских репатриантов из Монголии отмечают развитость среди них родственных отношений, сохранение традиций, использование в речи устаревших слов, которых местные казахи не употребляют. Казахи из Монголии характеризуются местным населением Казахстана как вольнолюбивые, отстаивающие свои позиции.

Слова одного из респондентов отражают сложность адаптации на новом месте в плане языка и менталитета, что порождает формирование чувства отчуждения. Приводим небольшой фрагмент. «Разница между нами и местными

в зависимости от места выхода человека, становишься частью этого места. Местные казахи переняли привычки русских, а мы той страны, откуда приехали. Мы удивлялись некоторым моментам в поведении местного населения, а они нам. Оказывается, у вас так делают, а у нас так. Например, у нас с родственниками, которыми видишься каждый день или будь это соседи, не здороваемся, только в том случае если не видимся 2–3 месяца или откуда-то приехал – только в этом случае. А тут все наоборот, нужно здороваться каждый день. Утром-вечером. А еще было для нас странным то, что будь это дом простого смертного или дом хана, можно входить в обуви. Может это из-за того, что природа позволяет или из-за окружающей среды, но мы обувь не снимали при входе в дом. А здесь нужно разуваться. Такие различия. Честно говоря, я до сих пор не говорю по-русски, что препятствует в быту и в жизни. Не научился.

Из других ключевых высказываний наших респондентов можно упомянуть следующие: «незнание местного населения и законов приводило к различным убыткам и разочарованию», «множество культурных и языковых различий» и т. п. Однако на лично-семейном уровне данные проблемы постепенно решаются и можно резюмировать, что процесс вхождения казахов, вернувшихся из Монголии, в казахстанскую действительность идет достаточно активно.

Выводы

Этнодемографическое положение Казахстана в Советском Союзе и даже после его распада характеризовалось тем, что количество казахов в составе населения республики было меньше, чем представителей других этнических групп, особенно русских. КазССР была единственной советской республикой, в которой титульное население на протяжении достаточно длительного времени было в меньшинстве. Но ситуация начала активно меняться в начале 90-х гг. XX в., когда представители европейских народов, проживавших в Казахстане, после распада СССР начали возвращаться в такие страны происхождения, как Российская Федерация, Германия, Польша, Украина и др.

В работе известного казахстанского ученого историка-демографа А. Н. Алексеенко описывается как менялась этнодемографическая ситуация в республике с 1897 по 2009 гг. Чис-

ленность «европейской» группы (русские, украинцы, немцы, татары) за период с 1897 по 1959 гг. увеличилась в восемь раз и составила 60,1 % населения. Рост населения Казахстана на 82,5 % произошел за счет тех, кто приехал из имперской России и потом из СССР. «Азиатская» группа (казахи, узбеки, уйгуры) сократилась в 1,3 раза (32,1 % населения Казахстана в 1959 г.), прежде всего за счет казахов.

В 1959 г. казахов проживало на территории Казахстана в 1,3 раза меньше, чем в конце XIX в., а их удельный вес в общей численности населения снизился до 30 %. Период 1959–1989 гг. А. Н. Алексеенко охарактеризовал как «промежуточный», «инерционный». Автор подчеркивает, что хоть рост численности европейцев был очевидным, темпы роста азиатских этносов были намного выше. Это было связано прежде всего с ростом рождаемости казахов в 1960-е гг., а также с тем, что изменение демографической ситуации в первую очередь произошло благодаря прекращению притока европейского населения.

В конце 1960-х гг. сальдо межреспубликанской миграции было отрицательным. Третий суверенный период (1989–2009) характеризуется ликвидацией этнодемографических последствий первых двух этапов [4]. В конце XX – начале XXI в. казахи в результате государственной политики стали подавляющим большинством населения Казахстана. К 2021 г. оно составило 69 % численности всего населения Республики Казахстан [25].

Стимулирование массового притока этнических казахов в Казахстан можно связать с обращением первого президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева от 31 декабря 1991 г. к казахам, проживающим за рубежом. Репатриационная политика Республики Казахстан выстраивалась на принятии нескольких основных законов и проектов.

Первым таким законодательным документом по этнической возвратной миграции в Республике Казахстан стал закон РК № 1437 от 26 июня 1992 г. об иммиграции. Второй закон Республики Казахстан «О миграции населения» был принят в 1997 г. 13 мая 2020 г. президентом Республики Казахстан Касым-Жомартом Токаевым был подписан Закон о регулировании миграционных процессов, который был введен в действие с 1 января 2021 г.

В результате исторических событий, произошедших за последний почти двухсотлетний период, на территории Монголии сформировалась казахская диаспора. Процесс её формирования и развития требует дальнейшего пристального изучения. Казахи Монголии являются частью китайских казахов, когда-то переселившихся из Китая из-за ряда исторических событий.

Но при объявлении правительством Республики Казахстан репатриационной политики они в своём большинстве переселились на историческую родину. После переезда казахи-репатрианты испытывали ряд трудностей, в том числе ментального и культурного характера. При этом казахские репатрианты из Монголии полностью принимают свою историческую родину Казахстан, связывают с ним своё будущее и активно влияют на формирование казахской и казахстанской идентичности.

Список литературы

1. Мендикулова Г. М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. 264 с.
2. Мендикулова Г. М. Казахская диаспора: история и современность. – Алматы: Всемирная ассоц. казахов, 2006. 343 с.
3. Татимов М. Қазақ әлемі. Алматы: Атамұра, 1993. 160 б.
4. Алексеенко А. Н. Казахстан: проблемы иммиграционной политики // Миграция и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск, 2011. – С. 567–591.
5. Казахская диаспора и репатриация (1991–2012): монография / Балтабаева К. Н., Мамашев Т. А., Еремекбай Ж. А., Баймагамбетова А. Ж. Науч. ред. Мажитов С. Ф. Алматы: Елтаным, 2015. 568 с.
6. Аблажей Н. Н. Эмиграционные последствия коллективизации и голода начала 1930-х гг. на востоке СССР (эмиграция казахов) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.). – Новосибирск, 2008. – С. 100–102.
7. Сейдин Н. Б. Казахи за рубежом как объект национальной политики. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. 172 с.
8. Садовская Е. Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. – Алматы: Ғылым, 2001. 260 с.
9. Абдигалиева Г. К., Камалдинова А. А. Социально-политическое положение оралманов в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия культурология. – 2015. – №1 (50). – С. 131–138.
10. Кинаятұлы З. Моңғолиядағы қазақтар. Алматы: Ата-Жұрт, 2007. 255 б.
11. Калыш А., Касымова Д. Пути интеграции оралманов в казахстанское общество: Реалии и вызовы. Алматы: «Қазақ университеті», 2013. 206 с.
12. Калыш А., Касымова Д. Поле и смыслы социокультурной интеграции этнических репатриантов. Алматы: «Қазақ университеті», 2014. 242 с.

13. Садырова М. С., Амитов С. А. Миграционные процессы в Казахстане и социальная адаптация оралманов: социологический анализ. Palmarium Fcaedemik Publishing. Алматы, 2014. 185 с.

14. Сванберг И. Казахские беженцы в Турции. Исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен. Алматы: Санат, 2005. 456 с.

15. Bargus H., Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990-2008 // *Asian Ethnicity*. – 2010. – № 2 (11). – P. 209–228.

16. Bhavna Dave, *Politics of Modern Central Asia: The changing geopolitical context*. – USA: Routledge, 2010. 400 p.

17. Fince P. Historical Nomelands and Transnational Ties: The Case of the Mongolian Kazaks // *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. 138, H. 2, Special Issue: Mobility and Identity in Central Asia. – 2013. – P. 175–193.

18. Fince P., Sancak M. Migration and Risk Taking A Case Study from Kazakhstan // *Migration and Economy. Global and Local Dynamics*. – 2005. – № 1. – P. 175–194.

19. Камерон С. Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.

20. Baatar Ts. Present situation of Kazakh-Mongolian community // *The Mongolian Journal of International Affairs*. – 2002. – № 8-9. P. 90–98.

21. Sheffer G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 277 p.

22. Diener A. Negotiating Territorial Belonging: A Transnational Social Field Perspective on Mongolia's Kazakhs // *Geopolitics*. – 2007. – № 12(3). – P. 459–487.

23. Тәтімов М. Қазақ халқының диаспорасы туралы ойлар // Қазақ диаспорасының ғылыми-зерттеу мәселелері. Алматы: Фалсафа ин-ты, 1992. 99 б.

24. О концепции репатриации этнических казахов на историческую родину. Постановление Правительства Республики Казахстан от 16 сентября 1998 года № 900.

25. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. 2021 г. Демографический буклет. Нур-Султан, 2021.

Return of Kazakh repatriates from Mongolia to their historical homeland

Svetlana I. Kovalskaya, Akerke Khizat

Kazakh population is historically concentrated largely on the territories of Kazakhstan neighboring countries – China, Russia and Uzbekistan. In this article, the authors try to carry out the historical dynamics of adaptation of the Kazakh diaspora, which originally lived in China, then formed in Mongolia and returned to the Republic of Kazakhstan over the past 30 years. The history of formation and development of the Kazakh diaspora is unique, and the authors, using a historical and retrospective approach, analyze the process of the Kazakh diaspora returning from Mongolia to Kazakhstan.

In this paper, the authors are guided by a transnational approach to study the process of the return of ethnic Kazakhs to their historical homeland. We rely on the thesis proposed by G. Sheffer that the relationship between the homeland, the diaspora and the host country is a “complex tripartite relationship”.

Such methods as qualitative research methods – in-depth interviews and the participant observation method, are used in the paper. In the article were also

used materials of field expeditions among ethnic Kazakhs in Western Mongolia (Bayan-Ulgiy), as well as in the Nur-Sultan and the nearest villages – Karaotkel, Koyandy.

Key words: migration, diaspora, Kazakhs, homeland, repatriation, repatriates, oralman, kandas.

For citation: Kovalskaya, S. I., Khizat, A. (2022). Vozvrashchenie kazahov-repatriantov iz Mongolii na istoricheskuyu rodinu [Return of Kazakh repatriates from Mongolia to their historical homeland]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 50–64. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_50

References

1. Mendikulova G.M. *Istoricheskie sud'by kazahskoj diaspory. Proiskhozhdenie i razvitie*. [Historical fate of the Kazakh diaspora. Origin and development.]. Almaty: Fylym, 1997. (In Russ.)
2. Mendikulova G.M. *Kazahskaya diaspora: istoriya i sovremennost'*. [Kazakh diaspora: history and modernity]. Almaty: Vsemirnaya assoc. kazahov, 2006. (In Russ.)
3. Tatimov M. *Қазақ әлемі* [The Kazakh world] Almaty]. Atamyrta, 1993. (In Kazakh)
4. Alekseenko A.N. *Kazahstan: problemy immigracionnoj politiki* [Kazahstan: problems of immigration policy] // *Migraciya i diaspora v sociokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri: Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov*. [Migration and diaspora in socio-cultural, political and economic space of Siberia: Boundaries of XIX–XX and XX–XXI centuries]. Irkutsk. 2011. Pp. 567–591. (In Russ.)
5. *Kazahskaya diaspora i repatriaciya (1991–2012)* [Kazakh Diaspora and Repatriation (1991–2012)]: Monografiya / Baltabaeva K. N., Mamashev T. A., Ermekbaj ZH. A., Bajmagambetova A. ZH. Nauch. red. Mazhitov S.F. Almaty: Eltany, 2015. (In Russ.)
6. Ablazhej N.N. *Emigracionnye posledstviya kollektivizacii i goloda nachala 1930-h gg. na vostoке SSSR (emigraciya kazahov)* [The emigration consequences of collectivization and starvation began in the 1930s. in the east of the USSR (emigration of Kazakhs)] // *Adaptacionnye mekhanizmy i praktiki v tradicionnyh i transformiruyushchihsya obshchestvah: opyt osvoeniya Aziatskoj Rossii* [Adaptation mechanisms and practices in traditional and transforming societies: experience in the development of Asian Russia]: Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 17–18 noyabrya 2008 g.). Novosibirsk, 2008. Pp. 100–102. (In Russ.)
7. Sejdin N. B. *Kazahi za rubezhom kak ob'ekt nacional'noj politiki*. [Kazakhs abroad as an object of national policy]. Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2006. (In Russ.)
8. Sadovskaya E. YU. *Migraciya v Kazahstane na rubezhe XXI veka: osnovnye tendencii i perspektivy*. [Migration in Kazakhstan at the turn of the 21st century: main trends and prospects.]. Almaty: Fylym, 2001. (In Russ.)
9. Abdigalieva G. K., Kamaldinova A. A. *Social'no-politicheskoe polozhenie opalmanov v Kazahstane* [Socio-political position of oralman in Kazakhstan] // *Vestnik KazNU. Seriya kul'turologiya* [Bulletin of KazNU. Cultural studies series]. 2015. №1 (50). Pp. 131–138. (In Russ.)
10. Kinayatly Z. *Моңғолиядағы қазақтар* [Kazakhs in Mongolia]. Almaty: Ata-ZHyr, 2007. (In Kazakh)
11. Kalysh A., Kasymova D. *Puti integracii oralmanov v kazahstanskoe obshchestvo: Realii i vyzovy*. [Ways of integration of oralman in the Kazakh society: Reality and challenges]. Almaty: «Қазақ университети», 2013. (In Russ.)
12. Kalysh A., Kasymova D. *Pole i smysly sociokul'turnoj integracii etnicheskikh repatriantov*. [Fields and meanings of sociocultural integration of ethnic repatriates]. Almaty: «Қазақ университети», 2014. (In Russ.)
13. Sadyrova M. S., Amitov S. A. *Migracionnye processy v Kazahstane i social'naya adaptaciya oralmanov: sociologicheskij analiz* [Migration processes in Kazakhstan and social adaptation of oralman: sociological analysis]. Palmarium Fcademik Publishing. Almaty, 2014. (In Russ.)

14. Svanberg I. *Kazahskie bezhency v Turcii. Issledovanie po kul'turnomu vyzhivaniyu v usloviyah social'nyh peremen*. [Kazakh refugees in Turkey. Research on cultural survival in terms of social change]. Almaty: Sanat, 2005. (In Russ.)
15. Bargus H, Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990-2008 // *Asian Ethnicity*. 2010. №2 (11). Pp. 209–228. (In English)
16. Dave Bh. *Politics of Modern Central Asia: The changing geopolitical context*. USA: Routledge, 2010. (In English)
17. Fince P. Historical Nomelands and Transnational Ties: The Case of the Mongolian Kazaks // *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. 138, H. 2, Special Issue: Mobility and Identity in Central Asia, 2013. Pp. 175–193. (In English)
18. Fince P., Sancak M. Migration and Risk Taking A Case Study from Kazakhstan // *Migration and Economy. Global and Local Dynamics*. 2005. № 1. Pp. 174–194. (In English)
19. Kameron S. *Golodnaya step': Golod, nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazahstana*. [Hungry steppe: Hunger, violence and creation of Soviet Kazakhstan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russ.)
20. Baatar Ts. Present situation of Kazakh-Mongolian community // *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2002. №8-9. Pp. 90–98. (In English)
21. Sheffer G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*, Cambridge University Press, Cambridge, 2003. (In English)
22. Diener A. Negotiating Territorial Belonging: A Transnational Social Field Perspective on Mongolia's Kazakhs // *Geopolitics*. 2007. № 12(3). Pp. 459–487. (In English)
23. Tətimov M. *Қазақ халқының diasporасы туралы оялар* [Thoughts on the diaspora of the Kazakh people] // *Қазақ diasporасының ғылыми-зерттеу мәселелері*. [Research problems of the Kazakh diaspora]. Almaty: Fəlsafa in-ty, 1992. (In Kazakh)
24. *Koncepcii repatriacii etnicheskikh kazahov na istoricheskuyu rodinu. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 16 sentyabrya 1998 goda № 900* [On the concept of repatriation of ethnic Kazakhs to their historical homeland. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated September 16, 1998 No. 900]. (In Russ.)
25. *Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan. 2021 g. Demograficheskij buklet* [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. 2021. Demographic booklet]. Nur-Sultan, 2021. (In Russ.)

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Статья поступила в редакцию 25.07.2022;

Одобрена после рецензирования 22.08.2022;

Принята к публикации 22.09.2022.

Коневодство киргизов Тургайской области во второй половине XIX в.

Д. А. Мельникова

На протяжении многих веков коневодство являлось ведущей отраслью животноводства кочевых народов южных и азиатских регионов России. Лошадь играла важную роль в повседневной и хозяйственной жизни, являясь главным средством передвижения, источником мясомолочной продукции, волос и кожи; использование лошадей в извозном промысле давало возможность заработка кочевому населению. В процессе формирования азиатских территорий в составе Российской империи центральные ведомства проводили исследования основных отраслей хозяйства кочевников и предпринимали меры для их поддержания и улучшения.

В данной статье на основе комплекса разнообразных источников рассматриваются основные мероприятия Главного управления государственного коннозаводства с целью развития коневодства самого многочисленного народа Тургайской области – киргизов – во второй половине XIX в. Автор акцентирует внимание на особенностях осуществления основных мер коннозаводского ведомства с учетом специфики кочевого образа жизни киргизов. Выделяются основные формы поддержки коневодческого хозяйства киргизского населения.

Ключевые слова: Тургайская область, лошади, коневодство, кочевники, скотоводство, Главное управление государственного коннозаводства, киргизы.

Для цитирования: Мельникова Д. А. Коневодство киргизов Тургайской области во второй половине XIX в. // История повседневности. 2022. № 4. С. 65–81. DOI 10.35231/25422375_2022_4_65

Введение

В последней четверти XIX в. Российская империя занимала ведущие позиции среди стран Европы по количеству конского поголовья. Обширные территории, особенности климата позволяли разводить и содержать лошадей различными способами, среди которых особое место занимало табунное (степное) коневодство, существовавшее как в культурной форме, например, в Донской области и Калмыцкой степи Астраханской губернии [подробнее см.: 1; 2], так и в естественной, наиболее приближенной к условиям жизни диких лошадей. Последняя была характерна в первую очередь для кочевых народов Российской империи, проживавших в южных и азиатских регионах.

Одним из ярких примеров является Тургайская область, степной климат и растительность которой способствовали развитию кочевого скотоводства у самого многочисленного народа области – киргизов, разводивших овец, коз, верблюдов, лошадей, в меньшей степени крупный рогатый скот [3, с. 46–47]. Занятие коневодством (разведением лошадей) позволяло киргизам обеспечить себя не только средствами передвижения, но также молочными, мясными продуктами, кожей и конским волосом. Немецкий путешественник и зоолог А. Э. Брэм отмечал: «Лошадь для киргиза не только полезнейшее, благороднейшее и наиболее ценимое из домашних животных; в глазах своего обладателя она не только идеал домашних животных вообще, но и идеал безпредельной красоты, мерило, которым измеряется богатство и бедность» [4].

Несмотря на то, что коневодство в данной местности было «очень распространено», киргизы не имели «понятия о самых даже элементарных началах относительно ухода и сбережения лошади». Коневодческая отрасль была «предоставлена полностью произволу», «лошади круглый год проводили под открытым небом, довольствуясь подножным кормом» [5, л. 4–4 об.]. «Преждевременные случки в табунах без всякого подбора производителей и маток, равно лишение жеребят молока для приготовления кумыса» вели к постепенному вырождению местной киргизской породы [6, с. 21–22] и сокращению конского поголовья, что требовало проведения мероприятий со стороны государственных органов, в частности Главного управления государственного коннозаводства (далее – ГУГК, коннозаводское

ведомство) – ведомства, созданного в 1843 г. с целью контроля и развития коневодческой отрасли Российской империи.

До настоящего времени специальных исследований по развитию данной отрасли у киргизов Тургайской области и деятельности коннозаводского ведомства для ее улучшения не проводилось. Одним из первых, кто изучал не только коневодство, но и в целом хозяйственное устройство и скотоводство киргизов, был историк-этнограф и ветеринар Александр Иванович Добросмыслов, командированный в 1888 г. в Тургайскую область для проведения противочумных мероприятий, а с 1891 г. назначенный на должность заведующего ветеринарной частью в регионе [7, с. 236]. По результатам исследования местного скотоводства А. И. Добросмысловым был издан ряд трудов, в том числе о состоянии ветеринарного обеспечения [8] и проблемах скотоводства [9], основных формах применения лошадей в хозяйстве и местных проблемах коневодства [10].

В других работах данного периода коневодство киргизов рассматривалось в рамках отдельных исследований [11–14] и трудах по хозяйственному устройству Тургайской области [6], в географических и этнографических очерках [15–17; 3]. Авторы обращали внимание на состояние киргизского коневодства других регионов [18; 19], а также особенности и роль киргизской породы лошадей для экономики России во второй половине XIX – начале XX в. [20–23].

В советский период, несмотря на многочисленные исследования по истории Казахстана, территории которого охватывали Тургайскую область, коневодство киргизов рассматривалось вскользь или в большей степени затрагивало коневодческую отрасль киргизов других областей Казахстана и близлежащих регионов¹ [см., напр., 24]. Подобная ситуация наблюдается и в современной историографии. Рассматриваемой темы касаются в работах по социально-экономической истории Казахстана [25–27], публикациях, посвященных общей характеристике степного коневодства в Российской империи [28], и этнографических исследованиях [29, с. 106].

Цель исследования – рассмотреть основные мероприятия Главного управления государственного коннозаводства с це-

¹Акмолдоева Б. Б. Коневодство в системе традиционного хозяйства киргизов (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 23 с.

лью поддержания киргизского коневодства и стимулирования данной отрасли для потребностей России к концу XIX в.

Для достижения поставленной цели были использованы документы фонда Главного управления государственного коннозаводства Российского государственного исторического архива (РГИА) [5, 30–35], публицистические [6; 10; 11; 3] и делопроизводственные материалы [36; 37].

Результаты

Тургайская область находилась в самой северной части среднеазиатских владений Российской империи, на севере граничила с Оренбургской губернией, на западе с Уральской, на востоке с Акмолинской, а на юге с Сырдарьинской областями и Аральским морем.

Коневодческая отрасль Тургайской области более всего зависела от сложных природно-климатических условий окружающей среды, что оказывало прямое воздействие в целом на образ жизни киргизов. Северные уезды – Актюбинский и Николаевский – имели прекрасные пастбища и хорошие водопой, напротив в Иргизском и Тургайском уездах киргизская степь представляла собой «маловодные, безлесные, летом непомерно знойные, а зимою холодные пустыни, покрывающиеся крайне скудной растительностью и чередующиеся на своих громадных пространствах или с сыпучими песками, или с лишенными всякой растительности солончаковыми равнинами» [9, с. 87].

При перечисленных особенностях климата коневодство региона вынуждено переживало благоприятные (осень и весна) и неблагоприятные (лето и зима) для себя периоды в течение каждого года. В летнее время киргизы перекочевывали вместе с табунами с места на место по мере истощения кормов, а зимой лошади паслись на тебенёвке (зимняя пастьба) недалеко от зимовок.

Неустойчивый климат являлся одной из причин, приводящих к массовой потере скота, в том числе лошадей, из-за недостатка кормовых средств (в 1879–1880 гг. в Тургайской области по этим причинам погибло 313 790 голов лошадей, а в 1891–1892 гг. – 342 760 голов) [11, с. 6–7, 10]. Для предупреждения гибели в «особенно бедственные зимы, когда вследствие чрез-

мерных снегов или гололедицы тебеневки затруднительны и невозможны...», военный губернатор области еще в 1870 г. принял решение обустроить общественные запасы сена, что начали осуществлять с 1871 г., но дело «шло очень медленно и неаккуратно, и притом в разных волостях различно» [11, с. 7].

Главной причиной этого стало недоверчивое отношение к общественным запасам населения, «основанное на том, что вносящий в запас сено не мог надеяться, что, если оно и не будет его собственностью, то послужит ему ссудою в том количестве, какое он внес» [11, с. 7]. На практике при взносе сена не выдавалось никакого документа, каждый вносил столько, сколько мог, а «многие вовсе не вносили». При такой ситуации в 1885 г. военный губернатор отказался от общественных запасов сена и предоставил возможность заготавливать сено каждому кибитковладельцу самостоятельно.

Однако в 1893 г. к идее запасов вновь вернулись на основании правил, выработанных особой комиссией при областном правлении. С этой целью в 1894 г. для «выяснения практической постановки этого дела» ветеринарным врачам региона было предложено произвести расследование «о состоянии всех общественных сенных запасов».

К началу 1897 г. в общественных припасах числилось следующее количество пудов сена: Актюбинский уезд – 4 603 503, Кустанайский – 2 056 582, Тургайский – 844 006, Иргизский – 382 057, всего в области – 7 886 148 [11, с. 8]. В 1895–1896 гг. общественными запасами воспользовались только киргизы Кустанайского уезда, чему способствовали благоприятные погодные условия.

На состоянии коневодства сказывались не только суровые климатические условия и пассивное отношение киргизов к уходу за лошадьми. Неблагоприятным явлением степных территорий являлись волки, которые ежегодно истребляли тысячи голов лошадей. Только в 1896 г. от них погибло около 49 000 лошадей.

Не менее губительным для коневодства Тургайской области было конокрадство, которое «нередко сопровождалось даже убийствами и нанесением опасных повреждений, влекущих за собой смерть» [11, с. 8]. Правосудие киргизов в этом вопросе

сводилось к возмещению понесенного ущерба штрафом, который состоял в том, что конокрад, кроме украденного, уплачивал еще двойное количество лошадей, но не ниже ценности украденной лошади.

Если кража происходила в чужой волости, то виновный приговаривался лишь к возвращению половины украденного. В 1893 г. военным губернатором области было возбуждено ходатайство о распространении на регион закона, действующего в Астраханской губернии, в соответствии с которым конокрад высылался в Сибирь [11, с. 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что основными причинами массовой убыли киргизских лошадей являлись суровые климатические условия, волки и конокрадство. Кроме данных факторов, серьезные последствия для местного коневодства, как отмечалось ранее, имело халатное отношение владельцев к поголовью, вызванное недостатком знаний в вопросах содержания лошадей, что не только сокращало общее их количество, но и негативно влияло на породистые качества. В первую очередь это касается наиболее распространенной породы – киргизской лошади, для сохранения которой требовалось проведение специализированных мероприятий со стороны местного начальства и центральных органов, так как данная порода могла быть полезна не только местному населению, но и быть ценной для экономики Российской империи.

Впервые вопрос о необходимости улучшения киргизской породы в Тургайской области был поднят в 1872 г. в отчете военного губернатора Л. Ф. Баллюзека, который отмечал, что, «кроме скотоводства и земледельческого промысла, источником народного благосостояния в Тургайской области служил извозный промысел, занимающий громадное количество верблюдов, лошадей и киргиз хозяев этих животных ... все передвижения товаров, отправляемых из России в Туркестанский край и Среднеазиатские владения, а также и обратно, совершается путем караванов и подвод, доставляемых киргизами... крайне было бы полезно обратить внимание Государственного коннозаводства на средства к улучшению породы киргизских лошадей ... увеличив силы и крепость этих животных по перевозке тяжестей» [34, л. 2, 2 об.].

Киргизские лошади хоть и «представляли ... хорошую породу по выносливости тяжелых условий жизни этих животных в степи, где приходится впроголодь, при недостатке источников хорошей воды и при суровых климатических условиях делать постоянные передвижения на громадные пространства, но выносливость эта является почти единственными хорошим качеством киргизской лошади» [34, л. 2 об.].

В отчете военного губернатора предлагались следующие мероприятия, направленные на улучшение качеств и возможностей киргизских лошадей: «установление испытаний лошадей и верблюдов с призами для хозяев тех животных, которые останутся победителями по силе и крепости в перевозке тяжестей» и «содействие существующего в Оренбургской губернии конского разсадника к улучшению типа чистокровной киргизской лошади» путем передачи в пользование частным лицам или местным органам породистых жеребцов для получения приплода от местных кобыл [34, л. 3].

По итогам рассмотрения вышеизложенного совет Главного управления государственного коннозаводства подтвердил возможность проведения испытаний лошадей на территории Тургайской области с выдачей премий от коннозаводского ведомства, но признал невозможным отправление жеребцов Оренбургского государственного конского рассадника по причине дальнего расстояния и сложных природно-климатических условий, что не могло гарантировать ни благополучной доставки жеребцов, ни «самый успех случки» [34, л. 5, 5 об.].

На практике только киргизы Николаевского уезда «изъявили желание заняться улучшением лошадей собственно для извозного промысла чрез приобретение жеребцов башкирской породы из Оренбургского конского рассадника» с тем, чтобы жеребцы обладали необходимыми условиями для извоза [34, л. 13]. Киргизы остальных уездов не высказали желания к приобретению заводских жеребцов, так как они требовали затратного содержания, что было затруднительным при кочевом образе жизни.

Проведение выставок и испытаний предполагалось организовывать во время меновой торговли, которая, как правило, осуществлялась киргизами в Оренбурге (во второй половине августа) и в Троицке Оренбургской губернии (в сентябре)

(подробнее о проведении выставок и испытаний лошадей см.: [30; 31; 35]).

Также планировалось создавать временные комитеты на учреждаемых выставках в Оренбурге под председательством военного губернатора и в составе чиновника коннозаводского ведомства, илецкого уездного начальника или его старшего помощника и трех избранных по усмотрению губернатора киргизов, «более значительных коневодов», с тем чтобы иметь возможность наблюдать за состоянием отрасли в регионе.

В качестве премии коннозаводское ведомство планировало выделить 400 р. на оба пункта проведения испытаний и выставок (200 р. – в Оренбург и 200 р. – в Троицк) [34, л. 24]. С 1885 г. в пяти особых пунктах Оренбургской, Тургайской и Уральской областей регулярно проходили выставки киргизских и калмыцких лошадей [38, с. 1587].

Мероприятия при участии оренбургского рассадника начали осуществляться путем передачи шести жеребцов в безвозмездное пользование киргизам Илецкого и Николаевского уездов на следующих условиях: «отделить для выданного жеребца 15 лучших маток, которых не доить для кумыса, оставляя все молоко для приплода, в зимнее время жеребца этого содержать при зимовке в конюшне, на готовом корме; под верх или упряж не употреблять, не холостить, не продавать и уступать кому-либо для каких-бы то не было целей» [34, л. 58]. В случае, если какое-то из этих условий нарушалось, жеребца отбирали и взыскивали штраф в размере 100 р.

По итогам 1875 г. киргизам Тургайской области было уступлено 54 жеребца оренбургского рассадника (из них пало шесть, в том числе один в пути, пять – от болезней) и родилось 150 жеребят. В период с 1875 по 1880 гг. из оренбургского рассадника ежегодно выдавалось по шесть жеребцов коневодам Илецкого и Николаевского уездов [37, с. 67].

Несмотря на успешное проведения данного мероприятия на территории Тургайской области, не все киргизы соблюдали правила, установленные коннозаводским ведомством. Так в декабре 1876 г. Беклуха-мед-Худай в прошении на имя главноуправляющего государственным коннозаводством писал, что «... получил одного жеребца серой масти. Содер-

жал его по предписанными правилами около полутора года, но в декабре 1876 г. вынужден был поставить жеребца в конюшню своего соседа, так как собственная ... пришла в ветхость и требовала исправления и обновления, к чему тотчас и приступил. В последних числах того же месяца конюшня соседа ...была выломана ночью, и жеребец уведен неизвестно кем» [34, л. 110]. Несмотря на упорное непризнание владельцем своей вины, ему был назначен штраф в размере 100 р.

В 1884 г. по итогам командировки от коннозаводского ведомства П. М. Медведский отмечал, что «незначительное количество приплода, полученного в илецком и кустанайском уездах от жеребцов оренбургского рассадника, бесследно растворилось в массе киргизских лошадей, тем более что жеребцы эти достоинствами не отличались и были весьма посредственные, почему и ожидать от них какого-либо улучшения породы едва ли было возможно» [11, с. 25].

В 1883 г. граф И. И. Воронцов-Дашков уступил в безвозмездное пользование состоятельным киргизам-коннозаводчикам пять жеребцов текинской породы, которые были отправлены из рассадника до места назначения на счет киргизов, которым они были выданы. Несмотря на «даровую раздачу», киргизы неохотно забирали жеребцов, проходило полгода и более, пока они высылали своих людей для их приема. Условия, на которых выдавались жеребцы, также не соблюдались, что приводило к их гибели.

Таким образом, мероприятия государственного коннозаводства по уступке казенных жеребцов в частные руки не привело к ожидаемым результатам. Следующей мерой стало учреждение заводских случных конюшен в трех пунктах региона (подробнее о системе заводских случных конюшен см.: [39]). Изначально в 1885 г. в Оренбурге было создано нештатное отделение заводской конюшни в составе 30 жеребцов, а через год состоялось преобразование данного отделения в штатную заводскую конюшню со штатом в 50 жеребцов [33, л. 38]. В 1887 г. последовало открытие Тургайской заводской конюшни на 60 жеребцов в Илецком уезде, а в 1888 г. – Кустанайской на 50 жеребцов близ г. Кустаная [33, л. 38 об.].

Создание заводских конюшен также не было одобрительно принято киргизами-коннозаводчиками. В рапорте от 1895 г.

управляющий Тургайской заводской конюшней отмечал: «Прежде всего я был удивлен теми ложными взглядами на дело улучшения степной лошади, которые укоренились среди киргизов» [32, л. 1]. Первое, что породило возмущение со стороны киргизов – кобылы доставлялись в конюшни «даже помимо желания хозяина», таким образом, «порядок сбора принял характер повинности», и киргизы зачастую были убеждены, что «с отводом в конюшню она [лошадь] уже не будет составлять его собственности». Во избежание потерь некоторые киргизы ехали на местный базар, покупали «искалеченную матку за 6–7 рублей» и сдавали ее в конюшню, считая свой долг выполненным. Кроме того, киргизы не допускали казенных жеребцов в свои табуны, так как прошли слухи, «что если в табуне будет казенный жеребец, то жеребят от него будут отбирать в казну», а если жеребец падет или будет украден, то «надо платить за него 300 руб.» [32, л. 1 об.].

В феврале 1895 г. управляющий конюшни добился выделения средств в размере 1000 р. для покупки жеребят от казенных жеребцов в киргизских табунах, с тем чтобы войти в доверие и показать местному населению полезность и нужность деятельности заводской конюшни, но и эта мера не привела к хорошему результату, так как киргизы часто отказывались продавать жеребят, объясняя это тем, что «сами хотят видеть этих лошадей взрослыми» [32, л. 21]. Только очень немногие согласились продать жеребят по цене не менее 25 р. при том, что запланированная сумма на покупку одного жеребенка составляла 15 р.

В конце октября 1895 г. управляющий Тургайской заводской конюшни купил у урядника Оренбургского казачьего войска Чертыковцева 23 жеребенка, каждый из которых обошелся в 20 р. [32, л. 22 об.]. После этого киргизы с большим доверием стали относиться к продаже своих жеребят. К началу 1896 г. было куплено 76 жеребчиков и уплачено 1363 р. (часть приплода была куплена за 15 р.). Таким образом, материальная поддержка киргизов весьма благоприятно отразилась на их доверии к деятельности Тургайской конюшни в регионе, «заставив исчезнуть нежелательные среди киргизов сомнения...» [32, л. 25 об.].

Кроме недоверия к деятельности заводских конюшен со стороны местного населения, в первые же годы стало понятно, что общий штат конюшен в 160 жеребцов слишком мал для улуч-

шения массового киргизского коневодства. По этой причине бывший главноуправляющий коннозаводским ведомством И. И. Воронцов-Дашков «вошел с представлением в Государственный Совет об увеличении штата всех трех конюшен до 500 голов в каждой», указывая на то, что «только с доведением конюшен до указанного комплекта можно надеяться на образование в будущем в киргизских степях конского материала, пригодного для производства ремонтной кавалерийской лошади» [33, л. 39].

К концу XIX в. в России остро встал вопрос об источнике ремонта отечественной кавалерии, так как территории, пригодные для этой цели на протяжении многих веков, перестали удовлетворять нужды армии. Чиновники военного и коннозаводского ведомств озаботились поиском лошадей, наиболее подходящих для кавалерии. Их выбор остановился на киргизских лошадях, которые по своим сформированным за много веков качествам в большей степени соответствовали типу кавалерийской лошади. Мероприятия Главного управления государственного коннозаводства по созданию случайных конюшен были направлены не только на улучшение массового коневодства киргизов, но и с целью развития данной отрасли для дальнейших поставок в ремонт армии.

Проект графа И. И. Воронцова-Дашкова был поддержан в Государственном совете. Длившиеся на протяжении десяти лет преобразования конюшен не способствовали улучшению коневодства Тургайской области, что объяснялось несколькими причинами: «крайне нерациональными приемами киргизского коневодства», которые вели к вырождению лошадей, и «сильной устойчивостью киргизской породы», которая на тот момент существовала несколько веков и трудно поддавалась улучшению, чему также не способствовали жеребцы калмыцкой и донской пород, которыми комплектовались степные конюшни [33, л. 39 об.].

Члены Совета государственного коннозаводства после всестороннего обсуждения вопроса пришли к заключению, что «создать из киргизской лошади ремонтную вообще очень трудно, а достигнуть этого с помощью донских и калмыцких жеребцов почти невозможно», так как по своим качествам и постоянству породы киргизские лошади пересиливали

остальных [29, л. 40]. Совет ведомства признал необходимым улучшать киргизскую породу «в себе самой» и для этого укомплектовать степные конюшни только лучшими представителями киргизской породы [33, л. 40 об.].

Однако и в этом вопросе чиновники государственного коннозаводства встретились с трудностями: качественных породистых жеребцов киргизской породы было не так много, как хотелось бы. «С водворением в степях переселенцев из внутренних губерний киргизская лошадь почти повсеместно перемешалась с простопородною русскою лошадию» [33, л. 41].

Для решения проблемы Совет коннозаводского ведомства пришел к необходимости создать рассадник лошадей чистой киргизской породы. Предполагалось, что лошади рассадника будут круглый год находиться на подножном корме и воспитываться в суровой обстановке с применением методов киргизского коневодства, но исключая неблагоприятные условия: доение маток и раннее отлучение жеребят. В качестве поддержки планировалось организовать защиту от буранов и подкормку овсом и сеном в неблагоприятные периоды.

Рассадники планировалось учредить при Оренбургской и Кустанайской конюшнях с общим штатом 500 маток и 50 жеребцов (300 маток и 30 жеребцов – для Оренбургского рассадника и 200 маток и 20 жеребцов – для Кустанайского) [33, л. 42, 42 об.]. Первым шагом к созданию рассадников стало приобретение полного комплекта производителей на счет сметных ассигнований 1899 и 1900 гг. В 1899–1901 гг. было получено «уже значительное количество приплода». К 1902 г., кроме штатного комплекта жеребцов-производителей по 500 голов в каждой, также содержалось 1424 лошади, предназначенных на сформирование киргизских рассадников, а именно: 50 косячных жеребцов, 500 маток, 874 головы приплода.

Обеспечить продовольствием, уходом и помещением такое значительное число лошадей на средства, ассигнуемые по сметам на содержание степных заводских конюшен, не представлялось возможным, «в виду чего при составлении в 1900 г. сметы Главного управления на текущий 1901 г. в нее были занесены расходы на учреждение и содержание двух рассадников киргизских лошадей, в сумме 88 902 р.» [33, л. 43, 43 об.], оставив лишь 10 000 р. на наем добавочной конюшен-

ной прислуги для ухода за лошадьми рассадника. Но Государственный совет «признал необходимым отложить учреждение обоих рассадников до более благоприятного времени и исключил из сметы Главного Управления занесенные на их содержание кредиты...» [33, л. 43 об.].

Спустя год Государственный совет, несмотря на сложности, постановил учредить при Оренбургской и Кустанайской заводских конюшнях рассадники киргизских лошадей в составе 20 жеребцов и 200 маток при первой и 30 жеребцов и 300 маток при второй, и «на покрытие вызываемых ... расходов назначить к новому в 1902 г. отпуску из средств казны» 78 856 р. [33, л. 149]. Создание рассадников в первую очередь было направлено на «разведение в чистоте лошадей киргизской породы и снабжение производителями этой породы трех степных заводских конюшен» [36, с. 17], что в дальнейшем должно было способствовать увеличению поголовья киргизских лошадей в Тургайской области и соседних регионах.

Выводы

Рассмотрев основные направления деятельности Главного управления государственного коннозаводства в отношении коневодческой отрасли киргизов Тургайской области, можно сделать вывод о том, что основными мероприятиями ведомства являлись: выделение казенных жеребцов частным коннозаводчикам, создание и развитие заводских случных конюшен и формирование рассадников киргизских лошадей на базе Кустанайской и Оренбургской конюшен, что было направлено в первую очередь на улучшение киргизской лошади, которая, обладая особыми, выработанными в степных условиях качествами, была необходима как источник для обеспечения киргизского населения, так и для экономики России, особенно для ремонта армии.

В процессе проведения мероприятий коннозаводское ведомство столкнулось с непониманием со стороны местного населения, что было преодолено путем продуманных действий и поощрений, учитывавших особенности кочевого образа жизни киргизского населения Тургайской области. В целом необходимо отметить, что работа коннозаводского ведомства осуществлялась постепенно, но плодотворно.

Список литературы

1. Мельникова Д. А. Донское частное коннозаводство во второй половине XIX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2017. – С. 18–21.
2. Мельникова Д. А. Коневодство Калмыцкой степи Астраханской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнические меньшинства в истории России: материалы Второй междунар. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Шайдуров. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2021. – С. 186–193.
3. Хохлов И. С. Географический очерк Тургайской области. – Оренбург: Тип. А.Н. Гаврилова, 1909. 59 с.
4. Брем А. Э. Жизнь на севере и юге: от Северного полюса до экватора / перевод с немецкого Д.А. Коропчевского; под ред. и с примеч. Д.Н. Анучина. 3-е изд., репр. – М.: URSS, 2011. 324 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 412. Оп. 4. Д. 3178.
6. Алекторов А. Е. Тургайская область: естественные и производительные силы области, хозяйственная деятельность ее населения и народное образование: (Статистические очерки). Оренбург: Типо-лит. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1891. [2], II, [2], 98 с.
7. Дуйсебаева А. И. А. И. Добросмыслов – организатор ветеринарной службы Тургайской области (конец XIX века) // Астраханские Петровские чтения: материалы V Международной научной конференции, посвященной 75-летию Великой Победы / отв. ред. и сост. Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. – Астрахань: Астраханский государственный университет, – 2021. – С. 232–239.
8. Добросмыслов А. И. Ветеринарный надзор в Тургайской области. Оренбург: Типо-лит. П. Жаринова, 1897. 211 с.
9. Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тургайский областной статистический комитет, 1895. [2], VI, 360 с.
10. Добросмыслов А. И. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург: типо-лит. Б.А. Бреслина, 1894. [4], 62 с.
11. Левашов И. И. Современное состояние степного коневодства в Тургайской области. СПб.: Тип. СПб Градоначальства, 1899. 29 с.
12. Перелыгин М. Киргизы Тургайской области и их коневодство // Журнал коневодства. – 1892. – №1. – С. 1–25.
13. Скалов Б. А. Киргизское коневодство в северных уездах Тургайской области. М.: [б.и.], 1903. 24 с.
14. Хантинский И. А. Заметка о киргизской лошади северных уездов Тургайской области. Оренбург: Типо-лит. Б. Бреслина, 1893. 14 с.
15. Народы России. Киргизы: [этнографические очерки]. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1880. [2], 56 с.
16. Описание Уральской и Тургайской областей. Петроград: Тип. Содружество, 1916. 51 с.
17. Смирнов А. П. Быт и нравы киргизов. СПб.: Постоянная комиссия по устройству народных чтений, 1892. 27 с.
18. Белинский С. Киргизское коневодство в Семиреченской области. СПб.: Тип. Месника и Римана, 1886. 18 с.
19. Белинский С. Коневодство кочевников-киргизов в Акмолинской области. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1887. 14 с.
20. Дубенский Д. Киргизские табуны Илецкого и Николаевского уездов // Туркестанский сборник. – 1907. – Т. 434. – С. 10–13.
21. Заметка о киргизской лошади // Туркестанский сборник. – 1907. – Т. 425. – С. 8–13.
22. Киргизская лошадь // Туркестанский сборник. – 1907. – Т. 425. – С. 5–7.
23. Ремонтирование кавалерии киргизскими лошадьми // Туркестанский сборник. – 1907. – Т. 425. – С. 62–66.
24. Сулейманов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1963. 410, [1] с.

25. Дерюгина И. В. Экономическая история эволюции сельского хозяйства Казахстана на рубеже XIX–XX вв. // Вестник института востоковедения РАН. – 2020. – №1(11). – С. 240–254.

26. Фризен Д. Я. Аграрный вопрос в жизни Западно-Казахстанского общества в XIX – начале XX вв. // Самарский научный вестник. – 2016. – № 2(15). – С. 101–105.

27. Фризен Д. Я. Хозяйство казахов Уральской и Тургайской областей во второй половине XIX в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 7. – № 4(28). – С. 151–156. DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(4).151-156.

28. Соломатин М. П. Степное коневодство Царской России конца XIX века // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 8-2. – С. 66–74.

29. Кыргызы. Серия «Народы и культуры» / отв. ред. А. А. Асанков, О. И. Брусина, А. З. Жапаров. М.: Наука, 2016. 623 с.

30. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 1037.

31. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 1590.

32. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 2186.

33. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 3937.

34. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 594.

35. РГИА. Ф. 412. Оп. 4. Д. 839.

36. Отчет по Главному управлению государственного коннозаводства за 1903 г. СПб.: [б.и.], 1904. 115 с.

37. Отчет по командировке в 1884 году главного ветеринара-консультанта Главного управления государственного коннозаводства, магистра ветеринарных наук П. М. Медведского, старшего чиновника особых поручений того же Управления подполковника Фейхтнера и причисленного к Управлению магистра агрономии коллежского ассессора Костычева, с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней киргизской орды и астраханских калмыков. СПб.: Тип. Месника и Римана, 1885. 157 с.

38. Мельникова Д. А. Всероссийские выставки лошадей в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Былые годы. – 2019. – № 54(4). – С. 1584–1593. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1584

39. Мельникова Д. А. Земские и заводские случные конюшни Российской империи во второй четверти XIX – начале XX вв. // Клио. – 2018. – № 5(137). – С. 76–84.

Horse breeding of the Kyrgyz of Turgay region in the second half of the 19th century

Dar'ya A. Mel'nikova

For many centuries, horse breeding has been the leading branch of animal husbandry of the nomadic peoples of the Southern and Asian regions of Russia. The horse played an important role in everyday and economic life, being the main means of transportation, source of meat and dairy products, hair and leather. The use of horses in the transport industry made it possible for the local nomadic population to earn money when transporting passengers, cargo and goods. In the process of annexation and formation of Asian territories as part of the Russian Empire, the central departments conducted research on the main branches of the nomad economy and took measures to maintain and improve them.

In this article, based on a complex of diverse sources, the main activities

of the Main Department of State Horse Breeding for the development of horse breeding of the most numerous people of the Turgai region – the Kirghiz, in the second half of the 19 century are considered. The author focuses on the specifics of implementation of the main measures of the horse breeding department, taking into account the specifics of the nomadic lifestyle of the Kyrgyz. The main forms of support for the horse breeding economy of the Kyrgyz population are highlighted.

Key words: Turgay region, horses, horse breeding, nomads, cattle breeding, the Main Department of the state horse breeding, Kyrgyz.

For citation: Mel'nikova, D. A. (2022). Konevodstvo kirgizov Turgajskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX v. [Horse breeding of the Kyrgyz of Turgay region in the second half of the 19th century]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 65–81. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_65

References

1. Mel'nikova D. A. *Donskoe chastnoe konnozavodstvo vo vtoroj polovine XIX v.* [Don private horse breeding in the second half of the XIX century] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and provinces: the relationship of the center and regions in the history of Russia]; materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. V.V. Karpova. SPb.: Pushkin Leningrad State University. 2017. Pp. 18–21.
2. Mel'nikova D. A. *Konevodstvo Kalmyckoj stepi Astrahanskoj gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Horse breeding of the Kalmyk steppe of Astrakhan province (second half of the XIX – beginning of the XX century)] // *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii: materialy Vtoroj mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnic minorities in the history of Russia: materials of the Second International Scientific Conference] / otv. red. V.N. Shajdurov. SPb.: Pushkin Leningrad State University, 2021. Pp. 186–193.
3. Hohlov I. S. *Geograficheskij ocherk Turgajskoj oblasti* [Geographical sketch of the Turgay region]. Orenburg: Tip. A.N. Gavrilova, 1909.
4. Brem A. E. *Zhizn' na severe i yuge: ot Severnogo polyusa do ekvatora* [Life in the North and South: from the North Pole to the Equator] / perevod s nemetskogo D.A. Koropchevskogo; pod red. i s primech. D.N. Anuchina. 3-e Izd., repr. M.: URSS, 2011.
5. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive]. (RGIA). F. 412. Op. 4. D. 3178.
6. Alektorov A. E. *Turgajskaya oblast': estestvennye i proizvoditel'nye sily oblasti, hozjajstvennaya deyatel'nost' ee naseleniya i narodnoe obrazovanie: (Statisticheskie ocherki)* [Turgay region: natural and productive forces of the region, economic activity of its population and public education: (Statistical essays)]. Orenburg: Tipol.-lit. I.I. Evfimovskogo-Mirovickogo, 1891.
7. Dujsebaeva A. I. A. I. *Dobrosmyslov – organizator veterinarnoj sluzhby Turgajskoj oblasti (konec XIX veka)* [A. I. Dobrosmyslov – organizer of the veterinary service of the Turgai region (late XIX century)] // *Astrahanskije Petrovskie chteniya* [Astrakhan Petrovsky readings]: materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiju Velikoj Pobedy / otv. redaktyory i sost. E. G. Timofeeva, A. O. Tyurin. Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, 2021. Pp. 232–239.
8. Dobrosmyslov A.I. *Veterinarnyj nadzor v Turgajskoj oblasti* [Veterinary supervision in the Turgay region.]. Orenburg: tipol.-lit. P. Zharinova, 1897.
9. Dobrosmyslov A. I. *Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti* [Cattle breeding in the Turgay region.]. Orenburg: Turgajskij oblasťnoy statisticheskij komitet, 1895.
10. Dobrosmyslov A. I. *Konevodstvo i ego znachenie dlya kirgizskogo naseleniya Turgajskoj oblasti* [Horse breeding and its significance for the Kyrgyz population of Turgay region]. Orenburg: Tipol.-lit. B.A. Breslina, 1894.
11. Levashov I. I. *Sovremennoe sostoyanie stepnogo konevodstva v Turgajskoj oblasti.* [The current state of steppe horse breeding in the Turgai region] SPb.: Tip. SPb Gradonachal'stva, 1899.
12. Perelygin M. *Kirgizy Turgajskoj oblasti i ih konevodstvo* [Kyrgyz of Turgay region and their horse breeding] // *Zhurnal konevodstva* [Horse breeding magazine]. 1892. №1. Pp. 1–25.
13. Skalov B. A. *Kirgizskoe konevodstvo v severnykh uezdah Turgajskoj oblasti* [Kyrgyz horse breeding in the northern counties of Turgay region]. M.: [b.i.], 1903.
14. Hantinskij I. A. *Zametka o kirgizskoj loshadi severnykh uezdov Turgajskoj oblasti.* [A note about the Kyrgyz horse of the northern counties of the Turgay region]. Orenburg: Tipol.-lit. B. Breslina, 1893.
15. *Narody Rossii. Kirgizy:* [etnograficheskie ocherki] [The peoples of Russia. Kyrgyz: [ethnographic essays]. SPb.: Tip. t-va «Obschestvennaya pol'za», 1880.
16. *Opisanie Ural'skoj i Turgajskoj oblastej* [Description of the Ural and Turgay regions]. Petrograd: Tip. Soderuzhestvo, 1916.

17. Smirnov A.P. *Byt i nrvy kirgizov*. [The life and customs of the Kyrgyz]. SPb.: Postoyannaya komissiya po ustrojstvu narodnyh chtenij, 1892.
18. Belinskij S. *Kirgizskoe konevodstvo v Semirechenskoj oblasti* [Kyrgyz horse breeding in the Semirechensk region]. SPb.: Tip. Mesnika i Rimana, 1886.
19. Belinskij S. *Konevodstvo kochevnikov-kirgizov v Akmolinskoj oblasti* [Horse breeding of Kyrgyz nomads in Akmola region]. SPb.: Tipo-lit. Mesnika i Rimana, 1887.
20. Dubenskij D. *Kirgizskie tabuny Ileckogo i Nikolaevskogo uezdov* [Kyrgyz herds of Ilets and Mykolaiv counties] // *Turkestanskij sbornik* [Turkestan Collection]. 1907. T. 434. Pp. 10–13.
21. *Zametka o kirgizskoj loshadi* [A note about the Kyrgyz horse] // *Turkestanskij sbornik* [Turkestan Collection]. 1907. T. 425. Pp. 8–13.
22. *Kirgizskaya loshad'* [Kyrgyz horse] // *Turkestanskij sbornik* [Turkestan Collection]. 1907. T. 425. Pp. 5–7.
23. *Remontirovanie kavalerii kirgizskimi loshad'mi* [Repair of cavalry by Kyrgyz horses] // *Turkestanskij sbornik* [Turkestan Collection]. 1907. T. 425. Pp. 62–66.
24. Sulejmanov B. *Agrarnyj vopros v Kazahstane poslednej treti XIX – nachala XX v. (1867–1907 gg.)* [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX century (1867–1907)]. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk Kazahskoj SSR, 1963.
25. Deryugina I. V. *Ekonomicheskaya istoriya evolyucii sel'skogo hozjajstva Kazahstana na rubezhe XIX–XX vv.* [The economic history of the evolution of agriculture in Kazakhstan at the turn of the XIX–XX centuries.] // *Vestnik instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 1(11). Pp. 240–254.
26. Frizen D. YA. *Agrarnyj vopros v zhizni Zapadno-Kazahstanskogo obshchestva v XIX – nachale XX vv.* [The agrarian question in the life of West Kazakhstan society in the XIX – early XX centuries.] // *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2016. № 2(15). Pp. 101–105.
27. Frizen D. YA. *Hozjajstvo kazahov Ural'skoj i Turgajskoj oblastej v vtoroj polovine XIX v.* [The economy of the Kazakhs of the Ural and Turgai regions in the second half of the XIX century] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences]. 2020. T. 7. № 4(28). Pp. 151–156. DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(4).151-156.
28. Solomatin M. P. *Stepnoe konevodstvo Carskoj Rossii konca XIX veka* [Steppe horse breeding of Tsarist Russia at the end of the XIX century] // *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki* [Theoretical and applied aspects of modern science]. 2015. № 8–2. Pp. 66–74.
29. *Kyrgyzy. Seriya «Narody i kul'tury»* [Kyrgyz. The series "Peoples and Cultures"] / otv. red. A.A. Asankov, O.I. Brusina, A.Z. Zhaparov. M.: Nauka, 2016.
30. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 1037.
31. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 1590.
32. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 2186.
33. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 3937.
34. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 594.
35. RGIA. F. 412. Op. 4. D. 839.
36. *Otchet po Glavnomu upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva za 1903 g.* [Report on the Main Department of the State Horse Breeding for 1903]. SPb.: [b.i.], 1904.
37. *Otchet po komandirovke v 1884 godu glavnogo veterinara-konsul'tanta Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva, magistra veterinarnykh nauk P.M. Medvedskogo, starshego chinovnika osobyh porucheniya togo zhe Upravleniya podpolkovnika Fejhtnera i prichislennogo k Upravleniyu magistra agronomii kollezhskogo assessora Kostycheva, s cel'yu issledovaniya konevodstva kirgizov Turgajskoj i Ural'skoj oblastej, Vnutrennej kirgizskoj ordy i astrahanskikh kalmykov* [Report on a business trip in 1884 of the chief veterinarian-consultant of the Main Department of State Horse Breeding, Master of Veterinary Sciences P.M. Medvedsky, a senior official of special assignments of the same Department, Lieutenant Colonel Feichtner and the collegiate assessor Kostychev, who was assigned to the Department of the Master of Agronomy, with the aim of studying horse breeding of the Kyrgyz of the Turgai and Ural regions, the Inner Kyrgyz Horde and Astrakhan Kalmyks]. SPb.: Tip. Mesnika i Rimana, 1885. 157 p.
38. Mel'nikova D. A. *Vserossijskie vystavki loshadej v Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [All-Russian horse exhibitions in the Russian Empire (the second half of the XIX – early XX centuries)] // *Bylye gody* [Past years]. 2019. № 5(4). Pp. 1584–1593. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1584.
39. Mel'nikova D. A. *Zemskie i zavodskie sluchnye konyushni Rossijskoj imperii v vtoroj chetverti XIX – nachale XX vv.* [Zemstvo and factory stables of the Russian Empire in the second quarter of the XIX – early XX centuries] // *Klio*. 2018. № 5(137). Pp. 76–84.

*Статья поступила в редакцию 16.07.2022;
Одобрена после рецензирования 28.08.2022;
Принята к публикации 2.10.2022.*

Хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг. (на примере совхоза «Средняя Рогатка»)

В. А. Ломанов

В статье на основе делопроизводственных источников характеризуется хозяйственная деятельность немецкого совхоза «Средняя Рогатка» в 1920-е гг. Определяются факторы, повлиявшие на его функционирование и экономическое развитие. Проводится сравнение показателей его прибыльности и убыточности в течение исследуемого периода.

Совхоз «Средняя Рогатка» принадлежал к сети совхозов Ленинградского губернского сельскохозяйственного треста и специализировался на молочном скотоводстве и продаже молока в Ленинграде и окрестностях. Основу трудящегося персонала составляли постоянные рабочие с наличием значительной доли подённых.

На осуществление хозяйственной деятельности совхоза повлиял целый ряд факторов, нередко создававших существенные преграды для экономического развития, к которым относятся: природно-климатические условия, финансовые трудности, инфраструктурные проблемы, периодическое отчуждение земельных участков и повседневно-бытовые условия жизни рабочих. Несмотря на вышеперечисленные препятствия, обусловившими начально-убыточный характер хозяйственной деятельности, совхоз, благодаря государственной помощи и высоким уровнем приспособляемости немецких крестьян к динамично-изменяющимся экономическим условиям к концу 1920-х гг., смог значительно улучшить результаты своей деятельности, достичь, а потом увеличить прибыльность, став рентабельным сельскохозяйственным предприятием.

Ключевые слова: немцы Северо-Запада, хозяйственная деятельность, совхоз «Средняя Рогатка», Ленгубсельтрест, молочное скотоводство.

Для цитирования: Ломанов В. А. Хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг. (на примере совхоза «Средняя Рогатка») // История повседневности. 2022. № 4. С. 82–98. DOI 10.35231/25422375_2022_4_82

Введение

Немецкое национальное меньшинство на протяжении своего проживания в пределах Северо-Запада России постепенно интегрировалось в его экономическую и социокультурную жизнь и стало значительной частью хозяйственного механизма региона. Изменения, порождённые революцией 1917 г., поставили данную этно-дисперсную группу в совершенно непривычные условия существования. В первую очередь был нанесён удар по традиционно-индивидуалистическим формам организации экономической деятельности немецких крестьян, объектом стремления которых являлось крупное, единоличное хозяйство хуторского типа, и традиционным способам регулирования земельно-имущественных отношений, базировавшимся на нормах майоратного права.

Проводимая большевиками экономическая политика существенно сказалась на эффективности немецких хозяйств, способствовала росту малоземельных крестьян, не способных обеспечивать себя самостоятельно, тем самым толкая их к поиску других источников заработка, одними из которых становились организованные на базе бывших помещичьих имений совхозы, где они могли рассчитывать не только на относительно стабильный доход, но и на социальную поддержку со стороны государства в виде социального страхования.

В центре внимания данной статьи находится хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг., а в качестве примера выступает совхоз «Средняя Рогатка». Для достижения цели исследования характеризуется хозяйственное развитие совхоза, сравнивается его убыточность и прибыльность в рассматриваемый период, выявляются факторы, влиявшие на его экономическое развитие. Для детального изучения проблемы были использованы делопроизводственные документы из Центрального архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), в первую очередь отчёты о деятельности, протоколы заседаний рабочих и служащих совхоза, акты обследования хозяйства государственными органами, делопроизводственная переписка с вышестоящими учреждениями и организационные планы совхоза на операционные года. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Проблематика экономического развития немецкого национального меньшинства Северо-Запада в 1920-е гг. получала освещение в отечественной историографии и представлена рядом научных трудов, среди которых особого внимания заслуживают работы Т. А. Шрадер, Н. С. Федорук, С. В. Андрияшина [1–6]. Более подробно историографический аспект изучения хозяйственного развития немцев региона и особенностей решения аграрного вопроса рассмотрены нами в отдельных исследованиях [7; 8]. Вопросы социально-экономического развития немцев в других регионах стали предметом изучения А. Г. Новожилова, В. К. Клеца, С. М. Зейналовой, В. И. Шабельникова и В. Н. Шайдурова [9–13].

Данные статьи предоставляют нам широкий спектр информации об экономической и повседневной жизни немецких колоний, особенностях регулирования земельно-имущественных отношений, функционировании индивидуальных и коллективных хозяйств. Однако вне поля зрения исследователей до сих пор остаются немецкие сельскохозяйственные предприятия Северо-Запада, создававшиеся государством и функционировавшие под его контролем, а также факторы, влиявшие на осуществление их деятельности. Имеющиеся белые пятна историографии открывают простор для всестороннего и досконального изучения тех организаций, где подавляющее большинство членов составляли немцы.

Главным методологическим стержнем исследования является модернизационный подход, в основе которого лежит теория о трансформации социально-экономической, общественно-политической и культурной сфер жизни людей при переходе от общества аграрного к о индустриальному, стартовавшей с началом эпохи Великих реформ второй половины XIX в., остановленной в период Первой мировой войны и продолженной после установления советской власти в 1920–1930-е гг.

Результаты

Совхозы на Северо-Западе России начали организовываться на базе бывших помещичьих имений ещё во время Гражданской войны и представляли из себя сельскохозяйственные государственные предприятия, базировавшиеся на использовании наёмного труда. Постоянные рабочие совхозов могли

рассчитывать не только на стабильную и фиксированную заработную плату, но и на социальное страхование и другие социальные услуги, предоставляемые государством.

В 1922 г. в рамках проведения новой экономической политики совхозы Северо-Запада снимались с государственного снабжения и переходили на хозрасчёт. Управление совхозами менялось с централизованного на децентрализованное посредством объединения в сельскохозяйственные тресты [14, с. 12].

Совхоз «Средняя Рогатка» находился в Пулковской волости Троицкого уезда [15, л. 49], в 12 верстах от Ленинграда, к югу от Среднерогатской колонии [16, л. 18]. В 1925 г. он был включён в состав Ленинградского губернского сельскохозяйственного треста (далее – Ленгубсельтрест), объединявшего совхозы Северо-Запада РСФСР в единую хозяйственно-экономическую сеть [16, л. 17]. В пользовании совхоза находилось 765 дес. земли: пашенной – 152 дес., луговой – 300 дес., огородной – 1 дес., усадьба и парк – 10 дес., неудобные земли – 302 дес. [17, л. 2].

В природно-географическом плане территория вблизи Ленинграда находилась в зоне «рискованного» земледелия и характеризовалась сильной заболоченностью почв, а также влажным, холодным климатом большую часть года, что делало крайне неэффективным выращивание зерновых культур [18, л. 1]. Данные обстоятельства обусловили специализацию совхоза на молочном скотоводстве [19, л. 20].

Сравнительно небольшая обеспеченность естественными сенокосами привела к подчинению других отраслей хозяйственной деятельности совхоза нуждам молочного скотоводства. В области полеводства и луговодства развивалось выращивание различных трав, овса и картофеля. Указанные культуры давали в данной местности наиболее высокие урожаи и отлично подходили для производства кормов для крупного рогатого скота [19, л. 20].

Согласно отчёту совхоза за 1925 г., в его пользовании находилось 19 голов рабочего скота (лошадей) [20, л. 6], число которых к 1926 г. увеличилось до 23 [15, л. 118], и 113 голов крупного рогатого скота, из которых быков – три, коров – 91, нетелей – 10, тёлочек – девять [20, л. 6], причём количество голов периодически менялось за счёт продажи [15, л. 30–31] и покупки скота,

а также выбывания из хозяйства некоторого его числа, в основном по причине выбраковки [15, л. 117] или заболеваний [15, л. 29]. Приобретение коров шло не только за счёт их покупки, но и передачи из других совхозов [15, л. 7].

Основным видом продукции, производимой предприятием, являлось молоко, продажа которого осуществлялась в Ленинграде и окрестностях, причём ленинградским рабочим совхоз отпускал молоко ниже рыночной цены [15, л. 118]. Доставка продукции производилась, как правило, при помощи повозок, запряжённых лошадьми [15, л. 56]. Одними из направлений деятельности совхоза, приносящими доход, являлись продажа семенного материала [15, л. 90] и поставка зерна и сена в государственные и хозяйственные учреждения [15, л. 9; 16, л. 47].

Штат рабочих совхоза делился на несколько групп: администрация – управляющий, бухгалтер, счетовод и две старосты; работники скотного двора – доярки, скотоводы, пастухи и молоковозы; технические рабочие – конюхи, слесари, кузнецы, плотники; полевые рабочие [17, л. 20].

На протяжении 1925–1926 гг. количество рабочих претерпело изменения. Так, в течение указанного отрезка времени число полевых рабочих сократилось с 12 до 10 чел., число технических рабочих – на 1 чел. (тракториста), число работников скотного двора упало с 18 до 15 чел. (за счёт сокращения двух скотоводов и одного сторожа). При этом количество доярок осталось неизменным – 10 чел. (в расчёте, что на 10 коров приходится одна доярка). Число административных служащих также не подвергалось изменениям и составляло 5 чел. Таким образом, состав постоянных рабочих совхоза за данный период сократился с 41 до 36 чел. [15, л. 119 об.]. Учитывая молочно-скотоводческую ориентацию хозяйства, уменьшение числа полевых и технических рабочих при практически неизменном количестве доярок выглядит весьма логичным.

В совхозе существовало несколько категорий наёмных рабочих: постоянные (трудожившие на постоянной основе), подённые (нанимавшиеся на работу по мере необходимости с оплатой за каждый отработанный день), сдельщики (получавшие оплату в зависимости от количества произведённой продукции). Отдельно оплачивался труд сверхурочников. Жа-

лование между ними с 1 января 1926 г. распределялось следующим образом: на постоянных рабочих приходилось 10 828 р. или 64 %; подённых – 4160 р. или 25 %; сдельщиков – 1605 р. или 9 %; сверхурочники получали 353 р. или 2 % [15, л. 119].

Из приведённых данных видно, что основу рабочей силы совхоза составляли постоянные рабочие с наличием значительной доли подённых, причём распространение сдельной формы организации рабочего процесса в совхозе было незначительно. Привлечение подённых рабочих являлось общей тенденцией для большинства совхозов Северо-Запада. Их труд оплачивался ниже, чем постоянных, и на них не распространялось социальное страхование, что было выгодно в целях уменьшения затрат на рабочую силу и её социальное обеспечение [14, с. 14]. В данном контексте минимальное сокращение постоянных рабочих совхоза «Средняя Рогатка» в 1926 г. выглядит закономерным.

Уменьшение числа постоянных рабочих в совхозе при одновременном увеличении количества подённых могло быть связано не только с сравнительно низкими тратами на оплату их труда, но и сокращением поголовья крупного рогатого скота. Так, согласно организационному плану на 1927 г., наблюдалось сокращение количества коров с 91 до 75 и уменьшение числа доярок с 10 до 8 [19, л. 2]. Выбывших двух постоянных доярок вполне могли заменить подённые [15, л. 119 об.].

Земельные участки, которые совхоз в силу разного рода обстоятельств не мог самостоятельно обработать, сдавались им в аренду [15, л. 80] или на обработку местному сельскому населению, в основном из среднерогатской колонии. Подобным образом совхоз мог получить дополнительные денежные средства и вырастить необходимый урожай, используя труд местных крестьян, восполняя нехватку собственных рабочих рук. За обработку земли крестьяне получали определённую сумму, которая далеко не всегда их устраивала, что вызывало среди населения недовольство и недоверие в отношении совхоза [15, л. 4].

Хозяйственная деятельность предприятия на протяжении 1920-х гг. не всегда была рентабельной. Так, показатели по молочному скотоводству за 1924–1925 гг. выглядели следующим образом: общий доход – 29 454 р.; общий расход – 19 961 р. Если

прибавить к общим расходам накладные, которые составляли 9 298 р., станет ясно, что в данной отрасли хозяйства совхоз был незначительно, но убыточен. Сумма общих и накладных расходов вместе составила 29 459 р. [20, л. 23].

Причины слабой рентабельности молочного скотоводства могут быть связаны с несовершенством кормовой базы, низким качеством самих коров и недостаточным уходом за ними в середине 1920-х гг. [15]. Значительный убыток наблюдался в области производства овощей. Доход с них за 1924–1925 гг. составил 742 р., при общих расходах на удобрения, рабочую силу и накладных в 1124 р. [20, л. 28].

Прибыльным направлением в деятельности совхоза на данный момент являлись полеводство и луговоеводство. Так, общий доход по данным сферам за 1924–1925 гг. составлял 26 049 р., при общем расходе в 22 798 р. [20, л. 24–26].

В целом период с 1924 по 1925 гг. для совхоза нельзя назвать прибыльным. За данное время общий доход совхоза составлял 56 245 р., а общий расход – 53 381 р. [20]. Прибавив к общим расходам непроизводственные статьи – отчисления в пользу Ленгубсельтреста, сельхозналог, ремонт построек и инвентаря, агрокультурные мероприятия, командировки, социальное обслуживание рабочих, затраты на канцелярские товары, а также разного рода сборы и повинности в общей сумме 18 085 р. – станет видно, что совхоз понёс убыток в 15 221 р. [20, л. 30–31]. В 1926 г. затраты также превышали выручку, правда теперь почти в два раза ниже – в 8186 р. [15, л. 121].

Но уже со следующего года показатели прибыльности совхоза значительно возросли. В 1927 г. хозяйство получило прибыль на сумму 18 000 р. [21, л. 24 об.] На 1929 г. общий доход совхоза составлял 150 609 р., при общем расходе в 90 623 р. По сравнению с 1925 г. доходность по производству молока и молочному скотоводству увеличились более чем в три раза и составила 99 520 р., по полеводству и луговоеводству – более чем в два раза, достигнув 51 089 р. Расходная часть бюджета в 1929 г. выглядела следующим образом: семенной материал – 3920 р.; удобрения – 2000 р.; корма и подстилка – 49 615 р.; рабочая сила – 35 088 р. [22, л. 77–78].

Рост экономического благосостояния совхоза отчасти можно объяснить прямой и косвенной помощью, исходившей

от Ленгубсельтреста, не раз оказывавшего совхозу материальную поддержку в форме предоставления на возмездной основе денежных средств, снабжения кормами и инвентарём [23, л. 19], погашения взносов по социальному страхованию, предоставления ходатайств в финансовые учреждения о снятии задолженностей [16, л. 184] и принятия обязательств на своевременное погашение совхозных кредитов, что обеспечивало планомерный сбыт продукции, а также гарантировало совхозу достаточное количество семенного и фуражного материала [16, л. 17–17 об.].

Рентабельность совхоза после включения в сеть Ленгубсельтреста (с 1927 г. – Ленгоссельтреста) начала постепенно расти [20; 22], но, как указывалось выше, материальная помощь далеко не всегда была безвозмездной. К 1929 г. у предприятия перед данным сельскохозяйственным объединением имелась значительная задолженность [23, л. 19], впоследствии погашенная самим Ленгоссельтрестом после передачи совхоза «Средняя Рогатка» в ведение ЛСПО (Ленинградского союза потребительских обществ) [23, л. 47–48].

Экономическое функционирование совхоза на протяжении 1920-х гг. характеризовалось рядом особенностей: природно-климатических, инфраструктурных, технических, финансовых, землеустроительных, санитарных и повседневно-бытовых. Некоторые из них создавали значительные помехи его хозяйственному развитию.

К первым из них можно отнести уже упоминавшиеся природно-климатические условия, ставившими разного рода препятствия на пути осуществления хозяйственной деятельности. Особенно остро они сказывались в весенний период, когда урожай страдал от частых заморозков и затоплений. Так, в акте обследования совхоза за 1925–1926 гг. указывалось, что засев овса из-за большого разлива воды произведён с опозданием на две недели. В результате высевалось лишь 14 пуд. с десятины [15, л. 116]. Заболоченность почв требовала выделять значительное количество денежных средств и рабочей силы на мероприятия по их осушению и восстановлению мелиоративной системы [18, л. 1; 21, л. 25].

К инфраструктурным особенностям можно отнести острую нехватку и неудовлетворительное состояние построек, нахо-

дившихся в пользовании совхоза, как для проживания рабочих, так и для размещения скота, техники и инвентаря. Согласно акту от 7 февраля 1925 г. в его пользовании находилось 43 постройки и все они в разной степени нуждались в ремонте [16, л. 110–111]. Дефицит построек мог сказываться на продуктивности ведения хозяйства. В 1926 г. предприятие было вынуждено избавиться от 11 забракованных коров без приобретения новых в связи с отсутствием помещений для их содержания [15, л. 117]. К 1928 г. совхоз был обеспечен коровниками лишь на 50 % [21, л. 25 об.].

Существенной проблемой, влиявшей на экономическую деятельность совхоза и способствовавшей его убыточности, являлись заболевания крупного рогатого скота туберкулёзом [15, л. 29] и ящуром [21, л. 16], причины которых крылись в основном в болотистой местности [18, л. 1], неудовлетворительном состоянии помещений, где содержался скот, а также низком качестве ухода за ним [15]. За период с 1926 по 1927 гг. вследствие заболеваний совхоз лишился нескольких коров, что негативно сказывалось на ведении хозяйства [15; 19].

В совхозе имелись проблемы технического характера. В его распоряжении имелось восемь тракторов [16, л. 116 об.] и некоторое количество электролебёдок, электроплугов и другого электрооборудования, в хозяйстве не применявшихся. Из отчёта обследования сельскохозяйственной техники, проведённого студентами Политехнического института, было выявлено, что все трактора совхоза имели неисправности [16, л. 64]. В заявлении в Ленгубсельтрест заведующий совхозом Белков указывал, что «...электролебёдки и старые тракторы хозяйством не используются, первые, потому что не усовершенствованы, а вторые представляют из себя лом. Указанное имущество разбросано по хозяйству и уже третий год стоит и часть его ржавеет под открытым небом» [15, л. 23–23 об.].

Совхоз предпринимал неоднократные попытки избавиться от старой, неисправной техники путём прошений о ее продаже [15, л. 23–23 об.]. Данное имущество он имел право продать только с разрешения Ленгубсельтреста, которому оно официально принадлежало [24, л. 18–19]. С помощью полученных с продажи денежных средств совхоз планировал поправить своё финансовое состояние и восполнить нехватку оборотно-

го капитала [15, л. 23–23 об.]. Ведь вместо сельскохозяйственной техники рабочие совхоза в подавляющем большинстве сельскохозяйственных работ использовали рабочий скот.

Можно предположить, что заболоченность местности в совокупности с молочно-скотоводческой направленностью делали затраты на ремонт неисправной техники неэффективным и невыгодным [15, л. 23–23 об.]. Получаемый урожай являлся по объёму незначительным и шёл преимущественно на корм скоту [20]. В данном контексте рабочие совхоза вполне могли себе позволить ограничиться использованием лошадей.

В силу первоначальной убыточности предприятия его финансовое положение на протяжении 1920-х гг. не было удовлетворительным [16, л. 184]. Существовали проблемы, связанные с нехваткой оборотного капитала [15, л. 23–23 об.] и большими накладными расходами на непроекционные статьи [20]. Значительной проблемой, повлиявшей на мотивацию рабочих, являлись задолженности по зарплате [16, л. 90], ставшие предметом судебных разбирательств между совхозом и Ленгубсельтрестом, из которых первый вышел победителем [16, л. 73].

Приобретение рабочего и крупного рогатого скота и необходимость ремонта имевшихся и постройки новых помещений порождали финансовые трудности и стремление сократить расходы или удешевить покупки. Так, на заседании рабочих и служащих совхоза в 1928 г. один из присутствующих на собрании тов. Рауд в прениях отметил: «... очень дорого стоит совхозу строительный материал. Дорого обходятся совхозу закупки, как коров, так и лошадей. Необходимо иметь делянку леса, а коров и лошадей закупать непосредственно в губерниях, где процветает продажа скота крестьянами» [21, л. 26].

В области землеустройства у совхоза также наблюдались проблемы. Трудности осуществления его хозяйственной деятельности вызывали периодические отторжения земельных участков местными крестьянами, в основном жителями среднерогатской колонии. Так, в апреле 1925 г. от предприятия была отделена земля для малоземельных крестьян в количестве 230 дес., подавляющее большинство которых составляли участки, предназначенные для выгона скота [16, л. 61]. Пере-

дела земли делали невозможным краткосрочное экономическое планирование и затрудняли грамотное распределение доходов и расходов на ближайшее время [15, л. 23].

Отделением земель от совхоза озаботился Ленгубсельтрест. 30 октября 1925 г. на заседании землеустроительного совещания он потребовал компенсации от крестьян из среднерогатской колонии за отчуждаемую землю в связи с наличием на ней посевов клевера, необходимого для кормления скота. В итоге спорные территории передали в пользование крестьян, а Ленгубсельтресту выделили компенсацию [16, л. 183].

Санитарное состояние объектов совхоза также вызывало определенные нарекания. Пробы воды, взятые из прудов, находившихся на его территории в 1925 г., показали несоответствие санитарным нормам и непригодность к употреблению без предварительной фильтрации [15, л. 90]. Вода из прудов использовалась в том числе для мойки молочной посуды, что могло грозить потребителям молока разного рода инфекционными заболеваниями.

В середине 1920-х гг. лица, употреблявшие продукцию совхоза, обращались в Ленгубсельтрест, жалуясь на неудовлетворительное качество молока – его сильное загрязнение. Отмечалось, что «...были случаи нахождения в молоке даже пауков». В связи с этим Ленгубсельтрест объявил совхозу выговор, дал рекомендации по установке фильтров для воды и молока и предложил принять энергичные меры «к устранению безобразий в молочном деле» [15, л. 98].

Серьезный дефицит и неудовлетворительное состояние жилых построек в совокупности с природно-климатическими условиями осложняли трудовую и бытовую жизнь постоянных рабочих предприятия. Здания общежитий, где они размещались, находились в ветхом состоянии и требовали капитального ремонта, а плотность проживающих на 1 м² не соответствовала официально-установленным нормам [15, л. 35–36]. Согласно акту обследования совхоза за 1925–1926 гг., «жилая площадь представленная в 5-ти домах не удовлетворяет жилищным условиям. На 3 кв. саж. приходится 14 человек. Некоторые постройки настолько ветхи, что вряд ли могут быть отремонтированы и подлежат сносу» [15, л. 190 об.].

Администрация совхоза осознавала сложившуюся ситуацию и не раз направляла прошения о предоставлении построек в Ленгубсельтрест. В одном из них отмечалось: «Нехватка жилых построек. Рабочие совхоза живут в крайне скудных условиях. Просьба о предоставлении построек, иначе год будет не таким успешным» [15, л. 23]. К 1928 г. решение жилищного вопроса начало сдвигаться с мёртвой точки, но в целом он решён не был [21, л. 25–25 об.].

Климатические условия, а также состояние жилищных построек (в некоторых из них не было двойных оконных рам и застекления) [15, л. 190 об.] способствовали высокой заболеваемости рабочих, что не могло не отражаться на продуктивности ведения хозяйства. На содержание или лечение заболевших работников совхоз тратил значительные средства, только в 1925 г. составившие 3273 р. [20, л. 30–31]. Выбывание из трудового процесса постоянных рабочих в совокупности с затратами на них по социальному страхованию приводило к некоторому сокращению их числа и увеличению доли подённых рабочих, чей труд обходился дешевле и не требовал социальных выплат на случай болезни [15, л. 120 об.; 19, л. 2].

Многие аспекты осуществления хозяйственно-экономической деятельности совхоза «Средняя Рогатка» на протяжении 1920-х гг. не являлись специфическими и были типичными для большинства советских и коллективных хозяйств Северо-Запада РСФСР. К ним можно отнести специализацию на разведении крупного рогатого скота и производстве молока и молочной продукции, свойственную в силу природно-климатических условий основной части советских и коллективных хозяйств региона [14, с. 16].

Задолженности по зарплатам работникам, начально убыточный характер совхоза с последующим повышением его рентабельности в течение 1920-х гг. являются общей тенденцией, характерной большинству аналогичных хозяйств северо-западного района. Рост прибыльности совхозов предположительно связан с совершенствованием организации рабочего процесса, помощью со стороны государства и повышением уровня доверия к совхозам со стороны крестьян в связи с их более ускоренным экономическим восстановлением по сравнению с индивидуальными хозяйствами, а также сель-

скохозяйственной и ремесленной помощью, которую совхозы оказывали крестьянам [14, с. 15].

Выводы

Таким образом, хозяйственная деятельность совхоза «Средняя Рогатка» в течение 1920-х гг. характеризуется специализацией на молочном скотоводстве. Другие отрасли хозяйствования находились в подчинении у основной и служили источником производства кормовой базы для крупного рогатого и рабочего скота. Основу трудящегося персонала совхоза составляли постоянные рабочие с наличием значительной части подённых. В хозяйстве совхоза практически не использовалась сельскохозяйственная техника в силу её неисправности. Необходимые сельскохозяйственные работы и поставки молока производились посредством использования конной тяги.

На экономическое развитие совхоза оказали влияние несколько факторов. Главными из них были природно-географические, финансовые, инфраструктурные, землеустроительные и повседневно-бытовые. Заболоченность местности и холодный климат не только предопределили специализацию предприятия, но и породили ряд существенных трудностей: потерю урожая вследствие весенних разливов воды и заморозков, потерю скота по причине заболеваний, а также значительные затраты на осушение почв и лечение рабочих.

Нехватка и аварийное состояние помещений вынуждали совхоз тратить значительное количество денежных средств на их ремонт и постройку новых зданий, продавать скот или ограничивать его приобретение, влияли на качество молочной продукции и становились причиной тяжёлых бытовых условий для рабочих, что не способствовало повышению их мотивации к активной трудовой деятельности.

Отчуждение земельных участков и болезнь скота осложняли краткосрочное хозяйственное планирование. Вышеизложенные проблемы становились причиной начальной убыточности совхоза и порождали трудности финансового характера, нехватку оборотного капитала и задолженности по зарплате, вынуждавших предприятие искать материальной помощи у Ленгубсельтреста.

Несмотря на вышеперечисленное совхоз в течение исследуемого периода смог наладить процесс ведения хозяйства и значительно повысить рентабельность, что может объясняться поддержкой со стороны государства, а также высоким уровнем приспособляемости немецких крестьян к динамично изменяющимся экономическим и повседневным условиям.

Список литературы

1. Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петровградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. Москва, 17–20 сентября 1998 г. – М.: Готика, 1999. – С. 156–173.
2. Федорук Н. С. «Полезный пример...» образование и развитие немецких колоний под Новгородом в XIX – первой половине XX вв. // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2015. – № 1. – С. 67–77.
3. Федорук Н. С. Повседневная жизнь немецких колонистов Новгородской губернии в 1920-е гг.: регулирование семейно-имущественных отношений // Новгородика, 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность: материалы VI Международной научной конференции: в 2 т. – Новгород, 2018. – С. 168–173.
4. Федорук Н. С. Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX – первой половине XX вв. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов / сост.: Н. В. Салоников (отв. сост.), Н. С. Федорук и др.; науч. ред. И. В. Черказянова. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 10–39.
5. Федорук Н. С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821–1941 гг. // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. документов / сост.: Н. В. Салоников (отв. сост.), Н. С. Федорук и др.; науч. ред. И. В. Черказянова. – СПб.: Нестор-История, 2019. – С. 9–73.
6. Андриайнен С. В. Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: материалы I Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 9–14.
7. Шайдуров В. Н., Ломанов В. А. Немцы Северо-Запада (1918–1939 гг.): историографический аспект // Вопросы истории. – 2022. – № 4(1). – С. 207–222. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi05
8. Ломанов В. А. Особенности решения земельного вопроса в немецкой деревне Северо-Запада России в начале 1920-х гг. // Клио. – 2022. – № 04(184). – С. 121–130. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_04_121
9. Новожилов А. Г. Реализация национальной политики в период коллективизации на Северо-Западе РСФСР // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы развития России: сборник научных трудов. – Омск: Издательский дом «Наука», 2016. – С. 67–69.
10. Клец В. К. Социально-экономическое положение немецких колоний Приднепровья в предвоенные годы // Образование, жизнь и судьба немецких поселений России: материалы 15-й междунар. науч. конф., посвящённой 250-летию г. Марка и 20-летию Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – Днепропетровск: РусДойч Медиа, 2016. – С. 230–246.
11. Зейналова С. М. Влияние советских социально-экономических процессов на жизнь немецких поселений Азербайджана (1920–1941 гг.) // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2015. – № 1. – С. 156–165.

12. Шабельников В. И. Хозяйственная деятельность немецких и греческих национальных меньшинств Донбасса в условиях административных преобразований и коллективизации сельского хозяйства (вторая пол. 20-х – первая пол. 30-х гг. XX в.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – №1(64). – С. 126–133.

13. Шайдуров В. Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. // Журнал фронтальных исследований. – 2021. – Т. 6. – №4. (24). – С. 155–178. DOI 10.46539/jfs.v6i4.339

14. Филимонов А.В. Совхозы и развитие крестьянского хозяйства Северо-Запада России в 1920-е гг. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – № 15. – С. 11–23.

15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 1969. Оп. 7. Д. 366.

16. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 7. Д. 194.

17. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 3. Д. 275.

18. ЦГА СПб. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 3568.

19. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 9. Д. 77.

20. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 9. Д. 15.

21. ЦГА СПб. Ф. 5823. Оп. 1. Д. 25.

22. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 9. Д. 91.

23. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 10. Д. 157.

24. ЦГА СПб. Ф. 1969. Оп. 7. Д. 296.

Economic activity of the Germans of the North-West in the 1920s (on the example of the state farm "Srednyaya Rogatka")

Vladislav A. Lomanov

On the basis of clerical sources the article characterizes the economic activity of the German state farm "Srednyaya Rogatka" in the 1920s. The factors that influenced its functioning and economic development are determined. The comparison of the indicators of its profitability and unprofitability during the study period is carried out.

The state farm "Srednyaya Rogatka" belonged to the network of state farms of the Leningrad Provincial Agricultural Trust and specialized in dairy cattle breeding and sale of milk in Leningrad and the surrounding area. The basis of the working staff of the state farm were permanent workers with a significant proportion of day laborers.

The economic activity of the state farm was influenced by a number of factors that often created significant obstacles to economic development, which include natural and climatic conditions, financial difficulties, infrastructure problems, periodic alienation of land plots and daily living conditions of workers. Despite the above-mentioned obstacles that caused the initially unprofitable nature of economic activity, the state farm, thanks to state assistance and high level of adaptability of German peasants to dynamically changing economic con-

ditions by the end of the 1920s, was able to significantly improve its activities, achieve, and then increase profitability, becoming an efficient agricultural enterprise.

Key words: Germans of the North-West, economic activity, state farm, "Srednyaya Rogatka", Lengselbrest, dairy cattle breeding.

For citation: Lomanov, V. A. (2022). Hozyajstvennaya deyatel'nost' nemcev Severo-Zapada v 1920-e gg. (na primere sovhoza «Srednyaya Rogatka») [Economic activity of the Germans of the North-West in the 1920s (on the example of the state farm "Srednyaya Rogatka")]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 82–98. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_82

References

1. Shrader T. A. *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie nemeckikh kolonistov Petrogradskoj gubernii (Leningradskoj oblasti) v 1920–1930-e gg.* [Shrader T.A. Socio-economic situation of the German colonists of the Petrograd province (Leningrad region) in the 1920–1930s] // *Nemcy Rossii v kontekste otechestvennoj istorii: obshhie problemy i regional'nye osobennosti: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [The Germans of Russia in the Context of National History: Common Problems and Regional Features: Proceedings of the Intern. scientific conf.]. Moscow: Gothic Publ., 1999. Pp. 156–173. (In Russ.)
2. Fedoruk N. S. «Poleznyj primer...» obrazovanie i razvitie nemeckikh kolonij pod Novgorodom v XIX – pervoj polovine XX vv. [Fedoruk N.S. "A useful example..." formation and development of the German colonies near Novgorod in the 19th – first half of the 20th centuries] // *Ezhegodnik Mezhdunarodnoj associacii issledovatelej istorii i kul'tury rossijskikh nemcev* [Yearbook of the International Association of Researchers in the History and Culture of Russian Germans]. 2015. № 1. Pp. 67–77. (In Russ.)
3. Fedoruk N. S. *Povsednevnaia zhizn' nemeckikh kolonistov Novgorodskoj gubernii v 1920-e gody: regulirovanie semejno-imushhestvennykh odnoszenij* [Fedoruk N.S. Everyday life of German colonists in the Novgorod province in the 1920s: regulation of family and property relations] // *Novgorodika – 2018. Povsednevnaia zhizn' novgorodcev: istorija i sovremennost'. Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. V 2-h tomah.* Otv. red. T.V. Shmeljova [Novgorodika – 2018. Everyday life of Novgorodians: history and modernity. Materials VI Intern. scientific conf. In 2 volumes]. 2018. Pp. 168–173. (In Russ.)
4. Fedoruk N. S. *Stranicy istorii nemeckikh kolonij v Novgorodskoj gubernii v XIX – pervoj polovine XX v.* [Fedoruk N.S. Pages of the history of the German colonies in the Novgorod province in the XX – the first half of the XX century] // *Nemeckie kolonii Novgorodskoj gubernii v pervoe desjatiletie sovsotskogo vlasti (1918–1927 gg.): Sbornik dokumentov* [German colonies of the Novgorod province in the first decade of Soviet power (1918–1927): Collection of documents]. St. Petersburg: Nestor-History, 2017. Pp. 10–39. (In Russ.)
5. Fedoruk N. S. *Hozyajstvennaja dejatel'nost' i povsednevnaia zhizn' nemeckikh poselencev na Novgorodskoj zemle. 1821–1941 gg.* [Fedoruk N.S. Economic activity and daily life of German settlers on Novgorod land. 1821–1941] // *Nemeckie kolonii Novgorodskogo i Chudovskogo rajonov Leningradskoj oblasti (1927–1941 gg.): Sbornik dokumentov* [German colonies of the Novgorod and Chudovsky districts of the Leningrad region (1927–1941): Collection of documents]. St. Petersburg: Nestor-History Publ., 2019. Pp. 9–72. (In Russ.)
6. Andriajnen S. V. *Nacional'nye men'shinstva Leningradskoj oblasti v 1920-e gg.: rasselenie i hozyajstvennyye zanyatiya* [National Minorities of the Leningrad Region in the 1920s: Settlement and Economic Activities] // *Vysokie intellektual'nye tekhnologii v nauke i obrazovanii. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* [High intellectual technologies in science and education. Materials of the I International Scientific and Practical Conference]. 2017. Pp. 9–14. (In Russ.)
7. Shajdurov V. N., Lomanov V. A. *Nemcy Severo-Zapada (1918–1939 gg.): istoriograficheskij aspekt* [Germans of the North-West (1918–1939): historiographical aspect] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2022. № 4(1). Pp. 207–222. (In Russ.) DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Staty105
8. Lomanov V. A. *Osobennosti resheniya zemel'nogo voprosa v nemeckoj derevne Severo-Zapada Rossii v nachale 1920-h gg.* [Features of the solution of the land issue in the German village of the North-West of Russia in the early 1920s.] // *Klio* [Clio]. 2022. № 04(184). Pp. 121–130. (In Russ.) DOI: 10.51676/2070-9773_2022_04_121
9. Novozhilov A. G. *Realizaciya nacional'noj politiki v period kollektivizacii na Severo-Zapade RSFSR* [Implementation of national policy during the period of collectivization in the North-West of the RSFSR] // *Kul'tura i vzaimodejstvie narodov v muzejnykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh processah – vazhnejšie faktory razvitiya Rossii. Sbornik nauchnykh trudov* [Culture and interaction of peoples in the museum, scientific and educational processes are the most important factors in the development of Russia. Collection of scientific papers]. Omsk: Publishing house "Nauka", 2016. Pp. 67–69. (In Russ.)
10. Klec V. K. *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie nemeckikh kolonij Prídneprov'ya v predvoennnye gody* [Socio-economic situation of the German colonies of the Dnieper region in the prewar years] // *Obrazovanie, zhizn'*

i sud'ba nemeckih poselenij Rossii. Materialy 15-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 250-letiyu g. Marksa i 20-letiyu Mezhdunarodnoj associacii issledovatelej istorii i kul'tury rossijskikh nemcev [Education, life and fate of German settlements in Russia. Proceedings of the 15th International Scientific Conference Dedicated to the 250th Anniversary of Mr. Marx and the 20th Anniversary of the International Association of Researchers in the History and Culture of Russian Germans]. Dnepropetrovsk: RusDojch Media, 2016. Pp. 230–246. (In Russ.)

11. Zejnalova S. M. *Vliyanie sovetskikh social'no-ekonomicheskikh processov na zhizn' nemeckih poselenij Azerbajdzhana (1920–1941 gg.)* [The influence of Soviet socio-economic processes on the life of the German settlements in Azerbaijan (1920–1941)] // *Ezhegodnik mezhdunarodnoj associacii issledovatelej istorii i kul'tury rossijskikh nemcev* [Yearbook of the International Association of Researchers in the History and Culture of Russian Germans]. 2015. № 1. Pp. 156–165. (In Russ.)

12. Shabel'nikov V. I. *Hozyajstvennaya deyatel'nost' nemeckih i grecheskikh nacional'nyh men'shinstv Donbassa v usloviyah administrativnykh preobrazovanij i kollektivizacii sel'skogo hozyajstva (vtoraya pol. 20-h – pervaya pol. 30-h gg. XX v.)* [Economic activity of the German and Greek national minorities of Donbass in the context of administrative changes and collectivization of agriculture (the second half of the 20s – the first half of the 30s of the XX century)] // *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanij* [Journal of Historical, Political Science and International Studies]. 2018. № 1(64). Pp. 126–133. (In Russ.)

13. Shajdurov V. N. *Nemeckoe naselenie Sibiri v usloviyah obshhestvennykh transformacij 1900-h – 1920-h gg.* [The German population of Siberia in the conditions of social transformations in the 1900s – 1920s.] // *Zhurnal frontirnykh issledovanij*. [Journal of Frontier Research]. 2021. T. 6. № 4. (24). P. 155–178. (In Russ.) DOI 10.46539/jfs.v6i4.339

14. Filimonov A. V. *Sovhozy i razvitie krest'yanskogo hozyajstva Severo-Zapada Rossii v 1920-e gg.* [State farms and the development of the peasant economy in the North-West of Russia in the 1920s.] // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State Pedagogical University. Series: social-humanitarian and psychological-pedagogical sciences.]. 2011. № 15. Pp. 11–23. (In Russ.)

15. 15. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 7. D. 366.

16. 16. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 7. D. 194.

17. 17. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 3. D. 275.

18. 18. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 2004. Op. 1. D. 3568.

19. 19. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 9. D. 77.

20. 20. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 9. D. 15.

21. 21. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 5823. Op. 1. D. 25.

22. 22. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 9. D. 91.

23. 23. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 10. D. 157.

24. 24. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 1969. Op. 7. D. 296.

*Статья поступила в редакцию 19.08.2022;
Одобрена после рецензирования 24.09.2022;
Принята к публикации 16.10.2022.*

От поддержки христиан к мировой революции: ассирийский вопрос в политике Российской империи и СССР

А. О. Победоносцева-Кая

Данная работа посвящена анализу развития политики Российской империи и СССР по отношению к ассирийскому населению Ближнего Востока до и после Первой мировой войны. Ближневосточная политика царского правительства и сделанная им ставка на христианские меньшинства Османской империи была связана с гораздо менее масштабной поддержкой социокультурного строительства самих ассирийцев, нежели советская политика, основанная на идеях экспорта революции. При этом поддержка культурного развития ассирийцев в СССР, в том числе соответствующие исследования, были тесно связаны с антирелигиозной пропагандой. Репрессии 1930-х гг., затронувшие и ассирийцев, завершили период интенсивного изучения многих народов СССР и повлияли на процессы их культурного развития. Цель данной работы – показать на примере ассирийцев переход от религиозной модели, существующей в Российской империи и на основе которой строились межконфессиональные отношения, к национальной модели, принятой в СССР в 1920–1930-х гг. Эти модели рассмотрены на фоне основных событий ассирийской истории XIX–XX вв. Данное исследование подготовлено на основе анализа исторических источников, которые сохранились в архивах, мемуарах и травелогах.

Ключевые слова: ассирийцы, курды, миссионеры, Османская империя, Персия, Российская империя, Советский Союз, национально-культурное строительство, репрессии.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. От поддержки христиан к мировой революции: ассирийский вопрос в политике Российской империи и СССР // История повседневности. 2022. № 4. С. 99–117. DOI 10.35231/25422375_2022_4_99

Введение

Ассирийцы (айсоры, несториане, халдеи; самоназвание – ашшур-рай, атурай, сурай), как наследники Ассирии – одного из величайших государств древности, даже став меньшинством, играли заметную роль в истории Ближнего Востока последних столетий. Следует отметить, что во время монгольских завоеваний ассирийское население Ближнего Востока раскололось на три группы: первая мигрировала в Индию, вторая – на Кипр, а наиболее многочисленная третья – в горы Курдистана. В XV–XVI вв. произошел еще раскол среди кипрских ассирийцев-несториан, часть из которых приняла римскую унию и стала называться ассиро-халдеями, а остальные остались несторианцами и обосновались в Ванском вилайете Османской империи [1, с. 8].

Несторианская церковь Востока оказалась сосредоточена почти исключительно в среде ассирийского народа в северных горных областях на территории Персидской и Османской империй. В российском Закавказье ассирийцы появились в первой половине XIX в.: в Азербайджан и Армению они переселились из Урмийского округа Персии по окончании русско-персидской войны 1826–1828 гг. [2, с. 150].

В XIX в. деятельность европейских, американских и российских миссионеров меняла шаткую конструкцию межконфессионального равновесия в регионе. Боязнь тотальной христианизации приводила к курдским погромам ассирийских селений и переселению ассирийцев в безопасные локации. После Первой мировой войны, в которой погибло около 270 тыс. ассирийцев, основные их группы осели в Ираке, где помимо местных ассирийцев проживало около 40 тыс. ассирийских беженцев, 20 тыс. – в США, 15 тыс. – в Персии, 50 тыс. – в СССР [3, с. 64]. Такая фрагментация ассирийского общества усложняла и препятствовала развитию как собственно ассирийских политических движений, так и связанных с ними политических проектов внешних игроков, в том числе России.

Исследование ассирийских общин в СССР, России и СНГ, их истории, которая остается малоизученной, ведется силами энтузиастов-исследователей преимущественно из самой ассирийской среды. В 1960–1970 гг. это были исследования по истории культуры и языка ассирийцев нового и новейшего времени [4–6].

Новый период в отечественных ассирийских исследованиях наступил в 1990-е гг., сохранив и продолжив тенденцию авторов-ассирийцев, сделавших акцент в своих исследованиях, в том числе диссертационных, на ассирийцев России [7–8]. Та же картина наблюдается в работах 2000–2020 гг., авторы которых затрагивают такие темы, как ассирийские воинские подразделения времен Первой мировой войны, ассирийские городские общины в 1920–1930 гг., ассирийские культурные традиции [9–12].

За рубежом издается немало исследований по ассирийской истории [см. 13–16], но российская тематика в этих работах ограничивается преимущественно XIX в. и периодом Первой мировой войны. Большинство работ по ассирийской политике до и после Первой мировой войны фокусируются на конкретном периоде и конкретном регионе, а потому не показывают проблемность перехода от имперской к советской эпохе и то, как это соотносилось с общей линией российской/советской политики в соответствующей области. В данном исследовании, в соответствии с концепциями Дж. Кадио [17], Т. Мартина [18], Ф. Хирш [19], рассматривается вопрос преемственности политических проектов в этих идеологически разнородных государственных структурах на примере политики в отношении ассирийцев.

Большевики хотели не только установить контроль над всеми народами бывшей Российской империи, но и стремились включить эти народы в революционный процесс и обеспечить их активное участие в великом социалистическом эксперименте [19, р. 5]. Таким образом, предстояло деполитизировать национальные культуры нерусских народов путем проявления показного, нарочитого уважения к ним [18, р. 13], а затем дожидаться национальной консолидации и слияния народов, под которыми подразумевалась ассимиляция, поощряемая режимом [17, с. 244].

Особое внимание при этом уделялось этническим группам, проживавшим и на территории СССР, и за рубежом. В ряде случаев (в частности, ассирийцев) это означало де-факто продолжение поддержки культурных и политических проектов тех же самых народов, что и до революции.

Данное исследование основывается на анализе архивных источников, мемуаров и травелогов. Среди них – неопублико-

ванные архивные материалы из Российского государственного исторического архива (РГИА), материалы которого касаются деятельности православной церкви среди айсоров-несториан, и центральных архивов Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАКФФД СПб, ЦГАЛИ СПб), материалы которых относятся к 1930-м гг. и представляют собой переписку, приказы и прения в различных учреждениях на предмет культурного строительства среди ассирийцев. Также использован сборник опубликованных документов по истории грузино-курдско-ассирийско-русских взаимоотношений [20].

Вторая группа материалов, использованных в данном исследовании, состоит из путевых заметок и мемуаров миссионеров, дипломатов и специалистов различного профиля, посетивших места проживания ассирийцев и описавших их в контексте этнического и конфессионального многообразия региона [21].

В эту группу следует добавить крайне малочисленные мемуары самих ассирийцев, которые смогли либо самостоятельно [22], либо при помощи других авторов зафиксировать свои воспоминания [23–24]. Эти источники позволяют восстановить картину взаимоотношений ассирийцев с другими народами региона (арабами, турками, курдами, армянами и т. д.).

Важную роль в анализе сыграли комплексные монографии, посвященные как непосредственно ассирийскому вопросу, так и упоминанию ассирийцев в региональном контексте [25–27]. Так как территория проживания ассирийцев была расположена в непосредственной близости с расселением таких народов Месопотамии и Передней Азии, как курды, армяне, евреи и т. д., то на примере контактов с соседями можно получить важные детали ассирийской социальной и политической истории.

Результаты

К началу XIX в. ближневосточные ассирийцы проживали в Османской империи (от Амадии до Вана) и Персии (в Урмии и в ее окрестностях – высокогорьях Тергевере, Мергевере и Барандуза южнее Урмии и в Мараге на восточном берегу озера Урмия), соседствуя с более многочисленным курдским населением, а также с армянами, евреями и др. и обладая общи-

ми региональными бытовыми и литературными традициями и даже внешним обликом [24, р. 21, 94].

По своей социальной структуре ассирийцы были представлены членами племен-аширетов [15, р. 102] и крестьянами-райятами. Племенная структура ассирийцев напоминала курдскую: ассирийские аширеты проживали в горных районах вблизи османо-персидской границы, каждое из которых управлялось вождем-малеком. Что касается райят, то они были значительно зависимы и от османского правительства, и от местных курдских вождей.

Духовным главой ассирийцев был патриарх из рода Мар Шимун, резиденцией которого до 1848 г. было с. Кучанис, а затем Мосул [28, с. 4] и Урмия.

В «Описании соседних с Грузии стран и народов», составленном грузинским царем Ираклием для передачи графу Н. И. Панину, сообщалось, что ассирийцы в 1760-х гг. искали помощи и покровительства у могущественных соседних держав против Персии и Турции [20, с. 18]. До 1830–1840-х гг., пока к ассирийцам не проявили интерес английские и американские миссионеры, обосновавшиеся в Мосуле, их сосуществование с соседними нехристианскими народами проходило в форме малоконфликтного и даже мирного взаимодействия [29, с. XLVIII]. Например, известный курдский лидер Бадрхан-бек, правитель полунезависимого от османских властей Бохтанского эмирата, обладал значительным авторитетом не только среди феодальной курдской знати и простолюдов, но и пользовался поддержкой ассирийцев и армян.

Тем не менее именно во время правления Бадрхана при непосредственном участии английских и американских миссионеров, прибывших еще в конце 30-х гг. XIX в. в Мосул с целью обращения в протестантство местных ассирийцев-несториан вспыхнул межконфессиональный конфликт, повлекший за собой вмешательство иностранных держав. Накануне очередного этапа активизации миссионерской деятельности [30, с. 88] среди курдского населения пошли слухи, что иностранцы планируют обращать в христианство и мусульман. Жившие до сей поры в относительном мире с ассирийцами курды стали относиться ко всем христианам с определенной настроенностью и враждебностью.

Активное участие миссионеров в политической жизни Курдистана и других областей Турции и Персии неоднократно предоставляло европейским державам удобные предлоги для нажима на правящие круги этих стран. Миссионеры переводили турецких христиан из одной церкви в другую, отказавшись от распространения проповеди среди мусульманских народностей Турции [31, с. 43–44].

Ассирийцы-несториане заинтересовались возможностью воспользоваться покровительством православной церкви еще в конце XVIII в., когда обращались с этой целью к грузинскому царю Ираклию [32, с. 101–102; 20 с. 18]. Когда же Россия, присоединив Грузию, вплотную приблизилась к местам проживания ассирийцев, они отнеслись к этим изменениям весьма положительно. Русская церковь почиталась единой, и вступление под покровительство России было востребовано [8, с. 76]. Новая волна заинтересованности ассирийцев в присоединении к православию и Русской церкви поднимается в первой трети XIX в. [32, с. 101–102], когда после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. около ста несторианских семейств переселилось из окрестностей Урмии в российское Закавказье вблизи Эривани, способствуя христианизации этих районов. Ассирийцы разместились в селениях Куйласар, Дуйюн и Гкёли, а впоследствии даже перешли в православие [33, с. 815].

Ассирийско-русские отношения XIX в. были по большей части односторонними. Как пишет М. И. Венюков, судьба переднеазиатских христиан мало интересовала русскую дипломатию, и лишь немногие из русских ученых и путешественников проявляли к ним интерес. Для Российской империи на тот момент ассирийского вопроса не существовало, несмотря на повышенный интерес к ассирийцам со стороны католических и протестантских миссионеров, действия которых рассматривались российскими властями как враждебные [25, с. 265].

Именно деятельность миссионеров в середине XIX в., вызвавшая курдскую реакцию и порой насилие, привела к очередной активизации контактов между ассирийцами и российскими представителями. Посланный Святейшим синодом архимандрит Софония в 1861 г. долго проживал у персидской границы в Эриванской губернии, изучая вероучение и цер-

ковный быт ассирийцев-несториан и поддерживая постоянный контакт с резиденцией ассирийского патриарха в Урмии [32, с. 101–102].

Но организация Русской православной миссии затянулась на 40 лет, с одной стороны, из-за враждебных настроений Персии, а с другой – из-за интриг других духовных миссий, обладавших большими средствами и противившихся усилению влияния России на Востоке [32, с. 66–67]. Общая напряженная обстановка в регионе привела к очередной волне миграций ассирийцев в Закавказье в последующие русско-турецкие войны 1853–1856 гг. и 1877–1878 гг. В этих войнах на стороне России действовали различные этнические боевые подразделения, в числе которых в 1877–1878 гг. был и ассирийский отряд [7, с. 100].

Ассирийские епископы приезжали в Россию с просьбами принять их в православие [32, с. 101–102]. Этот вопрос затрагивался в переписке экзарха Грузии Павла и К. П. Победоносцева в 1882–1891 гг. [34, л. 13–18; 35], но официально присоединение к православию состоялось лишь 25 марта 1898 г. в Александро-Невской лавре в Петербурге [36, с. 297–298]. В том же году была учреждена православная миссия в Урмии и 20 тыс. ассирийцев-несториан во главе с епископом Мар-Ионой Супурганским в течение последующих двух лет были присоединены к православной церкви [37, р. 12]. Персидский шах подарил миссии около 3000 квадратных сажень (т. е. около 13 656 м²) земли, что способствовало росту ее престижа среди местного населения [32, с. 66–67].

Члены Российского синода и обер-прокурор в тот момент не до конца понимали всей сложности и деликатности предстоящей деятельности этой миссии. В этом впоследствии признавался обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев [8, с. 80–81]. На фоне других миссий в Урмии российская сильно проигрывала и не имела возможности особо опекачать ассирийцев, что приводило к печальным последствиям в той же Урмии во время Первой мировой войны [23, с. 119].

В Первую мировую войну в столкновении с Османской империей Российская империя опиралась на поддержку не только армянского населения, но и ассирийцев [5, с. 77]. В отличие от ассирийских частей, действующих во время войны на сто-

роне России [12], у британской колониальной администрации на Ближнем Востоке получилось не только сформировать ассирийские отряды на время войны, но и поддерживать в дальнейшем такую коллаборацию на долгосрочной и последовательной основе. Например, британцы использовали ассирийцев в качестве вспомогательных войск против курдов или в охране аэродромов в Ираке до начала свертывания британского присутствия в этой стране в 1930-х гг. [38, с. 116–117].

После Первой мировой войны и революционных событий правительство Советской России начало продвигать свою политику в отношении стран и народов Востока в контексте нового подхода, направленного на его революционизацию. Советская политика была ориентирована на систематическое развитие характерной национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР. Так же, как и курды, ассирийцы, численность которых в СССР к 1920 гг. составляла порядка 50 тыс. чел. [7, с. 101], были официально причислены к культурно отсталым нацменьшинствам Советской России [18, р. 167], а потому воспринимались как объект для реализации идеи формирования «нового человека».

Малочисленность ассирийской общины в СССР не позволяла им претендовать на создание автономных административных единиц подобно более многочисленным народам. Но малочисленные или же рассеянные по значительной территории народы имели возможность создавать свои «этнические» артели, совхозы или колхозы. Так, в 1923 г. в Москве существовала только одна организация – ассирийский объединенный кооператив – со специализацией по изготовлению одежды [39, с. 197; 40, с. 204].

К 1925 г., согласно записке представителя ассирийцев Мурад-Хана Ваграма¹, ассирийцы населяли многие крупные города (Москву, Ленинград, Ростов-на-Дону, Краснодар, Киев и др.), но проще было тем ассирийцам, которые проживали в Грузии, Армении и на юге России: климат и природные условия позволяли заниматься знакомым земледелием. А в Москве и Ленинграде они нашли свою нишу – чистку и ремонт обуви [41, с. 17; 12].

¹ Зубкова Е., Эдельман О. Переселение ассирийцев // История и современность: документы прошлого / ред. и ведущий В. Толыз. – Радио Свобода, 08.10.2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/126884.html> (дата обращения: 14.08.2022).

И. Зая писал, что «ассирийцы привлекали к себе внимание советских органов... будучи малограмотным народом, слабо поддающимся советской агитации», а потому «нуждающимся в скорейшем вовлечении в советскую общественную жизнь». Для тех же целей служил Всероссийский союз ассирийцев «Хаядта» (1924–1937), санкционированный НКВД¹. Для советского государства создание такой структуры означало возможность не только работы среди советских ассирийцев, но и выхода на сотрудничество с куда более влиятельными и многочисленными ассирийскими общинами, прежде всего на Ближнем Востоке.

Союз ассирийцев в 1928 г. имел целью культурно-просветительную работу среди своих членов и экономическое улучшение их быта. Число его членов составляло 490 чел. Председателем был Самсон Ноевич Пираев, секретарь и заведующий культурной работой – Шлимун Ильич Бит-Лазарь. Союзу принадлежал кооператив – транспортно-упаковочная контора [42, с. 211, 237]. «Хаядта» содействовал занятости и трудоустройству соплеменников. Была организована электромеханическая мастерская, выпускающая части сельфакторных машин для текстильного производства, реостаты и др., а также проводящая ремонтные работы, и артель «Утильрезина», в работе которой было задействовано свыше 250 чел. [3, с. 64].

Для успешного осуществления ликвидации неграмотности нацменьшинств работа велась по двум линиям: по набору учащихся и подбору преподавателей и добровольцев-культурмейцев. Организация работы по ликбезу среди рабочих из нацменьшинств обычно проходила на предприятиях, где они работали, в ближайшей школе, клубе и т. д. Для ассирийцев кружки ликбеза были организованы в ассирийском нацклубе [43, с. 23] при Союзе ассирийцев [44, с. 71]. Проблему массовой грамотности пытались решать в рамках общей для всего Советского Союза политики латинизации [45] в противовес кириллице, которая была тесно связана с православной миссионерской деятельностью и русской колонизацией [18, с. 185–186].

Тем не менее ассирийцы, как ряд других народов, проживавших в русскоязычной среде, придерживались практической

¹ Зая И. Ю. Ассирийцы России: демографические и этнокультурные характеристики (вторая четверть XIX – конец XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.07 / МГУ им. М.В.Ломоносова. М., 1997. С. 7, 18.

идеи своего алфавита на основе русской графики. Эта идея была отражена в проекте, утвержденном Союзом ассирийских граждан [46, с. 302–306], но в 1930 г. ассирийский алфавит на латинской основе был введен для 15,5 тыс. ассирийцев РСФСР [47, с. 160]. На тот период в СССР могло проживать около 50 тыс. ассирийцев, но так как многие из них оставались гражданами Турции или Персии, официальная статистика их не учитывала.

В период с 1919 по 1939 гг. было выпущено несколько сотен изданий на ассирийском языке, включая переводы произведений русских и советских писателей [7, с. 102]. Чтобы понять сложность советской политики в отношении различных народов Ближнего Востока, следует сравнить эту цифру с числом публикаций на курдском языке – 178 изданий в 1921–1938 гг. [48, с. 51]. Иными словами, советскому государству удавалось больше в работе со значительно более малочисленными ассирийцами.

Тем не менее в соответствующих советских учреждениях вроде Учпедгиза не стихали нарекания на «низкий культурный уровень национальных работников», от чего страдали и ассирийцы, что выливалось в нехватку и текучесть кадров, а следовательно, и успех соответствующих советских культурных и политических начинаний [49, с. 76].

Нехватка педагогических кадров вынуждала Москву приглашать преподавателей для ассирийской школы из Армавира, где было ассирийское отделение педтехникума [43, с. 32], которое насчитывало 30 чел. обучающихся [50, с. 86]. Специальной сети педтехникумов у ассирийцев, как и у таких мелких народностей, как вепсы, ижорцы, цыгане, таты, чехи и др., не было [51, с. 100]. Создание определенных культурных институтов напрямую зависело от численности этнической группы на территории СССР. Другим примером «калибровки» культурной политики является кинематография. В 1930 г. был написан сценарий к фильму про родовые пережитки ассирийцев «Большой закон» [52]. Для сравнения фильма о курдах начали снимать уже с 1926 г.

Школьное дело занимало центральное место в работе горсоветов в области культурного строительства. Почти все горсоветы со значительным количеством населения нацменьшинств

достигли полного охвата национальными школами I ступени или группами для национальных меньшинств при интернациональных школах детей школьного возраста [43, с. 27]. Так, в 1928 г. в Москве были организованы четыре школы I ступени для ассирийских детей [42, с. 334], а к 1936 г. упоминается только два ассирийских класса с 29 учениками [53, с. 38]. Это было связано со свертыванием политики положительной дискриминации по отношению к малочисленным общинам даже крупных этнических групп.

Общее для курдов и ассирийцев многовековое историческое и культурное пространство приобрело новое прочтение в контексте курдско-ассирийских связей после Первой мировой войны и революции 1917 г., когда оба этноса оказались в фокусе национально-культурного строительства и экспорта революции, продолжавшихся до репрессий 1930-х гг. В Ленинграде для работы с национальными меньшинствами был открыт ряд учреждений и городских объектов¹.

В 1928 г. был организован Дом просвещения народов Востока (ДПНВ). Работа в нем велась на 18 языках и были организованы национальные секции, в числе которых присутствовала ассирийская [59]. С ней тесно взаимодействовало ленинградское областное отделение «Хаядта» [10, с. 117; 60, л. 13].

Ассирийские студенты обучались на рабфаках при крупных учебных заведениях страны, например в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ) или на курсах нацменьшинств Советского Востока (КНСВ). Подобная политика велась по отношению к многим этническим группам из состава населения приграничных районов, например курдов, уйгуров, дунган и др., принадлежащих к национальностям, не имеющим своего государственного устройства [61, л. 22].

На курсах каждый год обучалось порядка 10–14 ассирийцев, уступая в численности только курдам (20–26 чел.) и уйгурам (14–26 чел.) [62, л. 42; 61, л. 97–98, 144; 63, л. 2, 2 об.]. Такое диспропорциональное внимание к ассирийцам связано, вероятно, как с вышеупомянутой относительной легкостью работы

¹ В 1933 г. велась работа по переустройству сада бывшего дворца Шереметевых (набережная реки Фонтанки, 34) в сад национальностей Востока – парк культуры и отдыха для представителей национальностей Востока, живущих и работающих в Ленинграде [54–56]. В саду проводились различные мероприятия и концерты и известно, что он просуществовал до июля 1936 г. [57–58].

с ними, так и с надеждами на мобилизацию зарубежных ассирийцев, прежде всего в странах Ближнего Востока, для целей «мировой революции» или продвижения советской политики в регионе.

Обострение в 1930-х гг. внутривнутриполитической борьбы между И. В. Сталиным и его оппонентами, в том числе в Коминтерне, закончилось победой концепции «строительства социализма в одной стране» и привело к репрессиям в отношении представителей многих ближневосточных народов в СССР в силу исчезновения необходимости в работе с ними ради революционизации Востока. Т. Мартин считал, что репрессии не были направлены против не имеющих государственное образование диаспор без гражданства, таких как евреи, ассирийцы и цыгане [18, р. 336, 340].

Тем не менее годы Большого террора затронули ассирийцев, особенно иностранных подданных [10, с. 124]. Одновременно стало окончательно понятно, что ассирийцы не смогут сыграть серьезной роли в поддержке советской политики на Ближнем Востоке, поскольку ассирийские общины региона не только не смогли восстановиться после Первой мировой войны, но и пострадали от своего сотрудничества с британской администрацией во время войны и после ее окончания, что закончилось репрессиями и физическим уничтожением многих ассирийцев в Ираке в 1930-е гг.

Как следствие всех этих изменений, активная политика СССР в отношении ассирийцев завершилась и впоследствии она сводилась к поддержанию отношений советских ассирийцев с зарубежными соотечественниками. Схожие тенденции имели место и в культурной области. Обе волны репрессий в 1930–1940-х и в 1949–1950 гг. [22; 64] привели к тому, что с конца 1930-х до 1960-х гг. ассирийской проблематикой практически не занимались¹, за исключением публикаций по фольклору и этнографии [65], и в рамках курдских исследований, которые позволяли проследить общую геополитическую ситуацию в Курдистане [27], в том числе эпизодического интереса к курдскому восстанию Барзани в Ираке, в котором приняли участие некоторые ассирийцы, т. е. относительно

¹ Зая И. Ю. Ассирийцы России: демографические и этнокультурные характеристики: (вторая четверть XIX – конец XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.07 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1997. С. 8.

общих перспектив коммунистической пропаганды на Ближнем и Среднем Востоке [39, р. 8].

Выводы

На первый взгляд существует некая преемственность между политикой Российской империи и Советского Союза на Ближнем Востоке, которая нашла свое отражение в очевидно близких контактах с ассирийцами и некоторыми другими народами. Но в качестве и особенностях этих связей имели место серьезные различия. Анализ изменений в отношении правящих кругов России и СССР к христианскому ассирийскому населению Ближнего Востока в течение 80 лет с первых переселенцев до революции 1917 г. позволяет сделать вывод, что ближневосточная политика царского правительства и сделанная им ставка на христианские меньшинства Османской империи была связана с гораздо менее масштабной поддержкой культурного строительства самих ассирийцев, нежели советская политика, основанная на идеях экспорта революции в течение 20 лет.

Если политика Российской империи в отношении различных этнических групп была тесно связана с их религиозной и конфессиональной принадлежностью, то для Советского Союза в первые десятилетия его существования был характерен двойственный подход, который сочетал следование идеологии мировой революции с прагматическим курсом, принимавшим во внимание величину, политические, экономические, социальные и культурные особенности этих групп, которые должны были воспринимать революционную идеологию посредством инструментов национального культурного строительства.

Несмотря на общую политику «позитивной дискриминации» ранее угнетенных этнических групп и программу революционизации зарубежных стран с опорой на угнетенные народы, советская политика в случае ассирийцев оказалась ограниченной по своим масштабам и так и не смогла в полной мере воспользоваться наработками дореволюционного времени. Несмотря на тесные связи ассирийцев с Российской империей и изначальные симпатии ассирийцев к Советской России соответствующие политические и культурные проек-

ты советской власти, адресованные ассирийцам, были минимальными по размаху и быстро сошли на нет.

Показательным является быстро произошедший сдвиг акцентов соответствующей советской политики в регионе на проживавших по соседству с ассирийцами и гораздо более многочисленных курдов, что выражается и в соответствующей политике в отношении ассирийцев и курдов, проживавших внутри СССР. Прагматический компонент советской политики не оставил места для масштабных ассирийских проектов так же, как конфессиональный компонент политики Российской империи не оставлял места для масштабного взаимодействия с курдами.

Список литературы

1. Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев / сост., пер. с асир. и европ. яз. К.П. Матвеева; отв. ред М.С. Лазарев. М.: Наука, 1974. 381 с.
2. Закавказье. Статистико-экономический сборник. Издание Высшего экономического совета ЗСФСР. 1925.
3. Бадреев, Рабинков. Трудящиеся ассирийцы в стране Советов // Революция и национальности. – 1933. – № 10 (44). – С. 64–65.
4. Церетели К. Г. Современный ассирийский язык. М.: Наука, 1964. 104 с.
5. Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М.: Наука, 1979. 192 с.
6. Саргизов Л. М. Ассирийцы стран Ближнего и Среднего Востока. Первая четверть 20 века. Ереван: Айастан, 1979. 152 с.
7. Матвеев А. К., Матвеев П. К. История и этнография ассирийцев / Материалы к серии “Народы Советского Союза”. Вып. 1. Ассирийцы. Институт этнологии и этнической антропологии АН СССР. М., 1990. 257 с.
8. Игумен Стефан (Садо). Российская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. – 1996. – № 13. – С. 73–112.
9. Акопян В. З. Советская политика “натурализации” ассирийцев путем их землеустройства на Юге России в 1920–1930-е гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2016. – № 8. – С. 114–128.
10. Лаво Р. С. Этнонациональная музыкальная культура ассирийской диаспоры России // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2016. – № 10. – С. 166–171.
11. Михайлов С. С. Ассирийцы в исторической памяти жителей городов Центральной России // История повседневности. – 2018. – №1 (6). – С. 140–155.
12. Фарис В. Г. Ассирийские отряды русской армии (1916–1918). М.: Археодоксия, 2019. 142 с.
13. Aprim F. A. Assyrians; from Bedr Khan to Saddam Hussein; driving into extinction the last Aramaic speakers. Xlibris, 2006. 406 p.
14. Baumer Ch. The Church of the East. An Illustrated History of Assyrian Christianity. I.B. Tauris, 2016. 352 p.
15. Chaillot Ch. The Assyrian Church of the East: History and Geography. Peter Lang Ltd, International Academic Publishers, 2021. 196 p.
16. Donabed S. G. Reforging a Forgotten History: Iraq and the Assyrians in the Twentieth Century. Edinburgh University Press Year, 2015. 384 p.

17. Кадио Дж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М.: НЛО, 2010.
18. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. 528 p.
19. Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005. 392 p.
20. Мачарадзе В. Г. Грузинские документы из истории грузино-курдско-ассирийско-русских взаимоотношений (60–70-е гг. XVIII в.). Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1989. 73 с.
21. Layard A. H. Nineveh and its Remains: with an account of a visit to the Chaldaean Christians of Kurdistan, and the Yezids, or Devil-Worshippers; and an enquiry into the manners and arts of the ancient Assyrians. 2 vols. London: John Murray, 1849.
22. Вартанов И. Ассирийцы в Сибири: Воспоминания. М.: Текст: Дружба народов, 2001. 176 с.
23. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Москва-Берлин, 1923. 393 с.
24. Emhardt W.C., Lamsa G.M. The oldest Christian people. a brief account of the history and traditions of the Assyrian people and the fateful history of the Nestorian Church, 1926.
25. Венюков М. И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1877. 297 с.
26. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. 472 с.
27. Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М.: Вост. лит. РАН, 2005. 308 с.
28. Михайловский В. Я. Нынешние несториане, их учение и богослужение. Харьков: Универ. тип. ценз., 1865.
29. Овсяный Н. Р. Современная Турция: Историко-этнографические очерки. СПб.: Тип. и хромолит. Траншеля, 1877. 158 с.
30. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve isyan yılları. İstanbul, Dİpnot Yayınları, 2011. 422 s.
31. Путья Е. В. Записка о малой Азии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVI. – СПб., 1896. – С. 1–154.
32. Восторгов И. И. Русская православная миссия в Урмии в 1900 г. // Полное собрание сочинений протоиерея И. И. Восторгова. Т. IV. Статьи по вопросам миссионерским, педагогическим и публицистическим. 1887–1912 г. – М., 1916.
33. Филипов Т. И. Несколько слов о несторианах // Русский вестник. – 1862. – Т. 40 (июль-август). – С. 798–820.
34. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 282.
35. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 156.
36. Присоединение сиро-халдейских несториан к православной церкви // Нива. – 1898. – № 15. – С. 297–298.
37. Rockwell W. W. The Pitiful Plight of the Assyrian Christians in Persia and Kurdistan. American Committee for Armenian and Syrian Relief. New York, 1916. 76 p.
38. Джексон Д. Х. Послевоенный мир. Основные политические события от Версальского мира по 1934 г. М.: Соцэкгиз, 1937. 247 с.
39. Вся Москва. Настольный справочник. М.: Универ. изд-во, 1922.
40. Вся Москва. М., 1923.
41. Григорьянц К. Кому почистить? // Пионер. – 1927. – № 9. – С. 17.
42. Вся Москва. –: Изд-во Моск. коммунальн. хоз-ва, 1928.
43. Абрамов С. Национальная работа советов в городах / под ред. Н. Челяпова. М.: Власть Советов, 1935.
44. Общедоступный путеводитель по Москве. М.: Москрекламсправиздат, 1929.
45. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. 7179. Оп. 31. Д. 63.
46. Поливанов Е. Из хроники современных национальных график СССР // Революционный Восток. – 1928. – № 4–5. – С. 302–306.
47. Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. Сборник статей / Под общ. ред. Н. Нурмакова. М., Л.: Власть Советов, 1934. 165 с.
48. Библиография советской курдской книги (1921–1960). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1962. 122 с.

49. Потапов С. Об издании национальных учебников // Революция и национальности. – 1937. – № 5 (87). – С. 76–80.
50. Бит-Юхан С. Среди советских ассирийцев // Революция и национальности. – 1935. – №2 (60). – С. 85–87.
51. Карнеев И. А. Национальные культурные кадры // Революция и национальности. – 1933. – №8–9 (42–43). – С. 98–107.
52. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 257. Оп. 16. Д. 139.
53. Материалы к отчету о работе Советского районного совета РК и КД города Москвы. Октябрь 1936. – М.: 16 тип. треста "Полиграфкнига", 1936. 66 с.
54. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Фотодокумент Бр 12689.
55. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Бр 12690.
56. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Бр 12691.
57. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Ар 42863.
58. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Ар 42864.
59. Смирнова Т. М. Аккультурация нового городского населения в ленинградском Доме народов Востока (1928–1937) // Клио. – 2014. – № 3(87). – С. 93–98.
60. ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 6. Д. 19.
61. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1005.
62. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 991.
63. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1053.
64. Мартиролог ассирийцев СССР. 1920–1950-е годы / авт.-сост. игумен Стефан (Садо). СПб, НП-Принт, 2017. 742 с.
65. Матвеев К. П. Современные ассирийцы – кто они? // Наука и жизнь. 1969. – № 12. – С. 112–115.

From support of Christians to the world revolution: the Assyrian question in the politics of Russian Empire and USSR

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

The paper contains an analysis of changes in the policy of Russia/USSR towards the Christian Assyrian population of the Middle East before and after the First World War. The Middle Eastern policy of the tsarist government and its attention to the Christian minorities of the Ottoman Empire was associated with a much smaller support for the sociocultural development of the Assyrians themselves than the Soviet policy based on the ideas of exporting the revolution. At the same time, support for the cultural development of the Assyrians in the USSR, including relevant studies, were closely associated with anti-religious propaganda. The political repressions of the 1930s, which also affected the Assyrians, ended the period of intensive study of many peoples of the USSR and heavily influenced processes of their cultural development. The purpose of this work is to investigate through the case of the Assyrians the transition from the religious model of state interaction with ethnic groups that existed in the Russian Empire, to an increasingly

pragmatic affirmative action model adopted in the USSR in the 1920s-1930s. These models are considered against the background of the main events of the Assyrian history of the 19th – 20th centuries. This study is using archival sources, memoirs, travelogues, as well as monographs on the issue.

Key words: Assyrians, Kurds, missionaries, Ottoman Empire, Persia, Russian Empire, Soviet Union, national and cultural construction, repressions.

For citation: Pobedonostseva-Kaya, A. O. (2022). Ot podderzhki hristian k mirovoj revolyucii: assirijskij vopros v politike Rossijskoj imperii i SSSR [From support of Christians to the world revolution: the Assyrian question in the politics of Russian Empire and USSR]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 99–117. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_99

References

1. *Istrebitel' kolyuchek. Skazki, legendy i pritchi sovremennykh assiriytsev* [Thorn destroyer. Tales, legends and parables of modern Assyrians], Moscow: Nauka, 1974. (In Russ.)
2. *Zakavkaz'ye. Statistiko-ekonomicheskiy sbornik* [Transcaucasia. Statistical and economic collection]. Publishing House of the Supreme Economic Council of the ZSFSR. 1925. (In Russ.)
3. Badreev, Rabinkov. *Trudyashchiyeya assiriytzy v strane Sovetov* [Assyrians Toilers in the Land of Soviets] // *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1933. № 10 (44). Pp. 64–65. (In Russ.)
4. Tsereteli K. G. *Sovremennyy assiriyskiy yazyk* [Modern Assyrian]. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ.)
5. Matveev K. P. *Assiriytzy i assiriyskaya problema v novoye i noveysheye vremya* [Assyrians and the Assyrian problem in modern times]. Moscow, Nauka, 1979. (In Russ.)
6. Sargizov L. M. *Assiriytzy stran Blizhnego i Srednego Vostoka. Pervaya chetvert' 20 veka*. [Assyrians of the Near and Middle East. First quarter of the 20th century]. Yerevan: Hayastan, 1979. (In Russ.)
7. Matveev A. K., Matveev P. K. *Istoriya i etnografiya assiriytsev* [History and ethnography of the Assyrians]. Institute of Ethnology and Ethnic Anthropology of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, 1990. (In Russ.)
8. Hegumen Stefan (Sado). *Rossiyskaya pravoslavnaya missiya v Urmii (1898–1918)* [Russian Orthodox Mission in Urmia (1898–1918)] // *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading]. 1996. № 13. Pp. 73–112. (In Russ.)
9. Akopyan V. Z. *Sovetskaya politika "naturalizatsii" assiriytsev putem ikh zemleustroystva na Yuge Rossii v 1920-1930-ye gg.* [Soviet "naturalisation" policy towards the Assyrians through their settling on lands in the South of Russia in the 1920s - 1930s.] // *Problemy rossiyskoy tsivilizatsii i metodiki prepodavaniya istorii* [Problems of Russian civilisation and history teaching methods]. 2016. № 8. Pp. 114–128. (In Russ.)
10. Lavo R. S. *Etnonatsional'naya muzikal'naya kul'tura assiriyskoy diaspory Rossii* [Ethno-national musical culture of the Assyrian diaspora in Russia] // *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G.Tsadasy* [Bulletin of the G.Tsadasa Institute of Language, Literature and Art]. 2016. № 10. Pp. 166–171. (In Russ.)
11. Mikhaylov S. S. *Assiriytzy v istoricheskoy pamyati zhiteley gorodov Tsentral'noy Rossii* [Assyrians in the historical memory of the inhabitants of the cities in Central Russia] // *Istoriya povsednevnosti* [Everyday History]. 2018. №1 (6), Pp. 140–155. (In Russ.)
12. Faris V. G. *Assiriyskiye otryady russkoy armii (1916-1918)* [Assyrian units of the Russian army (1916-1918)]. M.: Arkheodoksiya, 2019. (In Russ.)
13. Aprim F. A. *Assyrians; from Bedr Khan to Saddam Hussein; driving into extinction the last Aramaic speakers*. Xlibris, 2006.
14. Baumer Ch. *The Church of the East. An Illustrated History of Assyrian Christianity*. I.B. Tauris, 2016.
15. Chaillot Ch. *The Assyrian Church of the East: History and Geography*. Peter Lang Ltd, International Academic Publishers, 2021.
16. Donabed S. G. *Reforging a Forgotten History: Iraq and the Assyrians in the Twentieth Century*. Edinburgh University Press Year, 2015.
17. Cadiot J. *Le laboratoire impérial: Russie-URSS, 1870–1940*. Moscow: NLO, 2010. (In Russ.)
18. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press, 2001.
19. Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press, 2005.
20. Macharadze V. G. *Gruzinskiye dokumenty iz istorii gruzino-kurdsko-assiriysko-russkikh vzaimootnoshenij (60-70-ye gg. XVIII v.)* [Georgian documents from the history of Georgian-Kurdish-Assyrian-Russian relations (1760–1770s)]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1989. (In Russ.)
21. Layard A. H. *Nineveh and its Remains: with an account of a visit to the Chaldaean Christians of Kurdistan, and the Yezids, or Devil-Worshippers; and an enquiry into the manners and arts of the ancient Assyrians*. 2 Vols. London: John Murray, 1849.

22. Vartanov I. *Assiriytsy v Sibiri: Vospominaniya* [Assyrians in Siberia: Memoirs]. Moscow, Tekst: Druzhba narodov, 2001. (In Russ.)
23. Shklovsky V. *Sentimental'noye puteshestviye* [A sentimental journey]. Moscow-Berlin, 1923. (In Russ.)
24. Emhardt W. C., Lamsa G. M. The oldest Christian people. a brief account of the history and traditions of the Assyrian people and the fateful history of the Nestorian Church, 1926.
25. Venyukov M. I. *Rossiya i Vostok. Sobraniye geograficheskikh i politicheskikh statey* [Russia and the East. The collection of geographical and political articles]. Saint-Petersburg, tip. V. Bezobrazova and Co., 1877. (In Russ.)
26. Lazarev M. S. *Kurdskiy vopros (1891–1917)* [Kurdish question (1891–1917)]. Moscow, Nauka, 1972. (In Russ.)
27. Lazarev M. S. *Kurdistan i kurdskiy vopros (1923–1945)* [Kurdistan and the Kurdish question (1923–1945)]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2005. (In Russ.)
28. Mikhailovsky V. Ya. *Nyneshniye nestoriane, ikh ucheniye i bogosluzheniye* [The current Nestorians, their teaching and worship]. Kharkov: Univer. tip. tsenz., 1865. (In Russ.)
29. Ovsyany N. R. *Sovremennaya Turtsiya: Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Modern Turkey: Historical and ethnographic essays]. Saint-Petersburg, tip. i khromolit. Transhelya, 1877. (In Russ.)
30. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan Direniş ve isyan yılları. İstanbul, DİPnot Yayınları, 2011. (In Turk.)
31. Putyata E. V. *Zapiska o maloy Azii* [Note on Asia Minor] // *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia]. Vol. LXVI. Saint-Petersburg, 1896. (In Russ.)
32. Vostorgov I. I. *Russkaya pravoslavnaya missiya v Urmii v 1900 g.* [Russian Orthodox Mission in Urmia in 1900] // *Polnoye sobraniye sochineniy protoiyereya I.I.Vostorgova* [Complete Works of Archpriest I.I. Vostorgov] Volume IV. Moscow, 1916. (In Russ.)
33. Filipov T. I. *Neskol'ko slov o nestorianakh* [A few words about the Nestorians] // *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin]. 1862. Vol.40 (July-August). Pp. 798–820. (In Russ.)
34. *Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive]. F. 1574. Op. 2. D. 282.
35. *Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive]. F. 1579. Op. 1. D. 156.
36. *Prisoyedineniye siro-khaldayskikh nestorian k pravoslavnoy tserkvi* [Accession of the Syro-Chaldean Nestorians to the Orthodox Church] // *Niva*. 1898. № 15. Pp. 297–298. (In Russ.)
37. Rockwell W. W. *The Pitiful Plight of the Assyrianchristians in Persia and Kurdistan*. American Committee for Armenian and Syrian Relief. New York, 1916.
38. Jackson J.H. *The Post-War World: A Short Political History 1918-1934*. Moscow: Sotsekgiz, 1937. (In Russ.)
39. *Vsya Moskva* [All Moscow]. Moscow, 1922. (In Russ.)
40. *Vsya Moskva* [All Moscow]. Moscow, 1923. (In Russ.)
41. Gregoryants K. *Komu pochistit?* [Whose shoes to clean?] // *Pioner* [Pioneer]. 1927. № 9. P. 17.
42. *Vsya Moskva* [All Moscow]. Moscow, 1928. (In Russ.)
43. Abramov S. *Natsional'naya rabota sovetov v gorodakh* [Work of city Soviets with nationalities]. Moscow: Vlast' Sovetov, 1935. (In Russ.)
44. *Obshchedostupnyy putevoditel' po Moskve* [Moscow public guide]. Moscow, 1929. (In Russ.)
45. *Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 7179. Op. 31. D. 63.
46. Polivanov E. *Iz khroniki sovremennykh natsional'nykh grafik SSSR* [From the chronicle of modern national graphic systems in the USSR] // *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. 1928. № 4-5. Pp. 302–306. (In Russ.)
47. *Alfavit Oktyabrya. Itogi vvedeniya novogo alfavita sredi narodov RSFSR* [The Alphabet of October. The results of the introduction of a new alphabet among the peoples of the RSFSR]. Moscow, Leningrad: Vlast Sovetov, 1934. (In Russ.)
48. *Bibliografiya sovetsoy kurdskoy knigi (1921–1960)* [Bibliography of the Soviet Kurdish book (1921–1960)]. Yerevan, Izd-vo AN Arm. SSR, 1962. (In Russ.)
49. Potapov S. *Ob izdanii natsional'nykh uchebnikov* [About the publication of national textbooks] // *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1937. №5 (87). Pp. 76–80. (In Russ.)
50. Bit-Yuhan S. *Sredi sovetkikh assiriytsev* [Among the Soviet Assyrians] // *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1935. №2 (60). Pp. 85–87. (In Russ.)
51. Karneev I. A. *Natsional'nyye kul'turnyye kadry* [National cultural cadres] // *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1933. № 8–9 (42–43). Pp. 98–107. (In Russ.)
52. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. F. 257. Op. 16. D. 139.
53. *Materialy k otchetu o rabote Sovetskogo rayonnogo soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov goroda Moskvy* [Materials for the report on the work of the Soviet District Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies of the City of Moscow]. October 1936. Moscow: 16 tip. tresta "Poligrafkniga", 1936. (In Russ.)
54. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Br 12689.
55. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Br 12690.
56. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Br 12691.
57. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Ar 42863.

58. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Ar 42864.

59. Smirnova T.M. *Akkul'turatsiya novogo gorodskogo naseleniya v leningradskom Dome narodov Vostoka (1928–1937)* [Acculturation of the new urban population in the Leningrad House of the Peoples of the East (1928–1937)] // *Clio*. 2014. № 3 (87). Pp. 93–98. (In Russ.)

60. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. F. 288. Op. 6. D. 19.

61. *Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4363. Оп. 1. Д. 1005.

62. *Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4363. Оп. 1. Д. 991.

63. *Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4363. Оп. 1. Д. 1053.

64. *Martirolog assiryitsev SSSR. 1920–1950-ye gody* [Martyrology of the Assyrians of the USSR. 1920–1950s] / Compiled by hegumen Stefan (Sado). Saint-Petersburg, NP-Print, 2017. (In Russ.)

65. Matveev K.P. *Sovremennyye assirytsy – kto oni?* [Modern Assyrians – who are they?] // *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1969. №. 12. Pp. 112–115. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.08.2022;

Одобрена после рецензирования 23.09.2022;

Принята к публикации 15.10.2022.

Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере Юго-Востока Украины

Н. А. Осипов

Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на территории УССР повлекла за собой важнейшие этнокультурные изменения, которые сказались на создании в будущем независимого украинского государства. Однако данная политика не всегда сопровождалась успехами и одинаковой реакцией в различных регионах Украины. Вместе с тем причины этого мало изучены и требуют профессионального научного исследования. Цель данной статьи состоит в изучении политики украинизации в межвоенный период в Украине для построения сравнительного анализа результатов украинизации на Юго-Востоке Украины. В ходе исследовательской работы были проанализированы статистические данные материалов переписи населения Российской империи 1897 г. и переписи населения СССР 1926 г., а также периодической печати УССР в период с 1925 по 1933 гг. На основе полученных данных сделан вывод, что несмотря на высокие темпы украинизации и значительные успехи в области проведения данной политики встречалось негативное отношение к подобному рода этнокультурным преобразованиям на местах в различных регионах, что в будущем предопределило результаты данной национальной политики. Это впоследствии привело к преобладанию русскоязычного населения на территории Юго-Востока Украины.

Ключевые слова: украинизация, УССР, большевики, округ, городское население, сельское население, Сталинский округ, Артемовский округ.

Для цитирования: Осипов Н. А. Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере Юго-Востока Украины // История повседневности. 2022. № 4. С. 118–137. DOI 10.35231/25422375_2022_4_118

Введение

Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на территории УССР и некоторых территориях РСФСР в рамках национального строительства СССР выражалась в продвижении и внедрении элементов украинского языка и украинской культуры в различные сферы жизни общества, что повлекло за собой важнейшие этнокультурные изменения, которые сказались на создании в будущем независимого украинского государства.

Актуальность предполагаемой научной тематики набирает популярность с конца 1990-х гг. как в украинской, так и российской историографиях. Но при изучении данной темы ученые из двух государств ставят разные акценты в ходе анализа проведения украинизации. Например, по-разному оцениваются причины проведения данной политики, основные движущие силы, характер проведения и результаты политики украинизации. Различные украинские регионы обладали индивидуальной спецификой и рядом особенностей, такими как история заселения, разнообразный этнический и социальный состав, а также занятость населения в разных сферах и профессиях. В связи с этим политика украинизации не могла проходить одинаково на территории всей УССР, вследствие чего результаты и успехи данной политики в тех или иных регионах также имели различные последствия.

Об украинизации начали писать довольно давно, по сути, с 1920-х гг., но вплоть до последнего времени отсутствовали историко-научные исследования, посвященные собственно этой теме, хотя украинизация постоянно рассматривалась в абсолютно всех работах, затрагивавших украинскую историю XX в.

В советских публикациях 1920–1930-х гг. излагалась официальная точка зрения большевиков, в соответствии с которой украинизация рассматривалась как часть государственной политики в СССР, как составная часть культурной революции, которая совместно с коллективизацией и индустриализацией гарантировали победу социализма в Украине к середине 1930-х гг. Например, стоит отметить такие работы, как «Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва» А. А. Хвыли, «Національна проблема на Україні»

В. П. Затонского; «Идеологическая борьба в национальном вопросе» С. М. Диманштейна [1–3].

Такая ситуация сохранялась вплоть до 1980–1990-х гг., когда после снятия многочисленных запретов на тему изысканий и с открытием архивов данные сюжеты стали особенно востребованными в исследовательской сфере. Среди современных российских исследователей это прежде всего Е. Ю. Борисёнок, К. С. Дроздова, С. Е. Кортун, И. Ю. Васильев и др. [4–7].

Однако среди недостатков российской историографии следует отметить часто отсутствующую историко-генетическую связь между национально-культурным возрождением и украинизацией. Также анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности политики украинизации как метода национального строительства, не ограничиваясь при этом лишь ее культурными аспектами. Рассматривать украинизацию необходимо на широком общеполитическом фоне с учетом внутренней и внешней политики центрального партийного руководства.

Особенно важно подчеркнуть не только успехи украинизации в целом по УССР, но и отдельно по регионам, уделить больше внимания проблемам на местах, реакции населения и партийного руководства на проведение политики украинизации в отдельных регионах, прежде всего на Юго-Востоке современной Украины.

Цель данной статьи состоит в изучении политики украинизации в межвоенный период на Украине. Это предопределило следующий комплекс исследовательских задач: изучение этнокультурных характеристик различных регионов Украины до 1917 г., анализ успехов украинизации в целом по Украинской ССР, а также сравнительный анализ этих успехов по Юго-Восточным регионам Украины.

Для достижения поставленной цели были использованы разнообразные источники: материалы переписи населения Российской империи 1897 г. и переписи населения СССР 1926 г., на основе которых был сделан сравнительный анализ этнокультурных характеристик населения Украины, а также периодической печати, прежде всего журналов «Більшовик України», «Освіта Донбасу», «Революції и національності».

Результаты

При анализе всероссийской переписи 1897 г. на территории Украины было выявлено преимущественное большинство украинского населения. Если рассматривать губернии и уезды отдельно, то «картина» представляется немного иной, однако преобладание украинского населения остается за исключением таких губерний, как Таврическая и Херсонская, хотя если в расчёт брать только крымские уезды Таврической губернии, выходит ещё меньший процент украинского населения. Без территории Крыма Таврическая и Херсонская губернии имели преобладающее украинское население [8].

Значительный интерес представляют некоторые уезды Екатеринославской губернии, такие как Екатеринославский, Мариупольский и Славяносербский, которые имели соответственно 55,7 %, 46,1 % и 50,5 % украинского населения, что говорит об условном преобладании украинского населения в данных уездах [8].

Городское и сельское население было неодинаковым по своему национальному составу. В городах Украины, как правило, преобладали великороссы или же носители русской культуры и русского языка. Хотя данная тенденция была не всеохватывающей. Например, по своему этническому составу города Юго-Восточной Украины были, как правило, русскими, центральные – украинскими, а правобережные – еврейскими. Мещанство, духовенство и купечество на территории Юго-Востока Украины также было преимущественно русскоязычным, что обуславливалось, с одной стороны, вхождением этих территорий в состав России раньше, чем Правобережье, а с другой – внутренним освоением этих земель в начале XIX в. выходцами из различных регионов Российской империи, как например, в случае с Новороссией [8].

Однако если рассматривать данный регион включая крестьянское население, которого было большинство, процент украиноязычного населения был подавляющим [8].

После Великой российской революции 1917–1922 гг., образования Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г. началось строительство новой державы, что выразилось в том числе и в ходе проведения национальной политики.

Перепись населения 1926 г. зафиксировала, что на территории Украинской ССР проживало 29 млн чел., из которых украинцы составляли 80,1 %, русские 9,2 % и евреи 5,4 % от общего числа населения [9, с. 63].

Особый интерес представляют регионы, где число украинцев приближалось к 50 %, однако и там украинцы составляли относительное большинство. Так, например, на территории Одесского округа проживало 64,6 % украинцев, в Таганрогском – 71,5 % и Донецком – 61,5 % [9, с. 64].

Перепись населения 1926 г. также подтвердила специфику городского и сельского населения по этническому признаку – преимущественно крестьянский характер украинского населения макрорегиона. Так, доля украинцев в городах составляла в среднем 47,4 % и колебалась от 36 % в Днепропетровске, 38,3 % Харькове, 42,7 % Киеве до 68,3 % в Полтаве, 76,3 % Нежине, 88,3 % Купянске, Старобельске. На основании переписи можно сделать вполне обоснованный вывод о низкой степени урбанизированности украинской части населения республики: только 10,9 % было городским, в то время как 89,1 % проживало в сельской местности. В то же время аналогичные показатели для русского населения составили 50,2 % и 49,8 % соответственно, а еврейского – 74,4 % и 22,6 % [9, с. 65].

По родному языку население УССР имело следующую «картину»: 76,4 % населения считало своим родным языком украинский и разговаривало на нем дома, в городе – 35,8 % и 85,7 % – на селе. Стоит вспомнить, что украинцев в республике насчитывалось 80 %, что говорит о том, что часть украинского населения была ассимилирована и перешла на русский язык, усвоив русскую культуру [9, с. 66].

Языком своей национальности среди украинцев разговаривало 94,1 % населения, из которых 74,5 % – городское [9, с. 67].

Большинство украинского населения Украинской ССР было задействовано в сельском хозяйстве (87,5 %). Для сравнения: в промышленности было занято 3,6 % украинского населения, данные показатели в строительстве и на железнодорожном транспорте были еще ниже [9, с. 69].

Профессиональный характер населения УССР выглядел следующим образом: украинцев среди работников было 54,6 %, госслужащих – 51,7 %, военных и моряков – 49,9 %, предста-

вителей свободных профессий – 47,9 % [9, с. 70]. Среди рабочих украинцев было 82,2 % в среде металлостроителей, 72,7 % – железнодорожников, 37,9 % – строителей, 32,5 % – типографов, 82,2 % – среди сельскохозяйственных работников [9, с. 75].

Сравнение статистических данных за 30 лет позволяет сделать вывод о том, что к середине 1920-х гг. сохранилось преобладание украинцев в общей массе населения республики. Они по-прежнему были слабо затронуты урбанизацией и в хозяйственном отношении сохраняли связь с аграрным сектором. Но к этому времени обозначилась важная тенденция – относительный рост украинцев среди рабочих промышленных предприятий и государственных служащих. Использование большинством украинцев родного языка создавало определенную почву для реализации мероприятий по украинизации.

На XII съезде РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. были обсуждены вопросы о характере суверенности республик в составе СССР и политике коренизации. Таким образом официально началось проведение политики украинизации можно отсчитывать с этого момента [10].

В области проведения политики украинизации Пленум ЦК КП(б)У в целом отметил значительные успехи за 1925 г. Так, в правительстве УССР 36,3 % составили украинцы, 31,8 % – русские, 16,8 % – евреи и 15,1 % – представители других национальностей. Правда, лишь 23,9 % из них владели украинским языком. Совершенно иная картина наблюдалась на окружном уровне: здесь среди государственных служащих знали украинский язык 67 %. Делопроизводство на украинском языке в 1925 г. велось на 25 %, а в 1926 г. – уже на 65 %. Членами и кандидатами в ЦК КП(б)У в 1927 г. было 35,3 % украинцев. В составе политбюро украинцев на 1925 г. было 42,8 %, а в 1926 г. – 66,6 % [11, с. 25].

За короткий срок произошли изменения и в партийной среде. На 1 января 1924 г. в КП(б)У насчитывалось 57 тыс. членов, среди которых украинцы составили треть, тогда как русские и евреи составили почти 60 % (45,1 и 14,0 соответственно). На 1 января 1925 г. в партии состояло 101 852 чел., из них украинцев было 37,0 %, русских – 43,5 %, евреев – 11,9 %. На 1 января 1926 г. членов партии уже было 152 тыс., украинцев – 43,9 %, русских – 37,0 %, евреев – 11,4 % [11, с. 14]. Таким образом, с од-

ной стороны, наблюдался резкий рост общего числа членов партии, с другой – доля русских постепенно сокращалась, а украинцев в партийных рядах становилось больше.

Подобная тенденция отмечалась и в других структурах. На 1 апреля 1924 г. украинцев среди членов ЛКСМ было 50,9 %, 1 апреля 1926 г. – уже 67,1 %. Среди секретарей окружных комитетов комсомола украинцев было 51,3 %, среди них владели украинским языком 65 %. В составе членов ЦК ЛКСМ украинцев было 40,7 %, а кандидатов – 60 % [11, с. 26].

В центральных профсоюзных органах Украинской ССР в 1925 г. 39 % составляли этнические украинцы. Школа была украинизирована на 79,4 %, ликбез – на 80 %, профшколы – на 51,8 %, техникумы – на 45,7 %, рабфаки – на 28 %, институты – на 28,5 %. В среде пролетариата среди самих украинцев 50 % владело украинским языком [11, с. 15].

На 1 января 1926 г. в партийной организации из общего числа членов партии украинцев было 43,9 %, 1 января 1927 г. – 45 %. В 1926 г. за 9 месяцев среди принятых в партию украинцев было 54,8 %. В составе индустриальных групп населения украинцев было 41,6 %, связи и транспорта – 64,6 % [11, с. 24].

Перед 1927 г. в составе окружных исполкомов после последних перевыборов украинцев было 60 %, в самом 1927 г. в райисполкомах украинцев стало уже 80,3 %, а в сельсоветах – 88,5 % [11, с. 28].

В составе сельских и промышленных райкомов украинцы имели большинство: 64,5 % и 46,1 % соответственно. В то же время на долю партийных функционеров из числа русских приходилось 20,2 % и 44,9 % соответственно. Во время созыва окружных пленумов партийных комитетов их национальный состав выглядел таким образом: 1923 г. – 31,9 % украинцев, 1924 г. – 34,3 %, 1925 г. – 38,9 %, 1926 г. – 48,8 % [11, с. 25].

Приведенные статистические данные свидетельствуют об увеличении представителей украинской национальности в государственных органах власти, а также в профсоюзах и различных партийных организациях как на республиканском уровне, так и региональном.

Реализация украинизации в повседневной жизни была невозможна без массовой подготовки кадров для работы на низовом уровне. Если в 1924/25 учебном году не было ни одной

украинской партийной школы, то в 1925/26 уч. г. они составили уже 10 % от городских и 55 % сельских. Преподавателей, владеющих украинским языком, насчитывалось 72 %. Среди городских работников агитации и пропаганды, владеющих украинским языком, было 19 %, а сельских – 64 %. Среди слушателей курсов окружных партработников 72 % владело украинском языком [11, с. 14].

Коренизации должна была способствовать и выпускавшаяся на национальном языке печатная продукция. Ее объемы постепенно увеличивались. Так, если в 1924 г. общий перечень наименований составил лишь 27 тыс. единиц, то в 1926 г. – уже 90 тыс. Кроме того, в 1925 г. объем печатной продукции на украинском языке составил 58 % [11, с. 14].

Повседневная украинизация реализовывалась посредством образования на разных уровнях. Например, в Коммунистическом университете им. Артема в г. Харькове с 1923/24 по 1926/27 учебные годы количество слушателей украинской национальности выросло с 31 % до 53,2 %. Процент преподавателей украинцев вырос с 27,6 % до 34,8 %. Школы политграмоты были украинизированы на 60,7 %, а выездные – на 74,3 % [11, с. 27].

Характеризуя более детально ситуацию по отдельным регионам, можно увидеть, что в Артемовском округе украинцев было 72,7 %, среди них 46,9 % учеников в трудовых школах, в Луганском – 51,8 % и 20,4 %, в Сталинском – 53,4 % и 35,5 % соответственно. В городах ситуация несколько другая: в Днепрпетровске украинцев было всего 36 %, а учеников трудовых школ – 11,5 %, в г. Сталино – 26,1 % и 1,0 %, Конотопе – 67,5 % и 39,7 %, Мариуполе – 32,9 % и 5,2 %, Чернигове – 57 % и 37,8 %, Николаеве – 29,8 % и 15,2 % соответственно [12].

Как видим, население УССР в указанных регионах было представлено непропорционально среди учеников трудовых школ.

Необычное явление наблюдалось в украинских индустриальных взах. Из-за того, что украинской профессуры катастрофически не хватало, «темпы украинизации» шел очень медленно, происходил процесс деукраинизации в связи с тем, что молодежь из трудовых и профессиональных школ приходила в вуз украинизированной, а в вузе русифицировалась. Однако процент украинцев среди студентов все же увеличивался, на-

пример, в 1923/24 учебном году в составе набора в институты украинцев было 43,7 %, а в 1928/1929 учебном году – 62,8 %, в составе набора в техникумы – 48,8 % и 64 % соответственно [13, с. 50].

Что касается национального состава студенчества, то на 1929 год в Харьковском политехническом университете было 37 % украинцев, в Одесском институте народного образования – 41 %, Киевском политехническом институте – 45 %, Днепропетровском государственном институте – 50 %, Киевском институте народного образования – 69 %, Каменец-Подольском институте народного образования – 80 %. Всего по республике процент украинцев среди студенчества достигал 62,8 %, для вузов – 64 %, а для втузов – 48 %, что показывало тенденцию увеличения числа украинцев среди студенчества в целом по УССР [14, с. 87].

Во время командировки одного из работников комсомола в Луганск им была отмечена интересная ситуация, которая случилась на шахте № 5–9. На вопрос «Сколько украинцев в своем окружении работники шахты имеют», он получал такой ответ: «Пять». А на вопрос «На каком языке вы разговариваете дома?» ответ был таким: «На каком? Хохляцком!». На вопрос «Сколько всего хохлов среди работников шахты» он получил ответ: «Все».

Данная ситуация говорит о том, что в результате отсутствия государственности на Украине во времена Российской империи крестьянское украинское население не было охвачено образованием, а если и было, то в рамках российской образовательной системы, вследствие чего различным этническим группам украинцев не были «привиты» такие понятия, как «Украина» и «украинцы», хотя фактически с точки зрения лингвистики они разговаривали на юго-восточном диалекте украинского языка [13, с. 53].

Медведев в своей статье «Підсумки культурного походу комсомола України» писал, что в различных политических и других кругах в 20-е гг. XX в. бытовало мнение, что из-за преобладания русской культуры среди пролетариата Донбасса политика украинизации провалится в данном регионе, однако, по мнению автора статьи, эти «предсказания» не сбылись и успехи в ходе национально-культурного строительства и в данном регионе есть [15, с. 6].

Если анализировать состав партийных школ на Донбассе, то видно, что в Артемовском округе в окружной партшколе насчитывалось украинцев 63,5 %, рабочих среди них – 82 %. Однако местные работники не испытывали особого энтузиазма к украинизации партийной школы. Например, количество лекций на украинском языке составляло 51 % на первом курсе, а на втором – 34 %. В библиотеки за первый семестр поступило 29,5 % книг на украинском языке, когда на русском – 70,5 % [3, с. 38].

Также во время проверки служащие г. Артемовска получили по украинизации первую категорию – 287 чел., вторую – 495, третью – 267 и совсем не прошли проверку 839, т. е. 39,5 %. В целом по округу всего было 8323 служащих, из которых первую категорию получили 10,2 %, вторую – 18,1 %, третью – 18 % и не прошли 44,25 %. Если рассматривать украинизацию учреждений, которые непосредственно работали с крестьянством и рабочими, не прошли проверку 58,5 % служащих данных учреждений [3, с. 38].

Среди всех газет, которые издавались в Артемовском округе только 23 выходило на украинском языке [3, с. 43].

В статье А. Хвыли «Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва» приводился такой случай: забойщик узлового рудника по фамилии Педь утверждал, что, когда проживал на Полтавщине, читал и говорил на украинском языке, а приехав на Донбасс, отвык, и когда привезли 60 книг, а из них 50 % оказалось на украинском языке, для него это было великое событие [3, с. 43].

В этой связи местные власти критиковались столицей за нежелание работать с украинскими книгами, проводить украинизацию и обвинялись в русификации населения.

В Сталинском округе ситуация была примерно такой же. Среди работников, занимающихся украинизацией, только 6 % знали украинский язык, всего в округе было 53 % украинского населения, а среди работников кооперации в количестве 1169 чел. знали украинский язык опять-таки 6 %, а канцелярских работников – 48 %. Украинизация аппарата окружного КП(б)У и сталинского ОПК за 1929 г. не прошла проверку, всего ответственных работников было 31 чел., украинцев – 7 чел., знали украинский – 14 чел.; технический аппарат насчитывал

25 чел., украинцев – 7 чел., знали украинский язык – 13 чел. [3, с. 43].

Вместе с тем украинизаторы рассчитывали на достижение поставленных целей. Так, в статье С. Карпенко «Початкову і середню школу – на вищий щабель» отмечалось, что успешность украинизации в таких крупных городах, как Харьков, Киев, Днепропетровск, варьируется от 92 % до 95 %, а также «отличные результаты дают отдельные районы Донбасса», например Артемовский округ. Хотя в сельских районах картина другая, успешность достигает только на 80 %, где-то даже на 75 % [16, с. 30].

В 1931 г. на VII пленуме ВУРСИ был обозначен рост числа украинцев в профсоюзной кассе за период 1926–1931 гг. – от 49,9 % до 58,6 %. Рабочих-украинцев в 1926 г. было 41,6 %, а в 1931 г. 52 %. В обществе транспорта и связи число украинцев выросло с 64,6 % до 73,9 %. Аналогичный процесс с 1926 г. по 1931 г. наблюдался среди индустриального пролетариата: среди горняков – с 35,7 % до 49,9 %, металлистов – с 44,9 % до 52,6 %. Процент украинцев в составе пленумов ВУКов с 1929 г. по 1932 г. вырос с 49,9 % по 58,2 %, на выборных должностях – с 36,6 % до 48,1 % [17, с. 125].

Однако случаи неудовлетворительного проведения политики украинизации, негативное отношение к ней и даже противодействие встречались в различных группах населения на территории разных районов УССР. Так, в Краматорске заведующий тарифно-экономического подотдела заводоуправления Файнберг заявлял: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один». На оргмассовом секторе завода «Серп и молот» в рабочий Титов задан вопрос бригаде о том, что происходит в деле национально-культурного строительства и, в частности, украинизации и получил следующий ответ: «Теперь нет времени на эту работу».

Другой работник приводил слова руководителей разного уровня: «Т. Жаворонков (зав. Константиновского культсектора) говорил: “Дело украинизации – это дело неважное; клубные работники перегружены работой, поэтому и не посещают кружки украинского языка”. Также ответил глава цехкома Краматорского завода, тов. Секретар: “Нам некогда занимать»

ся украинизацией, когда у нас в цехоме стоят серьёзные вопросы» [17, с. 125].

В 1929 г. процент тех, кто разговаривал на украинском языке в семье, был 44 %, умели читать 58,2 %, среди промышленных работников – 32,3 % и 43 % соответственно. Среди украинских металлистов было 45,9 %, горных – 65,0 % говорящих в семье на украинском языке [17, с. 126].

Однако подавляющее большинство работников всеукраинского и низового профаппарата использовали в своей работе русский [17, с. 127]. На первом месте среди таких обществ были угольщики, железнодорожники, строители, металлурги, машиностроители. На Днепрельстане, несмотря на то что 65 % рабочих были украинцами, РК строителей проводил всю работу на русском языке. На заводах им. Петровского, им. Ленина, им. Ворошилова, им. Ильича (Мариуполь), на Харьковском заводе ДЭЗ, ХПЗМ «Серп и молот», «Свет шахтера» ситуация была аналогичная, несмотря на то что большинство работников были украинцами [17, с. 127].

Большинство распоряжений, указов и отчетов велась на русском языке, а пояснялось это таким образом: «Мы – заводы всесоюзного значения, дело имеем в основном с Москвой, поэтому украинизация для нас не обязательна» [17, с. 128].

На машиностроительном заводе в Краматорске секретарь цех-среды главной конторы т. Локотош прямо заявлял: «Если украинизировать главную контору на 100 %, значит снизить производительность труда на 20 %» [17, с. 128].

Работник Киевского паротягремонтного завода Панасевич отмечал: «... ведь у нас на заводе есть много инженеров, хотя ни от одного не слышно какого-нибудь украинского слова. Никогда. И вот когда рядовой работник, что приходит из села, обращается к инженеру на украинском языке, а тот отвечает на русском, выходит что-то неприемлемое. Ведь эти инженеры проходили курсы украинизации, сдавали экзамены, получали и первую и вторую категории, в тот же момент никогда не используют украинский» [17, с. 128].

Чаще всего отказ от политики украинизации наблюдался в регионах Юго-Востока Украины, в частности на Донбассе. Еще Постановление СНК УССР от 29 августа 1924 г. «О выделении национальных районов и советов» определяло Донбасс

как регион с многонациональным составом населения. Это давало возможность решить проблему украинизации путем разделения Луганского округа на украинские и русские районы [18, с. 94–95].

Всего из девяти районов УССР, которые определялись районами с преобладающим русским населением и не подлежали обязательной украинизации, три находились в Луганском округе. 8 июня 1927 г. на заседании окружной административно-территориальной комиссии было принято постановление, что следует считать национально русскими также Алчевский район и г. Луганск, в связи с большой долей русского населения (46,8 % и 43,99 % соответственно). По итогам 1927 г. Сорокинская, Петровская, Станично-Луганская районные комиссии по украинизации были ликвидированы [19, с. 173; 18].

Согласно переписи 1926 г., украинцы составляли чуть больше половины населения Луганского округа – 51,65 %, а русские – 42,74 %. В самом Луганске их было практически поровну: 43,37 % и 43,56 %. Причем в программе переписи национальность и родной язык были отдельными вопросами. Поэтому по языку национальная пропорция была иная: 57,44 % – русские и 38,02 % – украиноязычные [20, с. 15].

В Луганском округе планировалось открытие 16 украинских школ, 28 – в Старобельском, 21 – в Юзовском и 11 – в Мариупольском. Чтобы укомплектовать украиноязычные школы, в данный регион направлялись учителя с Правобережья или Полтавщины. Однако местное население воспринимало их негативно. Так эмоционально говорил ответственный секретарь Донецкого губкома КП(б)У Радченко на апрельском пленуме 1925 г.: «Вы знаете, что мы только в прошлом году получили из Полтавы и Волыни некоторое количество украинских учителей, которые политически не с нами, и являются явными петлюровцами... А знаете ли вы, что когда мы начали украинизироваться, то нашли единственного человека в губисполкоме, который знал украинский язык. Это был бывший регент, который сидел в концлагере, и это он учил украинскому языку наших сотрудников. Мы, конечно, не так ставим вопрос, как в Киеве, где выгоняли тех, кто не знает украинского языка» [21, с. 85–88].

Несмотря на протесты в некоторых кругах, украинизация продолжалась. В русскоязычном Донбассе в 1923 г. издавалось семь журналов, из которых пять выходили на русском языке, и девять газет, из которых восемь издавались на русском языке, а одна – на двух языках одновременно. В 1934 г. в Донецкой области из 36 местных газет 23 были полностью украиноязычными, восемь были на 2/3 украиноязычными, три издавались на греко-эллинском языке. Русских газет осталось всего лишь две. В 1932 г. в Мариуполе, одном из самых интернациональных городов Донбасса, не осталось ни одного русского класса в школах. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6 %) были украинскими, а еще 207 (9,3 %) – украинско-русскими [18, с. 102].

Многие газеты печатали заголовки на украинском языке, а содержание статей – по-русски. При этом отчитывались о том, что они являются частично украинизированными. Некоторые проверяющие закрывали на это глаза, а некоторые наказывали редакторов.

Отчеты проверяющих констатировали ситуацию в Сталинской области: «Издающаяся на украинском языке газета “Коммунист” – орган ЦК КП(б)У распределяется по разверстке, и ее не читают» [19, с. 173].

Пик украинизации образования Донбасса пришелся на 1932–1933 гг. В этом учебном году в русскоязычной Макеевке не осталось ни одного русскоязычного класса в начальной школе, что вызвало бурные протесты родителей. В октябре 1934 г. IV пленум Донецкого обкома КП(б)У требовал: «строго соблюдать украинизацию советских органов, решительно борясь со всякими попытками врагов ослабить украинизацию». А ранее, в апреле 1934 г., тот же обком принял волевое решение «О языке городских и районных газет Донбасса», согласно которому полностью переводились на украинский язык 23 из 36 местных газет, еще восемь должны были печатать как минимум две трети информации по-украински и лишь две газеты области решено было оставить на русском языке [22].

С 1933 г. началась борьба с «перегибами» в украинизации. При этом вплоть до 1941 г. партийные органы периодически отчитывались о состоянии украинизации прессы. К 1938 г.

из 63 газет Сталинской области 28 (44,3 %) выходили на украинском языке, 17 (26,9 %) были двуязычными» [23].

Действительно, с послаблением начала 1930-х гг. доля русского языка в общественной жизни начала потихоньку расти. В 1933 г. вернулась на русский язык «Луганская правда». В 1935 г. при обследовании Сталинского горсовета выяснилось, что если ранее работа велась на украинском, то «начиная с 1933 г. в связи с общим ослаблением украинизации в парторганизации вся работа в 1934–35 гг. проводится на русском языке». Зампредседателя горсовета отметил, что весь технический аппарат украинского языка не знает.

Однако официального решения о прекращении политики украинизации так никогда и не было принято. Доля украинских коммунистов в Донбассе продолжала расти, достигнув к 1941 г. 55,6 %, а доля русских снизилась до 35,6 % (накануне украинизации в 1922 г. в партийных организациях Донбасса было 69 % русских и 16,6 % украинцев) [18].

Серьезное обсуждение адаптированной к местным условиям коренизации и ее последствий началось с публикации заведующего орготделом Сталинского райпарткома Г. Афонина «Украинизацию нужно проводить в меру». В статье отражено конфликтное восприятие политики правительства. Автор выступил против украинизации делопроизводства городского совета, милиции и других учреждений (аргументировал тем, что население города и промышленных окраин на 80 % русское); постановления об обязательной публикации объявлений и афиш на двух языках, так как это ведет к лишним тратам; общей украинизации школ округа; украинских субтитров к кинолентам, так как подавляющее большинство зрителей в промышленных районах русские.

В заключение Г. Афонин подчеркнул, что украинизацию следует проводить в меру, учитывая национальный состав отдельных населенных пунктов (особенно крупных), «чтобы наша национальная политика не шла вразрез с интересами большинства жителей», превращаясь в сверхукраинизацию, что можно расценивать как уклон [24, с. 109].

Публикация вызвала широкий резонанс, первым ее критиком стал секретарь Сталинского окружного комитета КП(б)У К. Моисеенко. В статье «Об “украинизации” и “украинизато-

рах” в меру» он опроверг все замечания предыдущего автора, назвав их примером непонимания линии партии. Так, на выпад по поводу кинокартин читатели получили такой ответ: «Субтитры на украинском – это мощный рычаг, с помощью которого прививаются знания языка широким массам вообще и рабочим в частности». Партийный функционер уверенно отстаивал необходимость украинизации региона [24, с. 109].

Признавая сложность задачи и наличие уже допущенных ошибок, К. Моисеенко категорически отрицал обособленность интересов населения промышленных районов, протестовал против предложений Г. Афонина, так как считал, что они «не сдвинут с места реформу» [24, с. 110].

Общественное мнение по поводу целесообразности украинизации Донбасса было неоднородным, настроения различных социальных групп – противоречивыми. Приверженцы противоположных концепций национально-культурного развития региона позволяли себе радикальные высказывания, отказываясь слышать друг друга, искать компромисс. В результате появлялись жалобы и тайные письма, адресованные редакциям газет или органам власти, которые, как правило, не были опубликованы и сохранились в архивах. Анализ этих документов позволяет утверждать, что жесткие официальные требования в сжатые сроки украинизировать учреждения Донбасса, как и фанатичное отрицание всей кампании, не приводили к значимым результатам.

С другой стороны, сторонники и противники политики в равной степени участвовали в дебатах, опираясь на постановления правительства и линию партии. Более того, в качестве трибуны для ознакомления наибольшего количества граждан с определенной позицией активно использовали страницы местной прессы («Диктатура труда», «Просвещение Донбасса» и др.) [24, с. 112].

Ораторы, занимавшие диаметрально противоположные позиции, завершали свои выступления приблизительно одинаково: «необходимо решительно пресекать как российский, так и украинский шовинизм» [24, с. 114].

Выводы

Изучение материалов переписи населения 1897 г. в Рос-

сийской империи показало, что на территории современной Украины преобладали лица украинской национальности, большинство из которых было представлено крестьянским населением. Среди горожан в основном преобладал русский язык и русская культура.

После образования СССР и начала политики украинизации число украинцев стало стремительно расти как среди членов партии, различных ее общественных организаций, государственного аппарата на республиканском и региональном уровнях, так и среди студенчества, учителей и др. Школа, театры, издательство и пресса также в подавляющем случае были украинизированы.

Однако несмотря на высокие темпы украинизации и значительные успехи в области проведения данной политики имелись определенные сложности в ходе ее реализации. Так, встречалось негативное отношение к украинизации в различных кругах на местах; многие предприятия были союзными, вследствие чего преимущественно работали в рамках всего СССР; значительная часть профессуры вузов была русскоязычной; ощущалась острая нехватка книг и материалов на украинском языке; местные власти не обладали полноценными ресурсами для проведения политики украинизации, а часто и не хотели этим заниматься; территория некоторых регионов УССР была многонациональной; украинское население вливалось в различные сферы общества, вузы, предприятия и организации пропорционально, что скорее приводило к переходу на культуру большинства окружения в тот момент времени, т. е. ассимиляции.

Все это в дальнейшем предопределило на практике фактически различный уровень украинизации в тех или иных регионах, во многом даже к ее провалу в различных округах УССР, что впоследствии привело к преобладанию русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины.

Список литературы

1. Диманштейн С. М. Идеологическая борьба в национальном вопросе // Революция и Национальности. – 1930. – №. 3. – С. 5–22. [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000262891?page=22&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.07.2022).

2. Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–33.
3. Хвиля А. Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва // Більшовик України. – 1930. – № 13–14. – С. 38–56.
4. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
5. Васильев И. Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. – 2016. – № 2(6). – С. 185–194. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26396242&> (дата обращения: 20.07.2022).
6. Дроздов К. С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации в 1920–1930-е гг // Славянский альманах. – 2017. – № 3-4. С. 294–314 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-yazyk-i-osobennosti-ego-prepodavaniya-v-shkolah-rsfsr-v-period-provedeniya-politiki-ukrainizatsii-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 23.07.2022).
7. Коротун С. Н. Украинизация Воронежского края в 1923–1932 годах // Вестник Пермского университета. Сер.: История. – 2017. – № 4(39). – С. 101–108. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30720880> (дата обращения: 23.07.2022).
8. Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века. [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 05.07.2022).
9. Мінаєв С. В. До основних підсумків поголового перепису населення України // Більшовик України. – 1928. – №15–16. – С. 51–83.
10. 12-й съезд РКП(б) (17-22 апреля 1923 года): стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1968. 904 с.
11. Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–33.
12. Полоцький О. Загальне навчання та ліквідація неписьменності // Більшовик України. – 1928. – № 18. – С. 59–76.
13. Голуб Ф. ЛКСМ в національно-культурному будівництві // Більшовик України. – 1929. – № 7–8. – С. 49–61.
14. Волков В. Стан вузів України // Більшовик України. – 1929. – № 17–18. – С. 80–98.
15. Кроткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. – Харків, 1928. 210 с.
16. Карпенко С. Початкову і середню школу – на вищий щабель // Більшовик України. – 1932. – № 16. – С. 29–33.
17. Потапчик М. Робітницька класа України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. – 1932. – № 5-6. – С. 123–134.
18. Федоровский Ю.Р. Первая советская украинизация Луганщины // Культурный ландшафт регионов. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-sovetskaya-ukrainizatsiya-luganshiny> (дата обращения: 05.07.2022).
19. Бельдюгин В. А. История Отечества: курс лекций // С. В. Пробейголова, Ю. Р. Федоровский. Луганск: ЛНУ имени В. Даля. 2017. 288 с.
20. Кравченко В. Немецкие колонии на Луганщине // Жизнь Луганска. – 1999. – № 6 (423). – С. 9.
21. Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки [за ред. В.А. Смолія]. К.: Інститут історії України НАНУ, 2003. 392 с.
22. Корниенко М. Украинский националист Иосиф Сталин. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.komitet.net.ua/article/print/63461/> (дата обращения: 04.07.2022).
23. Советская украинизация Донбасса. [Электронный ресурс]. – URL: <https://donbassrus.livejournal.com/1115521.html> (дата обращения: 05.07.2022).
24. Дмитрик И. А. Украинизация Донбасса в 1923–1938 гг.: Общественное мнение // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 105–114.

The policy of Ukrainization in the 1920s–1930s on the example of the South-East of Ukraine

Nikita A. Osipov

The policy of Ukrainization in the 1920s–1930s on the territory of the Ukrainian SSR entailed the most important ethno-cultural changes that influenced the creation of an independent Ukrainian state in the future. However, this policy has not always been accompanied by success and the same reaction in different regions of Ukraine, but the reasons for this are poorly understood and require professional scientific research. In this regard, the purpose of this article is to study the policy of Ukrainization in the interwar period in Ukraine, to build a comparative analysis of the results of Ukrainization in the South-East of Ukraine. In the course of the research work, statistical data of the materials of the population census of the Russian Empire in 1897 and the population census of the USSR in 1926, as well as the periodical press of the Ukrainian SSR in the period from 1925 to 1933 were analysed. Based on the data obtained, it is concluded that, despite the high rates of Ukrainization and significant successes in the implementation of this policy, a negative attitude towards such ethno-cultural transformations has developed in various regions. This further predetermined the results of such a national policy, including negative ones in some regions of the Ukrainian SSR, which subsequently led to the predominance of the Russian-speaking population on the territory of the South-East of Ukraine.

Key words: Ukrainization, Ukrainian SSR, Bolsheviks, district, urban population, rural population, Stalinsky district, Artemovsky district.

For citation: Osipov, N. A. (2022). Politika ukrainizacii v 1920–1930-e gg. na primere YUgo-Vostoka Ukrainy [The policy of Ukrainization in the 1920s – 1930s on the example of the South-East of Ukraine]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 118–137. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_118

References

1. Dimanshtejn S. M. *Ideologicheskaja bor'ba v nacional'nom voprose* [Ideological struggle in the national question] // *Revoljucija i Nacional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1930. № 3. Pp. 5–22. – Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_60000262891?page=22&rotate=0&theme=white (accessed 20 June 2022). (In Russ.)
2. Zaton's'kij V. P. *Materiali do ukrains'kogo nacional'nogo pitannja* [Materials for Ukrainian National Nutrition] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1927. № 6. Pp. 9–33. (In Ukr.)
3. Hvilja A. *Proletariat i praktichne rozgortannja nacional'no-kul'turnogo budivnictva* [Proletariat and practical deployment of national and cultural construction] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1930. №13-14. Pp. 38–56. (In Ukr.)
4. Borisjonok E. Ju. *Fenomen sovetskoj ukrainizacii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s]. Moscow: Europe, 2006. (In Russ.)
5. Vasil'ev I. Ju. *Ukrainizacija i korenizacija: razlichie i shodstvo programm* [Ukrainization and Korenization: difference and similarity of programs] // *Istoricheskij format* [Historical format]. 2016. № 2(6). Pp. 185–194. – Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26396242> & (accessed 20 June 2022). (In Russ.)
6. Drozdov K. S. *Ukrainskij jazyk i osobennosti ego prepodavanija v shkolah RSFSR v period provedenija politiki ukrainizacii v 1920–1930-e gg.* [The Ukrainian language and the peculiarities of its teaching in schools of the RSFSR during the policy of Ukrainization in the 1920s–1930s] // *Slavjanskij al'manah* [Slavic Almanac]. 2017. № 3–4.

Pp. 294–314. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskij-yazyk-i-osobnosti-ego-prepodavaniya-v-shkolah-rsfrs-v-period-provedeniya-politiki-ukrainizatsii-v-1920-1930-e-gg> (accessed 23 June 2022). (In Russ.)

7. Korotun S. N. *Ukrainizacija Voronezhskogo kraja v 1923–1932 godah* [Ukrainization of the Voronezh Region in 1923–1932] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istorija* [Bulletin of the Perm University. Ser.: History]. 2017. № 4(39). Pp. 101–108. – Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30720880> (accessed 23 June 2022) (In Russ.)

8. *Professii i zanjatiya naselenija Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX veka* [Professions and occupations of the population of the Russian Empire of the late XIX – early XX century]. – Available at: <http://stat1897.histcen-sus.asu.ru/data/> (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

9. Minaev S. V. *Do osnovnih pidsumkiv pogolovnogo perepisu naselennja Ukraini* [To the main results of the general census of the population of Ukraine] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1928. № 15–16. Pp. 51–83. (In Ukr.)

10. *12-j s'ezd RKP(b) (17–22 aprelja 1923 goda): Stenograficheskij otchet* [The 12th Congress of the RCP(b) (April 17–22, 1923): Verbatim report]. Moscow: Gospolitizdat, 1968. (In Russ.)

11. Zaton'skij V. P. *Materiali do ukrains'kogo nacional'nogo pitannya* [Materials for Ukrainian National Nutrition] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1927. № 6. Pp. 9–33. (In Ukr.)

12. Poloc'kij O. *Zagal'ne navchannya ta likvidacija nepis'mennosti* [General Training and elimination of illiteracy] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1928. № 18. Pp. 59–76. (In Ukr.)

13. Golub F. *LKSM v nacional'no-kul'turnomu budivnictvi* [LKSM in the national-cultural construction] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1929. № 7–8. Pp. 49–61. (In Ukr.)

14. Volkov V. *Stan vuziv Ukraini* [State of higher education institutions of Ukraine] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1929. № 17–18. Pp. 80–98. (In Ukr.)

15. *Krotki pidsumki perepisu naselennja Ukraini 17 grudnja 1926* [Brief Results of the population census of Ukraine on December 17, 1926]. Kharkiv, 1928. (In Ukr.)

16. Karpenko S. *Pochatkovu i serednju shkolu – na vishnij shhabel'* [Primary and Secondary School] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1932. № 16. Pp. 29–33. (In Ukr.)

17. Potapchik M. *Robitnic'ka kljasa Ukraini v nacional'no-kul'turnomu budivnictvi* [Working class of Ukraine in national and cultural construction] // *Bil'shovik Ukraini* [Bolshevik of Ukraine]. 1932. № 5–6. Pp. 123–134. (In Ukr.)

18. Fedorovskij Ju. R. *Pervaja sovsetskaja ukrainizacija Luganshhiny* [The first Soviet Ukrainization of the Luhansk region] // *Kul'turnyj landshaft regionov* [Cultural landscape of the regions]. 2020. № 1. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-sovsetskaya-ukrainizatsiya-luganshiny> (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

19. Bel'djugin V. A. *Istorija Otechestva: kurs lekcij* [History of the Fatherland: course of lectures] / S.V. Probezolova Ju.R. Fedorovskij. Lugansk: LNU named after V. Dahl, 2017. (In Russ.)

20. Kravchenko V. *Nemeckie kolonii na Luganshshine* [German colonies in Luhansk region] // *Zhizn' Luganska* [Life of Lugansk]. 1999. № 6 (423). P. 9. (In Russ.)

21. «Ukrainizacija» 1920-30-h rokov: *peredumovi, zdobutki, uroki* [za red. V. A. Smolija] [Ukrainization" of the 1920s and 30s: prerequisites, achievements, lessons [edited by V. A. Smolij]]. Moscow: Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2003. (In Ukr.)

22. Kornienko M. *Ukrainskij nacionalist Iosif Stalin* [Ukrainian nationalist Joseph Stalin]. – Available at: <http://www.komitet.net.ua/article/print/63461/> (accessed 04 June 2022). (In Russ.)

23. *Sovetskaja ukrainizacija Donbassa* [Soviet Ukrainization of Donbass]. – Available at: <https://donbassrus.livejournal.com/1115521.html> (accessed 05 June 2022). (In Russ.)

24. Dmitriuk I. A. *Ukrainizacija Donbassa v 1923–1938 gg.: Obshhestvennoe mnenie* [Ukrainization of Donbass in 1923–1938: Public opinion] // *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920s – 1950s: proceedings of the VI International Scientific Conference. Kiev, October 10–12, 2013]. Moscow: ROSSPEN, 2014. Pp. 105–114. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
Одобрена после рецензирования 23.09.2022;
Принята к публикации 17.10.2022.*

Операция по изгнанию из Красной армии командиров несоветских национальностей в 1938 г. (на примере репрессий в Северо-Кавказском военном округе, 1937–1938 гг.)

А. В. Дусин

В статье на основе анализа архивных (Российский государственный военный архив) рассекреченных документов проанализированы материалы, связанные с политическими репрессиями в РККА. Исследование проблемы политических репрессий в среде командно-начальствующего состава РККА представляется важным для более глубокого понимания эволюции военного дела в России. Особую значимость приобретает изучение влияния последствий репрессий на состояние обороноспособности государства, боеспособности войск отдельных территориальных общевойсковых объединение накануне Второй мировой войны. Выделена одна из составляющих массовых политических кампаний в Красной армии – национальные операции НКВД 1937–1938 гг. Выявлена роль и участие командования и членов военного совета Северо-Кавказского военного округа (СКВО) в изгнании лиц несоветских национальностей из армии, пагубность таких решений на ход боевой подготовки войск и боеготовность соединений и частей округа.

Ключевые слова: РККА, НКВД, политические репрессии, командно-начальствующий состав, арест, заговор, казачество, следствие, протокол допроса, фальсификация, расстрел, реабилитация.

Для цитирования: Дусин А. В. Операция по изгнанию из Красной армии командиров несоветских национальностей в 1938 гг. (на примере репрессий в Северо-Кавказском военном округе, 1937–1938 гг.) // История повседневности. 2022. № 4. С. 138–153. DOI 10.35231/25422375_2022_4_138

Введение

2022 г. в истории нашей страны знаменательный – год 100-летия образования великой державы Союза Советских Социалистических Республик. Почти 100 лет назад на I Всесоюзном съезде Советов были приняты декларация и договор об образовании СССР. «Доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем. Новое союзное государство послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику», – говорилось в первой советской Конституции, принятой 31 января 1924 г.

Жизнь многонационального государства – это история сложного взаимодействия народов, составляющих его население. В Российской империи национальный вопрос был одним из острых в общественно-политической жизни. Его значение, сложность и острота обуславливались тем, что нерусские национальности составляли большинство населения (57 %), необычайно пестрой была этническая структура населения (свыше 200 наций, народностей, этнических групп), весьма сложными и запутанными были исторически сложившиеся взаимоотношения между народами во многих регионах.

Официальная политика самодержавия в национальном вопросе с известным креном в великорусскую державность и официальной идеологией «самодержавия, православия, народности» стимулировала, особенно с конца XIX в., недовольство среди народов местных этнических групп (поляков, финнов, евреев и др.). После революции в ноябре 1917 г. решение этих острейших вопросов, в том числе проблем формирования новых взаимоотношений между народами, потребовало глубокой разработки теоретических положений, программных задач во всех областях, связанных с планами социалистического строительства.

Многоязыкое разнообразие, придающее народу большую силу, в то же время является его ахиллесовой пятой, в которую прежде всего целятся противники и конкуренты. Четко осознавая это, страны Запада еще с дореволюционных времен принялись активно подстрекать националистические

настроения в России. Неудивительно, что после революции националистические группировки, рвавшиеся к власти, отметились практически во всех национальных областях и районах России, в национальном вопросе воцарилась опасная вакханалия. Принятие Сталиным жестких и даже жестоких мер по наведению порядка в этой сфере в духе знаменитой формулы «...требование отделения окраин в корне противоречит интересам народных масс...» [1, с. 80] позволило в определенной степени остановить данный процесс.

В дальнейшем народу страны пришлось преодолеть эпоху политических репрессий, часть из которых проводилась по «национальным линиям».

Фундаментальных, основанных на анализе всего сохранившегося комплекса источников научных трудов, посвященных советской политике, террору 1930-х – начала 1950-х гг., пока не написано [2]. Процесс серьезного изучения проблемы начался лишь с открытием части ранее секретных архивов (с августа 1991 г.). Термин «большой террор» стал популярен после издания на русском языке одноименной книги Роберта Конквеста (London, 1974) [3]. Многие историки и публицисты используют этот термин прежде всего применительно к репрессиям 1930-х гг.

В качестве историографической основы исследования можно отметить несколько монографических изданий, посвященных истории репрессий, следующих авторов: А. И. Тодорского [4], Д. А. Волкогонова [5], А. Л. Литвина [6], В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер [7], О. В. Хлевнюка [8], В. Н. Земскова [9]. Отдельно следует выделить историков, которые посвятили свои работы исследованию феномена политических репрессий в РККА. Это О. Ф. Сувениров [10], Н. С. Черушев [11], В. С. Мильбах [12], М. И. Мельтюхов [13], А. А. Печенкин [14].

В настоящее время отечественная историография сосредоточилась на изучении репрессивной политики государства, направленной против отдельных профессиональных и этнических категорий граждан.

Результаты

В истории СССР политические репрессии 30-х гг. занимают особое место, национальные операции НКВД 1937–1938 гг.

являются одним из звеньев этой исторической цепи. В этот временной отрезок были репрессированы широкие группы национальных меньшинств, что, безусловно, не могло не коснуться РККА, укомплектованной кадрами, представлявшими многонациональный состав нашей страны.

За время осуществления «национальных» операций, т. е. с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г., в общей сложности было осуждено почти 350 тыс. чел. «Национальные» операции были проведены по «линиям» практически всех стран враждебного окружения, при этом основным критерием «преступности» было наличие любого рода связи с другим государством, а главным основанием выступала национальность.

Репрессии против военных начались во второй половине 1936 г., но приобрели наиболее сильный размах после ареста и осуждения маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и семи других высокопоставленных военных в мае-июне 1937 г. Их обвинили в создании «антисоветской троцкистской военной организации» с целью захвата власти. Закрытое заседание по делу специального судебного присутствия Верховного суда СССР заняло день – 11 июня 1937 г. Все обвиняемые были признаны виновными и расстреляны немедленно по вынесении приговора (Я. Б. Гамарник застрелился накануне ареста). По данным Д. А. Волгогонова, в 1937–1938 гг. было репрессировано до 45 % командного и политического состава от командира бригады и выше. При таких потерях в любой войне армия резко теряет боеспособность [5, с. 276].

Развернувшиеся в начале лета 1937 г. в стране и армии массовые политические репрессии охватили и войска Северо-Кавказского военного округа (СКВО).

О том, что в СКВО имеются кадровые проблемы с отдельными категориями командно-начальствующего состава, свидетельствовали июльские (1937) приказы по личному составу № 004 и № 005. Этими приказами окружного командования оформлялись увольнения из рядов РККА нескольких десятков командиров и начальников. При этом в тексте их отмечалось: «... в то же время в частях округа мы имеем большое количество отрицательных явлений, которое свидетельствует о том, что враги народа имеют свою агентуру в наших рядах, через которую пытаются осуществлять свою враждебную деятель-

ность. Что в частях есть ещё значительное количество неразоблаченных социально-чуждых и враждебных людей, ведущих свою подрывную контрреволюционную работу» [14, л. 3].

Летом 1937 г. по ложным обвинениям в заговорщической деятельности в СКВО были арестованы многие командиры соединений и частей СКВО. Это подтверждается следующими фактами: «За 1937 год из частей округа изъято и арестовано комначсостава 153 человека, как врагов народа» [14, л. 7].

В результате проведенных исследований по архивным материалам РГВА установлено, что в период 1937–1938 гг. военный округ понес потери в командно-начальствующем составе различных категорий. Из состава кавалерии СКВО подверглись политическим репрессиям в период 1937–1938 гг. 332 чел., из них: в управлении и частях 4-го кавалерийского корпуса – 21 чел.; в 10-й кавалерийской дивизии – 97 чел.; в 12-й кавалерийской дивизии – 93 чел.; в 13-й кавалерийской дивизии – 59 чел.; в 3-й отдельной кавалерийской бригаде горских национальностей – 41 чел.; в 4-м запасном кавалерийском полку – 16 чел.; в 10-м запасном кавалерийском полку – 7 чел. [14; 15].

В качестве характерного примера приведем факты из истории 3-й отдельной кавалерийской бригады горских национальностей.

В 1935–1936 гг. в рамках организационных мероприятий по наращиванию стратегической конницы государство решило использовать до сих пор недостаточно востребованный ресурс – казачество, которое прежде считалось контрреволюционной силой и призывалось в армию ограниченно. 21 апреля 1936 г. приказом НКО № 061 четыре кавалерийские дивизии переименовывались в казачьи, заново формировалась еще одна дивизия.

Данный приказ напрямую затронул и горские формирования, поскольку было предписано «исключить из состава частей 10-й Терско-Ставропольской казачьей дивизии все эскадроны горских национальностей и сформировать из них отдельный кавалерийский полк горских национальностей с дислоцированием штаба полка в г. Нальчике». Новый полк и существовавший ранее полк горских национальностей с дислокацией в г. Орджоникидзе (Владикавказ) – Махачка-

ла, согласно этому же приказу, надлежало «объединить в отдельную кавалерийскую бригаду горских национальностей со штабом бригады в г. Орджоникидзе» [15, л. 6].

Отдельная территориальная кавалерийская бригада горских национальностей Северного Кавказа, просуществовавшая до 1938 г. как национальное соединение и до декабря 1939 г. как обычное кавалерийское соединение, стала самым крупным в межвоенный период соединением, укомплектованным горским контингентом. Бригада была сформирована в течение ноября и декабря 1936 г. [15, л. 8].

Одновременно к 1 января 1937 г. были сформированы две полковые школы для подготовки младшего командного состава и учебная батарея отдельного конартидивизиона. В сопроводительной записке к отчету о наборе в полковые школы с удовлетворением сообщалось, что в текущем году удалось набрать курсантский состав с высоким образовательным цензом – не ниже пяти классов, а 30-40 % курсантов свободно владело русским языком. И тот и другой показатель были достигнуты впервые [15, л. 12].

По состоянию на конец декабря 1936 г. в составе бригады числилось: лиц комсостава – 88 чел., начсостава – 70, младшего комсостава – 146, младшего начсостава – 67, рядового состава – 705, всего – 1076 чел. [15, л. 6]. Ежегодно кадровый красноармейский и младший командно-начальствующий состав обновлялся за счет призыва примерно наполовину.

Не обошли стороной репрессии и личный состав бригады. В течение 1937 г. в бригаде был репрессирован 41 чел., из них: приговорены к ВМН (высшей мере наказания) – 3 чел. (командир бригады комбриг Миркамил Миршарапов, заместитель начальника политотдела бригады Мусса Дзахоевич Корнаев, помощник командира отдельного конно-артиллерийского дивизиона капитан Георгий Харитонович Сагаль); осуждены к длительным срокам заключения в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях) – 5 чел.; арестованы (и дальнейшая судьба не известна) – 19 чел.; уволены по политическим мотивам – 13 чел. [15].

Трагична судьба командира 3-й отдельной кавалерийской бригады горских национальностей комбрига Мира Камилевича (Миркамил) Миршарапова [16, с. 168]. Родился он в 1900 г.

в семье пастуха в окрестностях города Аулие-Ата (территория нынешнего Казахстана). В двенадцать лет остался сиротой. После смерти отца работал пастухом. Татарин (по другим источникам – узбек). В 1915 г. его семья переехала жить к родственникам в г. Ташкент (Узбекистан). Здесь, в Ташкенте, Миркамиль трудился на поденных работах и одновременно учился в русско-туземной школе.

В октябре-ноябре 1917 г. принимал активное участие в революционной борьбе на улицах г. Ташкента. Член ВКП(б) с 17 июня 1918 г. С августа 1919 г. в рядах Красной армии. В мае-июне 1920 г. М. К. Миршарапов создал первый в истории Средней Азии эскадрон из воинов местных национальностей. В нем состояло более 500 чел. Вскоре (в середине 1920 г.) двадцатилетний командир стал председателем Реввоенсовета и военным назиром Хорезмской республики. Он руководил действиями Красной армии против басмаческих банд Джунаид-хана, добился разгрома его основных сил.

В начале 1920-х гг. – командующий ЧОН (части особого назначения) Хорезма. В марте 1924 г. среднеазиатское бюро ЦК РКП(б), рассмотрев положение в Хорезме, назначило М. К. Миршарапова заместителем военного назира Хорезмской республики. В 1925 г. он был направлен на учебу в Военную академию РККА (с июня 1926 г. – Военная академия им. М. В. Фрунзе) в Москву. Окончил ее в августе 1929 г. и был назначен командиром, а затем и военным комиссаром отдельного узбекского кавалерийского полка, расквартированного в г. Самарканде. Командовал полком до начала 1932 г.

С 17 мая 1932 по январь 1935 г. – командир и комиссар отдельной сводной узбекской кавалерийской бригады. В 1935–1936 гг. М. К. Миршарапов – военный атташе СССР в Монгольской Народной Республике. Воинское звание «комбриг» получил 17 января 1936 г. (приказ № 0052/п). В 1936–1937 гг. – командир отдельной кавалерийской дивизии горских национальностей в Северо-Кавказском военном округе.

28 октября 1937 г. по ложному обвинению комбриг М. К. Миршарапов был арестован и 12 сентября 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к выс-

шей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 октября 1938 г. Определением Военной коллегии от 18 апреля 1957 г. реабилитирован [16, с. 168].

Командование СКВО старалось укомплектовать должности, ставшие вакантными в ходе расширявшихся репрессий. Так, командующий войсками СКВО комкор С. Е. Грибов, член Военного совета корпусной комиссар К. Г. Сидоров и начальник штаба округа полковник Д. Н. Никишев 14 октября 1937 г. подписали приказ № 0019 о замещении должностей и допущению к исполнению обязанностей, в котором фигурировали фамилии 47 командиров (начальников).

Одновременно этими же должностными лицами в октябре были подписаны совершенно секретные приказы с пометой «ОУ» (особый учет): № 0017/оу и 0022/оу, а также секретные приказы № 0105, 0127 на увольнение из армии по политическим мотивам 39 командиров (начальников) старшего и среднего звена [14, л. 8]. Решить кадровую проблему в условиях непрекращающихся репрессий не удавалось ни с количественной, ни с качественной стороны [14, л. 62–63].

После отстранения от должности С. Е. Грибова – командующего округом, в срочном порядке командир 9-го стрелкового корпуса комдив В. Я. Качалов, который только в июне 1937 г. был назначен на эту должность и успел прокомандовать этим корпусом всего несколько месяцев, был назначен заместителем командующего войсками СКВО. Одновременно он вынужден был с декабря 1937 г. временно исполнять обязанности командующего. На должности командующего Северо-Кавказским военным округом В. Я. Качалов был утвержден лишь в апреле 1938 г., таким образом военный округ находился без штатного командующего около четырех месяцев.

В период командования войсками СКВО В. Я. Качаловым проводилась кампания по изгнанию из армии командиров (начальников) по национальному признаку. Согласно директиве народного комиссара обороны № 200/ш от 24 июня 1938 г. иностранцы, уроженцы заграницы и связанные с ней подлежали увольнению из РККА. Именно этим был вызван всплеск увольнений летом 1938 г.

Кадры РККА следовало очистить от всех командиров, имевших «несоветскую национальность» (корейцев, поляков, нем-

цев, эстонцев, финнов, латышей и т. д.), а также родившиеся в странах за пределами Советского Союза, которых военно-политическое руководство страны в сложившейся обстановке стало считать потенциальными представителями пятой колонны. В военных округах кадровые органы составляли списки кандидатов на увольнение по национальному признаку и отправляли их в Москву. По сведениям управления по командному и начальствующему составу (УКНС) РККА всего во исполнение данной директивы из армии были уволены 4138 командиров (начальников) [17].

В СКВО было составлено несколько таких списков. Например, подписанный комдивом Н. В. Медведевым (с апреля 1938 г. – зам. командующего округом) и членом военного совета округа дивизионным комиссаром К. Н. Зиминным «Именной список командного и начальствующего состава Северо-Кавказского Военного Округа иностранного происхождения, родившихся за границей, имеющих родственников за границей и поддерживающих связь с за границей» включал 69 чел. [18, л. 4–9].

В списке на каждого была представлена краткая биографическая информация, например, «полковник ЛЕНЬКО Григорий Эдуардович – начальник АБТ войск СКВО, 1894 года рождения, член ВКП(б) с 1918 г., белорус, образование: а) гор. учил., б) воен. академия (общее и военное – *прим. авт.*), в РККА с 1919 г.». Затем следовала графа «Какие имеются компрометирующие данные», в которой было отмечено: «уроженец Новогрудского уезда Минской губернии (в Польше), где проживал до 1915 г. По национальности пишется белорус, что вызывает сомнение, так как имя отца – Эдуард – не белорусского происхождения. В автобиографии пишет, что с одним братом потерял связь. Есть подозрение, что он находится в Польше, но Ленько это скрывает». Здесь же, но позже допечатано: «работает безобразно плохо. Войсками АБТ руководит слабо» [18, л. 4].

В последней графе у начальника ветеринарной службы СКВО бригавоенврача Льва Соломоновича Гобермана (беспартийного, еврея) отмечено: «родился на территории Польши. Окончил гимназию в г. Любава и ветинститут в г. Варшаве. Брат в 1937 г. арестовывался органами НКВД» [18, л. 4 об.].

У командира 91-го стрелкового полка полковника И. Г. Виноградова (члена ВКП(б) с 1919 г., русского) в той же графе указано: «два брата жены находятся во Франции, эмигрировали с отступлением белых из Крыма с Врангелем. По заявлению Виноградова он их не знает и связи с ними не имеет» [18, л. 6].

Второй список, подготовленный начальником отдела кадров майором Опариным и подписанный «за командующего войсками СКВО» комдивом Медведевым и ЧВС дивизионным комиссаром Зиминым, был датирован 23 июля 1938 г. [18, л. 10–28]. В списке значились 135 командиров, на каждого была представлена краткая справка. Например, в отношении командира 138-го артиллерийского полка полковника Н. Ф. Кострицкого (русского, члена ВКП(б) с 1920 г.) было указано: «родился в селе Вильгор, Остроусского уезда, Волынской губ. (Польша). В Польше проживают: мать, две сестры и брат. Связи (со слов) не имеет. Как командир для армии не ценен, от масс оторван, политически безграмотный, бюрократ и самодур, подразделениями не руководит» [18, л. 9].

На военрука Ростовского института сельскохозяйственно-го машиностроения полковника А. П. Свиридова (русского, беспартийного) в качестве компромата отмечалось: «родился в Брест-Литовске. С 1904 г. по 1914 г. учился в кадетском корпусе в г. Варшаве, в 1914 г. переведен в Александровское военное училище. Родственников за границей нет (со слов)» [18, л. 11 об.]. У командира батальона 6-го легкотанкового полка майора Г. Х. Зангиева (осетина, члена ВКП(б) с 1925 г.): «два брата и дядя служили офицерами в белой армии, один брат и дядя эмигрировали за границу. Связь не установлена» [18, л. 14].

В ряде случаев окружное командование под предлогом политической чистки пыталось избавиться от тех командиров (начальников), которые имели упущения по службе и низкие морально-деловые качества. Подобные пояснения стояли рядом с указанием на «неблагонадёжные национальности»: поляки, чехи, немцы, эстонцы и в других приказах войскам СКВО по личному составу принятых летом 1938 г. [19, л. 390, 390 об.].

В отдельные дни июля 1938 г. командующим и членами Военного совета СКВО издавались сразу несколько приказов на увольнение командно-начальствующего состава. Напри-

мер, три приказа по изгнанию «инонационалов» появилось 5 июля [20, л. 218–246]: в проекте приказа № 0055 значилось 42 командира (начальника), которые подлежали увольнению по ст. 43 п. «а» и 43 п. «б» (семь фамилий вычеркнуты); в приказе № 0056 фигурируют 24 фамилии и в приказе № 0057 – 23.

Примечательно, что далеко не все перечисленные в этих приказах были люди «несоветских» национальностей, более половины были русскими, украинцами, белорусами, евреями. Лишь у отдельных помечено, что они уволены по причине наличия родственников за границей, например, в кратких сведениях о майоре К.П. Глазычеве-Навроцком отмечено: «уроженец Польши. Отец, мать и сестра проживают в Польше, пишет во всех документах русский» [20, л. 228].

8 июля 1938 г. было издано два приказа (№ 0060 и № 0061), 11 июля – также два приказа (№ 0064 и № 0065), всего за эти два дня был изгнан из армии 61 командир (начальник). Причем приведенная в документах информация на некоторых из них свидетельствует о том, что люди увольнялись на основании одних подозрений: про старшего леккома 221 сп военфельдшера И. С. Шевченко записано: «родился в Турции в семье фельдфебеля» [20, л. 249].

Про начальника штаба 221 сп капитана В. И. Капелько сказано: «польскую национальность скрывает. Подозревается в контрреволюционной деятельности»; против фамилии закончившего военную академию преподавателя КУКС капитана Н. М. Измайлова указано: «пишет русский, отец – выходец из Албании» [20, л. 301].

В отношении капельмейстера 84 гсп интенданта 3-го ранга В. И. Лобкова (русского по национальности) отмечено: «был во Франции с экспедиционным корпусом царской армии до 1919 г. <...> попал на службу белой армии Юденича, что скрывал в своих документах. Имеет антисоветские настроения» [20, л. 306]. У зампотеха 12-го механизированного полка майора И. И. Якубовича: «родственники в Польше. В полку ведет вредительскую работу по выводу машин из строя» [20, л. 314]. Про упреподавателя кавалерийских КУКС майора А. И. Мельникова записано: «окончил в Варшаве Суворовский кадетский корпус. В 1914–1918 находился в плену в Германии» [20, л. 325].

Одним из последних приказов, посвященных увольнению представителей «неблагонадежных национальностей» и подписанным комкором В. Я. Качаловым, был приказ по личному составу № 0017 от 23 сентября 1938 г., в котором значилось 28 чел. (латыши, литовцы, немцы, поляки, чехи, серб, иранец), но некоторые фамилии в документе зачеркнуты [20, л. 95–102].

Анализ хранящихся в архивном деле совсекретных приказов по СКВО за 1938 г. свидетельствует, что только в июле 1938 г. этими приказами были уволены с военной службы 173 командира (начальника) [18-20].

Необходимо отметить, что и командующие округом и члены военного совета в этот период (1937–1938) не могли не выполнить требования приказов и директив НКЮ, хотя судьба многих из них была predetermined.

Выводы

Проведенные исследования показывают, что за период репрессий 1937–1938 гг. в СКВО были уволены по политическим мотивам (в т. ч. и по национальным признакам) 1650 командиров (начальников), из них арестованы органами НКВД по подозрению в совершении контрреволюционных преступлений около 800. При этом большинство арестованных были русскими (55 %), евреи составляли около 26 %, украинцы – 5 %, белорусы – 3 %. Представителей «советских» национальностей в списках было 188 чел. (92 %), на долю же лиц, имеющих «несоветскую национальность» (три латыша, три поляка, два немца, датчанин, литовец и др. – всего 18 чел.) приходилось всего 8 %.

Таким образом, кадровые органы и командование СКВО в своей деятельности перестраховывались, представляя на увольнение не только лиц иностранного происхождения и тех, кто имел устойчивые связи с родственниками за рубежом, но и всех подозрительных по политическим (в том числе и по национальному) признакам. В ходе массовых политических репрессий войска СКВО потеряли значительную часть командиров соединений и частей, штабных работников.

Были уволены из армии по политическим мотивам, а затем арестованы 47 представителей «красного генералитета». Из них 26 чел. были уничтожены (расстреляны по обвинению

в контрреволюционных преступлениях, погибли в местах лишения свободы). Совершенно очевидна попытка командования СКВО перестраховаться при выполнении директивы наркома и уволить тех, кто не внушал политического доверия или подозревался в контрреволюционной деятельности.

Чехарда с перестановкой кадров не имела задачи совершенствовать управление, боевую подготовку и воинскую дисциплину, скорее, наоборот. Все вновь назначенные не могли успешно пройти командирское становления в новой должности и научиться у более опытных командиров и начальников, а обречены были самостоятельно осваиваться в новой должности и постигать высоты командирского мастерства.

В данном случае главная задача, которую ставило окружное командование, – это как можно скорее заполнить штатные должности. К исходу 1940 г. кадровую проблему в основном удалось решить несмотря на проведение организационно-штатных мероприятий, связанных с увеличением войск округа. Однако качество укомплектованности основных должностей, особенно в звене полк – дивизия, значительно снизилось и повысить его в считанные месяцы до Великой Отечественной войны было невозможно. Невинные жертвы «военного побоища» в 1937–1938 гг. откликнутся еще большими потерями на фронтах Великой Отечественной войны [5, с. 277].

Список литературы

1. Доклад тов. Сталина И. В. на X съезде ВКП(б) // Жизнь национальностей. – 1920. – № 39. – С. 8.
2. Литвин А. Л. Российская историография государственного террора в стране 1917–1953. М.: Собрание, 2019. 364 с.
3. Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. L.: Macmillan, 1969. 432 с.
4. Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1963. 93 с. (Герои и подвиги).
5. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. И. В. Сталин: политический портрет: в 2 кн. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. Кн. 1. Ч. 2. 704 с.
6. Рапорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена родине. М.: «Стрелец», 1995. 462 с.
7. Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг., как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков / сост. А. А. Данилов. М.: Изд-во «Собрание Москва», 2004. С. 433–451.
8. Земсков В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. 239 с.
9. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
10. Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. 544 с.
11. Мильбах В. С. Деятельность политических органов Тихоокеанского флота в период политических репрессий 1937–1938 гг. // Клио. – 2007. – № 4. – С. 98–101.
12. Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечеств. история. – 1997. – № 5. – С. 109–121.

13. Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М.: ВЗФЭИ, 2003. 172 с.
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25896. Оп. 9. Д. 471.
15. РГВА. Ф. 40714. Оп. 1. Д. 5.
16. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937–1941. – М.: Мегалит, 2014. 528 с.
17. РГВА. Ф. 37837. Оп. 19. Д. 87.
18. РГВА. Ф. 25896. Оп. 9. Д. 257.
19. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 882.
20. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 878.

The operation of banishment of the Red Army commanders of non-Soviet nationalities in 1938 (on the example of repressions in the North Caucasian military district, 1937–1938)

Aleksey V. Dusin

Based on the archival declassified documents (Russian State Military Archive), the article researches and analyzes materials related to political repressions in the Red Army. The study of the problem of political repressions among the Red Army commanding staff is important for a deeper understanding of the evolution of military affairs in Russia. Of particular importance is the study of influence of the consequences of repressions on the state's defense capability, combat capability of the troops of individual territorial combined arms formations on the eve of World War II. One of the components of mass political campaigns in the Red Army is singled out – the national operations of NKVD in 1937-1938. The role and participation of the command and members of the military council of the North Caucasian Military District (SKVO) in the expulsion of non-Soviet nationalities from the army is revealed. The harmfulness of such decisions on the course of combat training of troops and combat readiness of formations and units of the district is shown. Based on the archival declassified documents (Russian State Military Archive), the article researches and analyzes materials related to political repressions in the Red Army. The study of the problem of political repressions among the Red Army commanding staff is important for a deeper understanding of the evolution of military affairs in Russia. Of particular importance is the study of influence of the consequences of repressions on the state's defense capability, combat capability of the troops of individual territorial combined arms formations on the eve of World War II. One of the components of mass political campaigns in the Red Army is singled out – the national operations of NKVD in 1937-1938. The role and participation of the command and members of the military council of the North Caucasian Military District (SKVO) in the expulsion of non-Soviet nationalities from the army is revealed. The harmfulness of such decisions on the course of combat training of troops and combat readiness of formations and units of the district is shown.

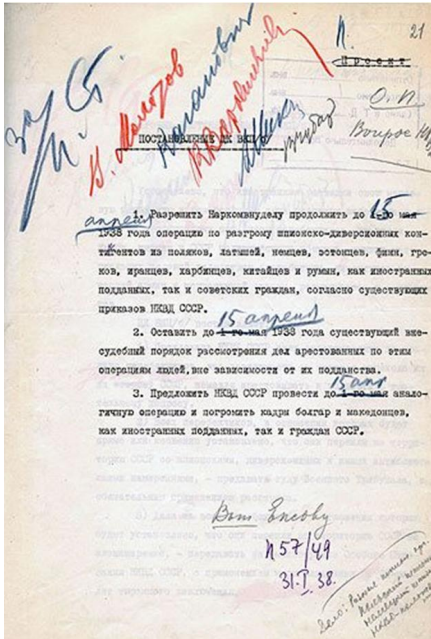
Key words: RKKA, NKVD, political repressions, commanding officers, arrest, conspiracy, Cossacks, investigation, interrogation protocol, falsification, execution, rehabilitation.

For citation: Dusin, A. V. (2022). Operaciya po izgnaniyu iz Krasnoj armii komandirov nesovetskikh nacional'nostej v 1938 gg. (na primere repressij v Severo-Kavkazskom voennom okrugе, 1937–1938 gg.) [The operation of banishment of the Red Army commanders of non-Soviet nationalities in 1938 (on the example of repressions in the North Caucasian military district, 1937–1938)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. № 4. Pp. 138–153. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_138

References

1. Doklad tov. Stalina I.V. na X s'ezde VKP(b) [Report of Comrade Stalin I.V. at the X Congress of the CPSU (b.)] // *Zhizn' nacional'nostej* [The life of nationalities]. 1920. № 39. P. 80. (In Russ.)
2. Litvin A. L. *Rossijskaya istoriografiya gosudarstvennogo terora v strane 1917–1953* [Russian historiography of state terror in the country 1917–1953]. M.: Sobranie, 2019. (In Russ.)
3. Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. L.: Macmillan, 1969.
4. Todorskij A. I. *Marshal Tuhachevskij* [Marshal Tukhachevsky]. M.: Politizdat, 1963. (In Russ.)
5. Volkogonov D. A. *Triumf i tragediya. I.V.Stalin: politicheskij portret* [Triumph and tragedy. I.V. Stalin: a political portrait]. V 2 kn. M.: Izd-vo Agentstva pečati «Novosti», 1989. Kn. 1. CH. 2. (In Russ.)
6. Rapoport V. N., Geller YU. A. *Izmena rodine* [Treason to the motherland]. M.: «Strelec», 1995. (In Russ.)
7. Hlevnyuk O. V. «Bol'shoj terror» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii [The Great Terror" of 1937–1938 as a problem of scientific historiography] // *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov* [Historical Science and education at the turn of the century] / sost. A. A. Danilov. M.: Izd-vo «Sobranie Moskva», 2004. Pp. 433–451. (In Russ.)
8. Zemskov V. N. *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* [Stalin and the people. Why was there no uprising]. M.: «Algoritm», 2014. (In Russ.)
9. Suvenirov O. F. *Tragediya RKKA 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. M.: TERRA, 1998. (In Russ.)
10. Cherushev N. S. *1937 god: Elita Krasnoj Armii na golgofo*. [1937: The elite of the Red Army at Golgotha]. M.: Veche, 2003. (In Russ.)
11. Mil'bah V. S. *Deyatel'nost' politicheskikh organov Tihookeanskogo flota v period politicheskikh repressij 1937–1938 gg.* [The activities of the political bodies of the Pacific Fleet during the period of political repression in 1937–1938] // *Klio*. 2007. № 4. Pp. 98–101. (In Russ.)
12. Mel'tyuhov M. I. *Repressii v Krasnoj Armii: itogi novejsih issledovanij* [Repression in the Red Army: the results of the latest research] // *Otechestv. istoriya* [Fatherland. History]. 1997. № 5. Pp. 109–121. (In Russ.)
13. Pechenkin A. A. *Voennaya elita SSSR v 1935–1939 gg.: repressii i obnovlenie* [The military elite of the USSR in 1935–1939: repression and renewal]. M.: VZFEI, 2003. (In Russ.)
14. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv. (RGVA)* [Russian state military archive]. *Otchet o sostoyanii boevoj i politicheskoi podgotovki vojsk SKVO za 1937 god.* [Report on the state of combat training and political training of the troops of the North Caucasus Military District for 1937]. F. 25896. Op. 9. D. 471.
15. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv. (RGVA)*. [Russian state military archive F. 40714. Op. 1. D. 5.
16. Cherushev N. S., Cherushev YU. N. *Rasstrelyannaya elita RKKA (Kombrigi i im ravnye). 1937–1941. Biograficheskij slovar'*. [The executed elite of the Red Army (Kombrigi and their equals). 1937–1941. Biographical Dictionary]. M.: Megapolis, 2014. (In Russ.)
17. RGVA. F. 37837. Op. 19. D. 87.
18. RGVA. F. 25896. Op. 9. D. 257.
19. RGVA. F. 25896. Op. 3. D. 882.
20. RGVA. F. 25896. Op. 3. D. 878.

Статья поступила в редакцию 11.09.2022;
Одобрена после рецензирования 7.10.2022;
Принята к публикации 19.10.2022.

Постановление ЦК ВКП(б) от 31.01.1938 г.
«О продлении репрессий среди населения
по признакам национальной принадлеж-
ности».

Комбриг Миршарапов Миркамил (Мир Камиль)
(в центре), командир отдельной бригады гор-
ских национальностей, май 1936 г.

Судьба комкора Я. П. Гайлита (к вопросу о существовании в Красной армии в 1930-х гг. антисоветских националистических организаций)

В. С. Мильбах, В. М. Курмышов

Тема массовых политических репрессий 1937–1938 гг. в Красной армии является актуальной и вызывает интерес у профессиональных историков и читателей. Однако историография этой темы охватывает не все важные вопросы. Например, специальному изучению не подвергались сюжеты, связанные с существованием в армии различных антисоветских националистических организаций и биографией командиров высшего звена, осужденных за участие в подобных организациях. В статье на основе результатов исследования материалов архивно-следственного дела арестованного командующего войсками Уральского военного округа комкора Я. П. Гайлита представлен анализ одного из аспектов проведения так называемой «латышской операции», осуществлявшейся против тех, чья контрреволюционная сущность определялась не политическими взглядами, социальным происхождением или прошлой деятельностью, а национальной принадлежностью.

Ключевые слова: массовые политические репрессии, командно-начальствующий состав, заговор, латышская контрреволюционная троцкистская организация, следствие, протокол допроса, фальсификация, расстрел, реабилитация.

Для цитирования: Мильбах В. С., Курмышов В. М. Судьба комкора Я. П. Гайлита (к вопросу о существовании в Красной армии в 1930-х гг. антисоветских националистических организаций) // История повседневности. 2022. № 4. С. 154–168. DOI 10.35231/25422375_2022_4_154

Введение

В период массовых политических репрессий одной из важнейших их составляющих стали проводившиеся «массовые операции» в отношении так называемых «национальных контингентов», т. е. тех, чья контрреволюционная сущность определялась не политическими взглядами, социальным происхождением или прошлой деятельностью, а исключительно национальной принадлежностью. По мнению политического руководства страны, проживающие в Советском Союзе немцы, поляки, латыши, корейцы, эстонцы, а также представители других диаспор являлись «пятой колонной», т. е. явными и потенциальными шпионами соответствующих государств.

В последние дни ноября 1937 г., после издания соответствующего приказа по НКВД, в стране началась так называемая латышская операция. Были арестованы латыши, занимавшие высокие посты в народном хозяйстве, армии и НКВД: Я. И. Алкснис, Я. К. Берзин, Я. Х. Петерс, М. Я. Лацис, И. И. Вацетис и др. Особые отделы НКВД с усердием принялись раскрывать в военных округах различные контрреволюционные организации националистического толка, в том числе и латышские.

Существование в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) во второй половине 1930-х гг. антисоветских националистических организаций является отдельным аспектом темы массовых политических репрессий. В отечественной историографии проблема политических репрессий, в том числе и в армии, впервые была освещена в работе Р. А. Медведева «К суду истории. О Сталине и сталинизме» [1]. Репрессии 1937–1938 гг. в Красной армии стала темой отдельного исследования В. Раппопорта и Ю. Геллера.

В книге «Измена Родине» [2] авторы представили результаты исследования дела маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, попытались показать погром военных кадров на широком историческом фоне, выдвинули гипотезы о масштабах репрессий в РККА. В представленном авторами списке лиц высшего командно-начальствующего состава, ставших жертвами репрессий 1937–1938 гг., содержится 620 фамилий. Однако результаты их исследования представляются лишь промежуточными, так как в то время отсутствовали достоверные

архивные источники даже об общем количестве репрессированных в Красной армии.

В монографии Д. А. Волкогонова «Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина» [3] опубликовано значительное количество документальных материалов, в том числе и по репрессиям в РККА. Представляют интерес для исследования опубликованные в 1990 г. работы военных юристов, например, книга Б. А. Викторова «Без грифа “секретно”»: записки военного прокурора» [4].

Воспоминания некоторых военачальников [5], которые являлись участниками событий 1937–1938 гг., позволяют более рельефно представить информацию из архивных документов того периода.

Зарубежная историография массовых репрессий в РККА начала складываться раньше отечественной. Первым ученым, который исследовал проблематику массовых политических репрессий в СССР в мировой историографии, стал Р. Конквест, его книга «Большой террор» [6] стала базисом для дальнейших исторических исследований.

Среди работ, опубликованных в начале 1990-х гг., следует выделить исследование Н. М. Якупова [7]. Фундаментальным трудом по теме репрессий в Красной армии является монография О. Ф. Сувенирова «Трагедия РККА 1937–1938» [8], в которой, в частности, затрагиваются вопросы о командирах, репрессированных за участие в различных националистических организациях.

Представляют интерес для изучения темы массовых репрессий командно-начальствующего состава армии и флота опубликованные в начале 2000-х гг. работа отечественного исследователя С. С. Близниченко [9], а также зарубежных авторов П. Вечоркевича и Я. Войтковяка [10; 11]. Однако события, связанные с раскрытием националистических заговорщических организаций в Красной армии в 1937–1938 гг., в них представлены фрагментарно.

Более детально к изучению вопроса о существовании антисоветских националистических организаций в Красной армии подошли историки из Михайловской военной артиллерийской академии. В ряде коллективных монографий, посвященных массовым политическим репрессиям командно-начальству-

ющего состава в различных военных округах (ЗакВО, УрВО, САВО) накануне Второй мировой войны, рассматривались вопросы о вскрытых органами НКВД националистических организациях и о представителях высшего комсостава, которые были осуждены в 1937–1939 гг. за участие в подобных организациях или руководство ими [см. напр.: 12].

Результаты

Период массовых политических репрессий в Красной армии характеризовался частой ротацией командных кадров, в том числе и высшего командно-начальствующего состава. Например, в 1937 г. в должности командующего Уральского военного округа (УрВО) последовательно находились комкоры: И. И. Гарькавый (украинец); В. С. Горбачёв (белорусс); Я. П. Гайлит (латыш); Г. П. Софронов (русский). Судьба первых трех командующих схожа: они были обвинены в совершении контрреволюционных преступлений, в том числе каждый – в руководстве антисоветской националистической организацией (украинской, белорусской, латышской, соответственно), арестованы, а затем расстреляны.

Я. П. Гайлит

Заслуживает внимания личность комкора Яна Петровича Гайлита, латыша по национальности. Он родился в мае 1894 г. на хуторе Нейланд Вольмарского уезда Лифляндской губернии в крестьянской семье. Окончил 4-классное городское училище в г. Вольмар, а затем землемерные курсы и три года работал землемером. В сентябре 1915 г. был призван на военную службу и направлен в 243-й запасный пехотный полк. Вскоре его отправили в Чистопольскую школу прапорщиков, которую он окончил в сентябре 1916 г. Младшим офицером служил в 10-м малороссийском гренадерском полку. В ноябре 1917 г. – председатель военно-революционного комитета Особой армии Юго-Западного фронта. Последний чин в Русской императорской армии – подпоручик.

В Красную армию Я. П. Гайлит вступил в 1918 г. В феврале этого года стал членом большевистской партии. С марта 1918 г. – командир 1-го латышского боевого отряда в Москве. В конце марта во главе отряда прибыл в г. Пензу, где назначается сначала начальником штаба, а затем командиром Пензенской группы войск. С августа 1918 г. – помощник командующего 5-й армией Восточного фронта. При отражении налета десанта полковника Каппеля на станцию Свияжск был ранен. По выздоровлении сформировал в г. Симбирске отдельный стрелковый батальон, с которым прибыл в состав 5-й армии. С ноября 1918 г. по январь 1919 г. – начальник штаба 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии.

В январе 1919 г. Я. П. Гайлит был назначен командиром 1-й (впоследствии 76-й) бригады той же дивизии. Бригада под командованием Я. П. Гайлита особенно отличилась в челябинской операции 1919 г. С марта 1919 г. по октябрь 1921 г. – начальник 26-й стрелковой дивизии (с незначительным перерывом на исполнение должности помощника командующего 5-й армией). В 1920 г. Я. П. Гайлит был награжден орденом Красного Знамени (знак ордена № 1768). В августе – октябре 1921 г. он возглавлял группу войск, созданную для разгрома частей барона Унгерна на Алтае.

После Гражданской войны занимал крупные командные должности. В 1922 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии РККА. До сентября 1923 г. был командиром 10-го стрелкового корпуса. С сентября 1923 г. – помощник командующего войсками Западно-Сибирского военного округа. С ноября 1926 г. – командир 19-го Приморского корпуса. С января 1928 г. – помощник командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. С января 1930 г. – заместитель начальника Главного управления РККА. С октября 1930 г. – слушатель первого набора особой группы Военной академии им. М. В. Фрунзе.

В феврале 1932 г. Я. П. Гайлит был назначен помощником командующего войсками Московского военного округа, а в марте того же года – комендантом Минского укрепленного района. С января 1933 г. – помощник командующего, с декабря того же года – командующий войсками Сибирского военного округа. В 1935 г. Я. П. Гайлиту было присвоено персональное

воинское звание «комкор». В мае 1937 г. комкор Я. П. Гайлит был назначен командующим войсками УрВО. Он являлся членом ЦИК СССР и членом Военного совета при наркомобороне СССР [13, с. 66–67].

В начале 1937 г. политические репрессии в стране и в армии стали расширяться. Органы НКВД вскрывали контрреволюционные организации и заговоры. Так, 21 января 1937 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов докладывал И. В. Сталину: «Главным управлением государственной безопасности НКВД вскрыта и в настоящее время ликвидируется латышская контрреволюционная троцкистская организация. В состав организации входили члены Латвийской компартии и политэмигранты, прибывшие нелегально в СССР по каналам Коминтерна и МОПРа» [14, с. 52]. О военных, входивших в эту организацию, в докладе указано не было.

Отметим, что в должность командующего войсками Уральского военного округа Я. П. Гайлит вступил в период, когда политические репрессии стали принимать массовый характер. Он сразу же столкнулся с потоком спецсообщений из особого отдела НКВД, в которых содержалась информация о контрреволюционных проявлениях со стороны командно-начальствующего состава УрВО и требования уволить из армии либо санкционировать арест того или иного командира.

Новый командующий старался разобраться в сути претензий органов НКВД и далеко не сразу удовлетворял их ходатайства. Так, в спецсообщении начальника ОО НКВД ГУГБ капитана ГБ Э. К. Смольского от 13 июня 1937 г. было отмечено, что старший лейтенант Д. В. Знаменский, беспартийный, начальник штаба 2-го дивизиона 82-го артиллерийского полка «выражает контрреволюционные настроения», далее следовало: «Прошу санкционировать арест Знаменского» [15, л. 51]. Однако виза Я. П. Гайлита «Проверить» свидетельствовала, что он не собирался по первому требованию особого отдела передавать им своих подчиненных.

Спецсообщение особого отдела НКВД от 14 июня касалось лейтенанта К. В. Князева из 246 сп и также стандартно завершалось: «Прошу санкционировать арест Князева» [15, л. 52]. Обширная резолюция командующего на бланке заявления свидетельствовала о том, что Гайлит решил лично убедиться

в обоснованности выдвинутых обвинений Князеву в «систематической контрреволюционной агитации».

На бланке спецсообщения о командире роты из 246 сп капитане Г. И. Козлове также имеется виза командующего: «Г. Зиновьев. Прошу проверить по каким мотивам был исключен из партии Козлов для принятия о нем окончательного решения В. Советом. Гайлит 24.6.37» [19, с. 36].

Указанные на документах даты и визы командующего свидетельствовали, что Я. П. Гайлит не стремился к безоговорочному и немедленному выполнению всех требований и ходатайств органов НКВД. Например, в спецсообщении от 26 июня 1937 г. начальником ОО НКВД был поставлен вопрос об увольнении командира роты 255 сп лейтенанта А. И. Харевича. Своей резолюцией командующий поставил задачу потребовать моральную и политическую характеристику на Харевича от командования полка и дивизии. Судя по дате резолюции (1 июля 1937 г.) и возможной оперативности прохождения подобных документов, увольнение данного командира не могло быть осуществлено быстро. Тем не менее А. И. Харевич был уволен из РККА, а 22 августа 1937 г. арестован органами НКВД.

Своими резолюциями, например: «Доложите В.С. материалом об исключении из партии Носкова», «Временно отложить», «Срочно затребовать политическую характеристику на Левченко от командования батальона» [15, л. 61, 63, 75] Я. П. Гайлит вольно или невольно сдерживал процесс увольнения и арестов подчиненных ему командиров, тормозил оперативную работу органов НКВД. Это не могло не вызывать недовольства последних и вело к конфликту командующего и всесильного ведомства Н. И. Ежова.

Анализ содержания служебной переписки командующего войсками УрВО с особым отделом НКВД свидетельствует, что с расширением политических репрессий Я. П. Гайлит постепенно изменил отношение к информации, поступающей от компетентных органов, и к их ходатайствам об увольнении командно-начальствующего состава. Известно, что в июне 1937 г. сообщения из ОО НКВД поступили комкору Я. П. Гайлиту и корпусному комиссару Г. А. Зиновьеву на многих командиров среднего и старшего звена, например: на помощника начальника штаба дивизиона 85-го артиллерийского полка лейтенан-

та Н. Б. Гундырева, на командира роты 255-го стрелкового полка лейтенанта А. И. Харевича, на командира батальона 195-го стрелкового полка капитана Р. К. Гайслера, на начальника штаба 193-го стрелкового полка капитана Н. Ф. Построжигана, на командира роты 246-го стрелкового полка капитана Г. И. Козлова и др. Во всех случаях ходатайства особого отдела об увольнении или изъятии из РККА командиров были удовлетворены [19, с. 97–98].

Зачастую сотрудники ОО НКВД УрВО, основываясь лишь на подозрениях и домыслах, не имея каких-либо доказательств политической неблагонадежности командира, стремились к увольнению таковых из армии. Например, в одном из июльских спецсообщений до командования УрВО доводилось, что «командир полуроты 195 сп лейтенант Ли-Ен-Ир, 1912 г. р., тщательно скрывает свое прошлое». Этого оказалось достаточным для увольнения лейтенанта из армии приказом по УрВО № 067/оу от 22 июля 1937 г. [16, л. 156].

После ареста на Дальнем Востоке орденосца комкора А. Я. Лапина (был награжден орденом Ленина и четырьмя орденами Красного Знамени) и примененных к нему мер физического воздействия следователями НКВД были получены показания на других высокопоставленных командиров как на участников антисоветского заговора в РККА. Среди «заговорщиков» был назван и Я. П. Гайлит. В справке, подписанной 4 августа 1937 г. начальником 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссаром ГБ 3 ранга Н.Г. Николаевым-Журидом, указано: «Имеющимися материалами, в частности, показаниями арестованного участника антисоветского военно-фашистского заговора – б. пом. Командующего ОКДВА по авиации ЛАПИНА, как участник заговора изобличается командующий войсками СибВО комкор Гайлит, Ян Петрович. Считаю необходимым Гайлита арестовать и произвести обыск» [18, л. 1].

В начале августа судьба комкора была решена. Приказом НКО № 00279 от 11 августа 1937 г. «командующий и член ВС УрВО комкор Гайлит Ян Петрович» [17, л. 65] был уволен из армии по ст. 44 п. «в» (в связи с арестом органами НКВД).

Ордер на арест Я. П. Гайлита был подписан 15 августа 1937 г. [18, л. 2], в тот же день комкор был арестован. Ему было предъявлено обвинение в совершении контрреволюционных пре-

ступлений, за которые предусмотрена ответственность по ст. 58-1 п. «б», 58-6, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР, т. е. «измена родине», «шпионаж», «вредительство», «терроризм», «организационная контрреволюционная деятельность». За каждой из этих статей Уголовного кодекса стоял смертный приговор.

Анализ содержания документов архивно-следственного дела Я. П. Гайлита позволяет воссоздать процесс следствия и зафиксировать несоответствия и нарушения, допущенные следователями. Первый имеющийся в деле протокол допроса Гайлита был без указания даты, что свидетельствует о небрежности сотрудников НКВД в оформлении документов следствия.

Несмотря на прилагаемые усилия, следователям до конца 1937 г. не удалось получить объективных доказательств вины Гайлита в контрреволюционных преступлениях. Так, к делу бы приобщен протокол допроса арестованного командарма 2-го ранга А. И. Седакина от 25 декабря 1937 г, в котором зафиксировано его показание о Я. П. Гайлите: «Узнал о его участии в заговоре от Чайковского летом 1936 г. при обсуждении плана инспекторских поездок» [18, л. 17]. В деле имеются протоколы очных ставок с арестованным комкором И. К. Грязновым (15 февраля 1938 г.) и арестованным корпусным комиссаром А. П. Прокофьевым (10 марта 1938 г.), на которых Я. П. Гайлит категорически отрицал свое участие в антисоветском военно-фашистском заговоре [18, л. 48–54, 57–60].

Тем временем 30 ноября 1937 г. за подписью Ежова была разослана шифротелеграмма НКВД СССР № 49990 «О проведении операции по репрессированию латышей». В телеграмме говорилось о раскрытии в Москве и ряде областей «крупных шпионско-диверсионных и националистически-контрреволюционных организаций латышей, созданных латвийской разведкой и связанных с разведками других стран», при этом предписывалось: «3 декабря 1937 года одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех латышей, подозреваемых в шпионаже, диверсии, антисоветской националистической работе» [20, с. 285].

Именно под эту акцию попал Я. П. Гайлит после восьми месяцев пребывания в застенках НКВД. Документы свидетельствуют, что он был избран следователями в качестве одного из руководителей некой контрреволюционной национали-

стической организации в РККА и усиленно обрабатывался в этом направлении.

Н. И. Ежов в сводке от 31 марта 1938 г. докладывал И. В. Сталину, что Я. П. Гайлит сознался в том, что он является участником антисоветского военно-фашистского заговора и латышской националистической организации: «ГАЙЛИТ показал, что в 1933 году ЭЙДЕМАН рассказал ему о существовании в Москве латышской националистической организации, возглавляемой РУДЗУТАКОМ, и что в этой организации имеется военный центр «военка», руководимый ЭЙДЕМАНОМ, АЛКСНИСОМ и БЕРЗИНЫМ, а на местах имеются уполномоченные “военки”. В задачу латышской организации входит оказание всемерной помощи фашистской Латвии, расширение ее границ за счет СССР, содействие поражению СССР в войне с Германией. <...> ГАЙЛИТ, будучи уполномоченным “военки” латышской организации по СибВО, провел большую работу по вербовке латышей в латышскую националистическую организацию» [21, с. 228].

К этому времени Я. П. Гайлит был сломлен морально и физически, вынужден был дать так называемые «собственноручные признательные показания». 18 апреля 1938 г. на 17 страницах подследственный изложил следствию теорию националистического заговора и перечислил «лиц, известных как участников латышского националистического заговора против Советской власти» [18, л. 82].

Судя по документам следственного дела, сотрудникам НКВД участия подследственного в заговоре и в националистической организации показалось мало и в ходе допроса 29 апреля 1938 г. они усиленно склоняли Я. П. Гайлита в признании им шпионской деятельности, которую он категорически отрицал [18, л. 98].

После вынесения подследственному обвинительного заключения следователи направили материалы дела в суд. Судебное заседание под председательством заместителя председателя Военной коллегией Верховного суда Союза ССР (ВКВС) корвоенюриста И. О. Матулевича состоялось 1 августа 1938 г. Из приговора: «Суд признал Я. П. Гайлита виновным в том, что он в 1933 г. вошёл в антисоветский военно-фашистский заговор, куда был завербован Тухачевским, и в том же году

вошёл в латышскую националистическую фашистско-шпионскую организацию, куда был завербован Эйдеманом. Лично сам завербовал восемь человек, с которыми проводил диверсионную вредительскую работу в РККА. Через участника организации Эйхе, сообщал германской разведке имеющиеся сведения о Красной Армии. Совместно с Каврайским и Сангурским разработал план поражения РККА в первые дни войны с Японией и создал заговорщические кадры из ссыльного кулачества и антисоветских элементов» [22, л. 1].

Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в контрреволюционных преступлениях, предусмотренных ст. 58-1б, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР Я. П. Гайлит был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Так трагически оборвалась жизнь комкора Я. П. Гайлита, латыша по национальности, одного из перспективных, энергичных командиров Красной армии, который в годы Гражданской войны героически воевал за советскую власть и был ранен, в межвоенный период занимал ряд высоких командных должностей, активно участвовал в строительстве армии нового типа.

Странным образом исчезла из обвинения и приговора статья о шпионаже, которую усиленно разрабатывали следователи НКВД. Однако никаких объективных доказательств шпионажа Гайлита в пользу какой-то неизвестной страны суду ими представлено не было. По этой причине ст. 58-6 из приговора изъяли.

Следует подчеркнуть, что судьба комкора Гайлита была решена за несколько дней до судебного заседания. 26 июля 1939 г. И. В. Сталин и В. М. Молотов подписали списки лиц, подлежащих суду по первой категории (расстрел). Среди прочих 138 чел. значилась и фамилия Гайлита, которого высшие партийные руководители обрекли на смерть [23, л. 214]. Следовательно, суд был лишь фарсом, оформлением принятого Сталиным и его ближайшим окружением решения.

Значительно позже Военной коллегией Верховного суда СССР было установлено, что обвинение базировалось только на признании подсудимым своей вины и «объективных доказательств виновности Гайлита в деле по его обвинению не имеется» [18, л. 153].

Неточности и несоответствия небрежно оформленного дела свидетельствуют о формальном подходе следователей к формированию доказательной базы, которая была построена на признательных показаниях подсудимого и третьих лиц, неизвестно каким путем полученных. Следователи НКВД и не стремились к объективности, точности и аккуратности, считая, что на свободу подсудимый уже не выйдет.

Даже зафиксированные в протоколах допросов сведения о самой организации довольно расплывчатые и противоречивые. В следственных документах отсутствует конкретика о целях, задачах, структуре и результатах деятельности контрреволюционной националистической организации. Более того, отсутствует однообразие в названии самой контрреволюционной организации. Так, в показаниях арестованных она фигурирует и как «латышский националистический заговор» [18, л. 82], и как «латышская националистическая фашистско-шпионская организация» [22, л. 1], и как «латышско-фашистская организация» [22, л. 2]. Глава НКВД Н. И. Ежов, под руководством которого была «раскрыта» не одна подобная организация, называл её «латышская контрреволюционная троцкистская организация» [14, с. 52].

Материалы реабилитационного дела Я. П. Гайлита свидетельствуют, что «никаких объективных доказательств виновности Гайлита в деле по его обвинению не имеется» [22, л. 3]. Обвинения Я. П. Гайлита «было основано на его показаниях в ходе предварительного следствия и в суде, где он признал себя виновным, а также показаниях тех, кто был арестован ранее. Это А. К. Ваккер, Л. И. Серебряков, М. К. Цауне, В. Я. Бикш, Р. П. Баузе, И. А. Ринк, Ф. Ф. Силко, Л. И. Седякин, И. З. Зиновьев и другие, которые впоследствии были реабилитированы.

К доказательству невиновности Я. П. Гайлита можно отнести и тот факт, что из материалов проверки стало известно, что «Эйдман, который по делу Гайлита проходит, как лицо завербовавшего его в латышско-фашистскую организацию в своих показаниях Гайлита не упоминал. Не дал показаний в отношении Гайлита и Тухачевский, которого Гайлит назвал как своего вербовщика в состав военно-фашистского заговора. Бикш В. Я., Зиновьев И. З., Вакер А. К. и Прокофьев А. П. в суде от своих показаний отказались и виновными себя в ан-

тисоветском заговоре не признали» [22, л. 2]. Однако вершившие суд представители ВКВС постарались не заметить всех этих несоответствий и неточностей.

Выводы

Таким образом, причастность Я. П. Гайлита к некой латышско-фашистской организации, тем более руководство ею, следствием не были доказаны. Сама же латышская националистическая организация в Красной армии, якобы представлявшая ответвление так называемого «Латышского национального центра», являлась частью сфабрикованного уголовного дела об одной из массовых национальных операций НКВД, направленной против «пятой колонны» в СССР в период массовых политических репрессий 1937–1938 гг. В результате жертвами террора по национальному признаку стали десятки тысяч советских граждан, одним из которых стал Я. П. Гайлит.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 ноября 1956 г. комкор Ян Петрович Гайлит был посмертно реабилитирован.

Список литературы

1. Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.
2. Рапопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. М.: Стрелец, 1995. 462 с.
3. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х книгах. 2-е изд. М.: Издание государственного комитета СССР по печати, 1990. 642 с.
4. Викторов Б. А. Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М.: Изд-во Юридическая литература, 1990. 87 с.
5. Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. 366 с.
6. Конквест Р. Большой террор // Нева. – 1989. – № 9–12; 1990. – № 1–12.
7. Якупов Н. М. Трагедия полководцев. М.: Мысль, 1992. 349 с.
8. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
9. Близначенко С. С. Боевая летопись Военно-морского флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Краснодар, КубГТУ, 2010. 282 с.
10. Вечоркевич П. Цепь смерти. Чистка в Красной Армии. 1937–1939 (на польском яз.). Варшава, 2001. 1335 с.
11. Войтковяк Я. Поляки и литовцы командиры Красной армии в 1922–1941 гг. (на польском яз.). Варшава, 2015. 660 с.
12. Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2019. 340 с.
13. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. 496 с.

14. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 736 с.

15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25892. Оп. 8. Д. 6.

16. РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 7.

17. РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 390.

18. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ). Д. Р-23528: в 3 т. Т. 1.

19. Мильбах В. С., Фомичёв С. О., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2018. 290 с.

20. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. 732 с.

21. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М.: МФД, 2011. 528 с.

22. Архив Военной коллегии Верховного суда РФ (АВКВС РФ). Оп. 55. Д. 17133.

23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 417.

The fate of komkor Ya.P. Gailit. (On the question of the existence of anti-Soviet nationalist organizations in the Red Army in the 1930s)

Vladimir S. Milbach, Vasily M. Kurmyshov

The topic of mass political repressions of 1937–1938 in the Red Army is relevant and is of interest to professional historians and readers. However, the historiography of this topic does not cover all important issues. For example, historians have not been subjected to close study of the existence of various anti-Soviet nationalist organizations in the Red Army and of senior commanders convicted of participating in such organizations. The article presents a modern view of historians on these issues based on the results of a study of the materials of the archival and investigative case of the arrested commander of the Ural Military District Komkor Ya.P. Gailit.

Key words: mass political repressions, commanding officers, conspiracy, Latvian counterrevolutionary Trotskyist organization, investigation, interrogation protocol, falsification, execution, rehabilitation.

For citation: Milbach, V. S., Kurmyshov, V. M. (2022). Sud'ba komkora YA.P. Gajlita. (K voprosu o sushchestvovanii v Krasnoj armii v 1930-h godah antisovetskih nacionalisticheskikh organizacij) [The fate of komkor Ya.P. Gailit. (On the question of the existence of anti-Soviet nationalist organizations in the Red Army in the 1930s)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 154–168. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_154

References

1. Medvedev R. *O Staline i stalinizme* [About Stalin and Stalinism]. M.: Progress. 1990. (In Russ.)
2. Rapoport V., Geller Yu. *Izmena Rodine* [Treason to the Motherland]. M.: Strelets. 1995. (In Russ.)
3. Volkogonov D.A. *Triumf i tragediya: Politicheskii portret I.V. Stalina* [Triumph and Tragedy: A Political Portrait of I.V. Stalin]. V 2-kh knigakh. 2-e izd. M.: Izdaniye gosudarstvennogo komiteta SSSR po pečati. 1990. (In Russ.)
4. Viktorov B.A. *Bez grifa «sekretno»: Zapiski voyennogo prokurora* [Without the "secret" stamp: Notes of the military prosecutor]. M.: Izd-vo Yuridicheskaya literatura. 1990. (In Russ.)
5. Gorbатов А.В. *Gody i voyny* [Years and wars]. M.: Voenizdat. 1989. (In Russ.)
6. Konkvest R. *Bolshoy terror* [The Great Terror] // *Neva*. 1989. № 9–12. 1990. № 1–12.
7. Yakupov N.M. *Tragediya polkovodtsev* [The tragedy of the generals]. M.: Mysl. 1992. (In Russ.)
8. Suvenirov O.F. *Tragediya RKKK 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. M.: TERRA. 1998. (In Russ.)
9. Bliznichenko S.S. *Boevaya letopis Voenno-morskogo flota Sovetskogo Soyuz: poteri v rezultate repressiy 1930-kh godov* [Combat Chronicle of the Navy of the Soviet Union: losses as a result of the repressions of the 1930s]. Krasnodar. KubGTU. 2010. (In Russ.)
10. Vechorkevich P. *Tsep smerti. Chistka v Krasnoy Armii. 1937–1939* [The chain of death. Purge in the Red Army. 1937–1939]. Varshava. 2001. (In Pol.)
11. Voytkovyy Ya. *Polyaki i litovtsy komandiry Krasnoy armii v 1922–1941 gg.* [Poles and Lithuanians commanders of the Red Army in 1922–1941]. Varshava. 2015. (In Pol.)
12. Milbakh V.S., Pavlovich S.L., Churakov D.R. *Politicheskiye repressii komandno-nachalstvuyushchego sostava. 1937–1938 gg. Sredneaziatskiy voyennyy okrug* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Central Asian Military District]. SPb: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Gangut». 2019. (In Russ.)
13. Cherushev N.S., Cherushev Yu.N. *Rasstrelyannaya elita RKKK (komandarmy 1-go i 2-go rangov. komkory. komdivy i im ravnyye). 1937–1941. Biograficheskii slovar* [The executed elite of the Red Army (1st and 2nd rank commanders, komkor, komdiv and their equals). 1937–1941. Biographical Dictionary]. M. 2012. (In Russ.)
14. Lubyanka. *Stalin i Glavnoye upravleniye gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti. 1937–1938.* [Lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD. Stalin's archive. Documents of the highest bodies of party and state power. 1937–1938]. M.: MFD. 2004. (In Russ.)
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv* [Russian State Military Archive]. F. 25892. Op. 8. D. 6.
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv* [Russian State Military Archive]. F. 25892. Op. 8. D. 7.
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv* [Russian State Military Archive]. F. 25892. Op. 8. D. 390.
18. *Tsentralnyy arkhiv Federalnoy sluzhby bezopasnosti RF* [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. D. R-23528 v 3-kh tomakh. T. 1.
19. Milbakh V.S., Fomichev S.O., Churakov D.R. *Politicheskiye repressii komandno-nachalstvuyushchego sostava. 1937–1938 gg. Uralskiy voyennyy okrug* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Ural Military District]. Sankt-Peterburg: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Gangut». 2018. (In Russ.)
20. *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobraniye dokumentov v 7-mi tomakh. T. 1* [The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes. Vol. 1]. Massovyye repressii v SSSR. M.: ROSSPEN. 2004. (In Russ.)
21. *Lubyanka. Sovetskaya elita na stalinskoj golgofe. 1937–1938.* M.: MFD. 2011. (In Russ.)
22. *Arkhiv Voennoy kollegii Verkhovnogo suda RF (AVKVS RF)*. Op. 55. D. 17133.
23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI)*. F. 17. Op. 171. D. 417.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022;

Одобрена после рецензирования 3.10.2022;

Принята к публикации 20.10.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дусин Алексей Владимирович, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: cadet73-75@mail.ru

Ковальская Светлана Ивановна, доктор исторических наук, ассоциированный профессор (доцент), профессор кафедры истории Казахстана, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва), Астана, Казахстан;
e-mail: skovalsk@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7613-7597

Курмышов Василий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: vasiliy-kurmyshov@yandex.ru

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь;
e-mail: alexander.loiko@tut.by

Ломанов Владислав Андреевич, аспирант кафедры истории России, лаборант Научно-образовательного центра краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: Vladislav.Lomanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3797-2236

Мельникова Дарья Андреевна, кандидат исторических наук, лаборант-исследователь Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: 31020307d@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8552-4185

Мильбах Владимир Спартакович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: v.milbach@yandex.ru

Осипов Никита Александрович, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; руководитель музея школы № 152, педагог истории и обществознания, педагог дополнительного образования, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: osipov090996@mail.ru

Перевозников Александр Александрович, кандидат педагогических наук, учитель истории, руководитель «Научно-исследовательского общества обучающихся» (НИОО), школа №1468, Москва, Российская Федерация;
e-mail: perev_alex@mail.ru

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-6556-3950

Хизат Акерке, докторант PhD, кафедра истории Казахстана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;
e-mail: khizatakerke@gmail.com

Шайдуrow Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор кафедры истории, исторический факультет, Ургенчский государственный университет, г. Ургенч, Узбекистан;
e-mail: s-w-n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1431-1163

ABOUT AUTHORS

Dusin Aleksey V., Lecturer of the Department of Military-Political Work in the Troops (forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: cadet73-75@mail.ru

Khizat Akerke, PhD student, Department History of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan;

e-mail: khizatakerke@gmail.com

Kovalskaya Svetlana I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan;

e-mail: skovalsk@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7613-7597

Kurmyshov Vasily M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Military-Political Work in the Military (forces), Military Institute (Engineering and Technical) Military Academy of Logistics, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: vasily-kurmyshov@yandex.ru

Loiko Aleksandr I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus;

e-mail: alexander.loiko@tut.by

Lomanov Vladislav A., Postgraduate Student of the Department of History of Russia, Laboratory Assistant of the Scientific and Educational Center for Regional Studies, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia;

e-mail: Vladislav.Lomanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3797-2236

Mel'nikova Dar'ya A., Candidate of Historical Sciences, Research Assistant, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail 31020307d@gmail.com; ORCID 0000-0001-8552-4185

Milbach Vladimir S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Military-Political Work in the Troops (forces), Mikhailovsky Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: v.milbach@yandex.ru

Osipov Nikita A., Postgraduate Student, Pushkin Leningrad State University, Head of the Museum of School No. 152, Teacher of History and Social Studies, teacher of additional education;

e-mail: osipov090996@mail.ru

Perevoznikov Aleksandr A., Candidate of Pedagogical Sciences, History Teacher and Head of the «Scientific Research Society of Students» (NIOO), School No. 1468, Moscow, Russian Federation;

e-mail: perev_alex@mail.ru.

Pobedonostseva-Kaya Angelika O., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-6556-3950

Shaidurov Vladimir N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University; Professor of department of History, Faculty of History, Urgench State University, Uzbekistan;

e-mail: s-w-n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1431-1163

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен двумя файлами:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно

рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.

• **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи.

• **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.

• **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещать в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

• **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:

- ФИО (полностью);
- Ученая степень;
- Ученое звание;
- Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
- Город;
- Страна;
- Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
- E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Правила оформления библиографического списка

Настоящие правила оформления списков источников и литературы (примечательных библиографических списков) основаны на требованиях ГОСТ Р 7.0.5-2008, регламенте представления журналов в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), требованиях высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК).

Источники различных типов необходимо описывать следующим образом

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Внимание!: запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.» – обязательна.

Недопустимо сокращать (или иным способом изменять) названия статей и названия журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в официальном (!) сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать CAS Source Index, библиотеку WorldCat или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала найти не удалось – необходимо указывать его полное название.

Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier – DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие doi у источника следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке. Подавляющее большинство зарубежных журнальных статей с 2000 года и многие русскоязычные статьи (опубликованные после 2013 года) зарегистрированы в системе CrossRef и имеют уникальный DOI.

МОНОГРАФИЯ

- Езерский Н. Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с.
- Веременко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
- Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 101-114.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

- Веременко В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354. DOI 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Зайцева С. В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2-х т. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – С. 180–182.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ

- Вашева И. Ю. «Перковные истории» поздней античности: социальные функции, смысл и назначение // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени: сб. науч. ст. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. – С. 5–18.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Puar, J. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability. – Durham; London: Duke University Press, 2017. – 296 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Wenners C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // Nature. – 1997. – Vol. 387. – No. 6631. – Pp. 341–343.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Historical Archives of the European Union. – Available at: <https://www.eui.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (accessed 20 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

- Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с.
- Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с.

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

- Abramov YA. V. (1900) *Nashi voskresnye shkoly. Ikh proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva. (In Russ.)

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Sinova I.V. (2016) *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo второй половине XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the 19th – early 20th centuries] // *Ural'skij istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.)

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Zajceva S. V. (2018) *(Sud'ba nezakonnorozhdennyh detej i ih materej v rossijskih gorodah vo второй половине XIX v. [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the 19th century] // Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the 14th–21st centuries]. Materialy Odinnadcatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod. V 2-h tomah / Otv. redaktory: N. L. Pushkareva, N. A. Gronskaya, N. K. Radina. Moscow: IEA RAN. T. 1. Pp. 180–182. (In Russ.)*

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ

- Vashcheva I. Yu. (2011) «Tserkovnye istorii» pozdnei antichnosti: sotsial'nye funktsii, smysl i naznachenie ["Church Histories" of Late Antiquity: Social Functions, Origin and Purpose]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Almanac on the History of the Middle Ages and the Early Modern Era]. Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 5–18. (In Russ.)

Обратите внимание!

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах. При обозначении интервала используется тире без пробелов (1941–1941 гг.; с. 1–10, но с поясняющими словами с пробелами: конец XIX – начало XX в.).

Кавычки должны быть внешние («...») и внутренние ("...").

Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами, при переводе на английский – арабскими. **Римские цифры** набираются с переклочением на латинскую клавиатуру: XIX –XX вв.

Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением иноязычных имен и фамилий.

Сокращения в тексте используются общепринятые, например: тысячелетие – тыс., век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг. и др. Возможны сокращения: др. (другие), т. п. (тому подобное), т. д. (так далее), т. е. (то есть), чел. (человек).

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторы" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала everyday.history@lengu.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 4 (24)

2022

Редактор **Л. М. Григорьева**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif 4.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,25.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ №1826

На обложке размещена репродукция картины

В. В. Верещагина «Калмык на лошади в степи», 1869-1870-е гг.,

Калужский музей изобразительных искусств, Калуга

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru